
8 (194) 1990
ЭКО
ISSN 0131-7652
Демократия на заводе
Чей страж арбитраж?
Наша общая рыбалка
Женщины не второго сорта
Равноднeвка
ЗАРУБЕЖНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР:
Гибель «Прометея»

После нескольких интересных публикаций по нэпу журнал вдруг и по непонятной причине потерял интерес к проблемам экономической истории нашей страны. Считаем, что здесь есть еще много чего поучительного, например, особенности экономического развития России до 1913 г. и в частности столыпинский период: как решались вопросы правового обеспечения новой экономической политики, финансовая реформа Витте денежная реформа 1922—1924 гг., опыт послевоенной конверсии, реформ 1947, 1965 г. Следует подробно и с разных точек зрения обсуждат исторические уроки, возможности применения этого опыта в настояще время.

В. В. ГОРОВИКОВ, Ю. В. ГУРИНОВИЧ, Новосибирс

Хочется побольше узнать о жизни (и трагедии) замечательных людей чьи идеи сложившаяся система должна была отвергнуть и они не смогл стать известными в свое время.

В. М. САВЧУК, Новомиргород, Кировоградская обл

Журналу следовало бы обратиться к еще одной поучительной дл советского читателя теме — судьбе родившихся в России великих эконо мистов, состоявшихся не в отечестве. А ведь среди них — не один тольк ставший вдруг чрезвычайно «модным» В. Леонтьев.

А. Ф. АКСАМЕНТОВА, Иркутская обл

Боюсь, что «Магия мыслей и слов» (ЭКО 10. 89) и подобные публикаци подробно изучают те руководители, которые используют психологическо воздействие на своих подчиненных для подавления их воли и навязывани своей. Полагаю также, что у нас еще много людей, для которых н все средства хороши, что ведут к цели.

А. В. МИХЕЛЬ, Целиногра

«Магия мыслей и слов» и подобные материалы помогают понят каждому свою цену, осознать свои недостатки и эффективно бороться с ними, использовать свои возможности для саморазвития, и в первую очередь — умения мирно сосуществовать с окружающими, плодотворн сотрудничать с ними. Проще говоря — ладить с людьми.

С. В. ПИЩИК, Днепропетровск

На мой взгляд, журналу следовало бы обратиться к отечественным авторам дореволюционной поры, оппонентам экономических взглядов К. Маркса и В. И. Ленина, дать объективную оценку их взглядам.

И. А. ЛЕНШИН, Душанбе

Кризис теории социализма, утопичность марксизма-ленинизма еще ждут своих исследователей и авторов. Такие исследования не останутся без внимания читателей.

С. М. КАЗАНЦЕВА, Тюмень,
В. Ф. НЕЛЕПИН, Ленинград

Было бы здорово познакомиться с серьезным исследованием эволюции бюрократической системы России от Грозного до Сталина (и далее с прогнозом ее возможной судьбы).

Интересно и актуально сегодня и исследование становления рынка в конце XIX—начале XX века.

В. Е. ЦАПЕЛИК, Москва

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ЛЕНИНА СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА ВЫХОДИТ 12 РАЗ В ГОД

8 (194) 1990

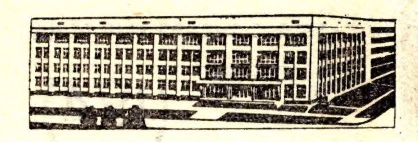
НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

0131—7652. Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 8. 1—224.

Номер готовили:
Т. Р. БОЛДЫРЕВА
(и. о. ответственного секретаря),
Л. В. ДЬЯЧЕНКО, В. С. ЛАВРОВ,
М. Н. ЛЕВИНА, Н. К. МАКСИМОВА,
Л. Ф. РОМАНОВА, В. Г. РУБЕНЧИК,
Г. М. ЧЕВЕРДА, Д. С. ШПИЛЬФОЙГЕЛЬ,
Л. А. ЩЕРБАКОВА

Художники:
В. А. КРИВОБОКОВ, Л. М. ПЕТРУНЕВА

Адрес редакции:
630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17
телефон 35-67-83

Заведующая редакцией З. Г. БАГЛАЙ
Технический редактор Г. М. ЖВАКИНА
Корректор Н. В. МОЛИНА

Сдано в набор 19.04.90. Подписано к печати 12.06.90. МН-01451. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,8. Усл. кр.-отт. 12,43. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 165 000. Заказ 161. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
Издательство «Наука»,
Сибирское отделение,
630099 Новосибирск, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука»,
630077 Новосибирск, Станиславского, 25.

Вопросы теории

ИДЕЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В. П. ЧЕРЕПАНОВ,
Институт ядерной физики СО АН СССР,
Новосибирск

Экономика, основанная на государственной собственности на средства производства, исключающая независимую частную инициативу граждан, оказалась экономически неэффективной. Ныне в общественном сознании культивируется альтернатива — так называемая «коллективная собственность»: предприятия должны либо перейти в коллективную собственность трудовых коллективов, либо (более слабый вариант) арендоваться ими у государства. Эта идея — альтернатива не только государственной, но и частной собственности. Частная собственность в сознании масс неизменно ассоциируется с ужасами капитализма.

«В обычном сознании дело поставлено на голову»,— писал К. Маркс. Это означает, что сознание масс отражает бытие не просто неадекватно, но и с точностью до наоборот. Общественный идеал становится основанием индивидуального интереса, цель — основанием средств и т. д. Главный аргумент —«так должно быть»— из того жеидеалистического ряда. Должное предпосылается сущему. Материализм исходит из того, что общественное бытие определяет общественное сознание, что лишь частные интересы индивидов служат основанием общественных идеалов, что средства определяют цель и т. д.

Извлечь идею социализма из сферы пустых абстракций, поставить ее на реальную основу частных интересов — насущная задача текущего момента.

В статье «О кооперации» В. И. Ленин пишет: «...Теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса... степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткнове-

ния для многих и многих социалистов». Здесь, к сожалению, очередная иллюзия — как это и показало дальнейшее развитие событий. Социализм мог бы быть «строем цивилизованных кооператоров», но не смог осуществиться как строй для «цивилизованных кооператоров» при политической власти не самих этих кооператоров.

В революционной ситуации, когда верхи не могут уже управлять по-старому (выражение В. И. Ленина), когда массы включаются в политическую борьбу, в такую эпоху идеализм массового сознания становится опасным, несравненно более опасным, чем идеализм теоретиков. Исторические примеры тому — события после Французской революции 1789 г. и после Октябрьской революции 1917 г. На мой взгляд, наиболее важная задача интеллигенции в такую эпоху — разоблачение иллюзий массового сознания, а задача трезво мыслящих политиков — своевременное пресечение попыток практической реализации социальных утопий — пусть даже старыми средствами и ценой замедления необходимых реформ.

Если предприятие не является в действительности объектом совместной частной собственности (термин К. Маркса) его «совладельцев», если не предусмотрено и не обеспечено право выхода индивида-совладельца из дела с соответствующей долей капитала, то тем самым сохранена Административная Система в миниатюре, сохранена крепостная зависимость от иллюзорно общего интереса, действительной предпосылкой которого могут быть только совместные частные интересы индивидов, ставших участниками бюрократических структур управления. Такая система может быть устойчивой, может даже развиваться, только если во главе ее стоит авторитетный лидер (такой, например, как Святослав Федоров — директор МНТК «Микрохирургия глаза»). Но здесь опять нет подлинно коллективной собственности. Действительной основой стабильности тут является воля лидера. Такого рода авторитарные структуры могут существовать только как подсистемы более общей Административной Системы. Предприятие С. Федорова поддержано, как известно, на самом высоком уровне. Если единого авторитета нет, если руководство предприятием осуществляется «на подлинно демократических началах», то весьма быстро обнаруживается, что «собственники» таких мнимо коллективных предприятий объективно не заинте-

ресованы в употреблении прибыли на накопление «собственного» капитала.

Где же желанное «чувство хозяина»? Ответ прост, но это такой ответ, с которым упорно не желает согласиться иллюзорное сознание: чувство хозяина будет иметь только подлинный хозяин, собственник своей доли капитала. Действительная коллективная собственность может существовать как таковая только в условиях правовой защищенности индивидуальной частной собственности граждан. Гражданин — совладелец предприятия — должен иметь право на выход из него с причитающейся ему долей капитала. Свободная купля-продажа акций на фондовой бирже — непременный атрибут такого права. Иначе мы будем иметь опять-таки мнимого акционера, еще более, чем сейчас, закрепощенного наемного работника. При свободной купле-продаже акций может возникнуть (и возникнет) такое положение, при котором некоторые работники предприятия будут владеть также акциями и других предприятий. Запрещать это недопустимо, это вынужденная плата за необходимую экономическую свободу, за свободный рынок труда и капитала. Только таким и может быть подлинный рынок, хоть трижды называйся он социалистическим. Временной гарантией от скупки акций посторонними лицами могло бы послужить исключительное право покупки акций только работниками данного предприятия. Но это право гарантируется автоматически, коль скоро сами работники предприятия, принимающие решение о приеме новых работников, объективно (каждый независимо от другого) заинтересованы в том, чтобы их предприятие ненароком не оказалось под контролем отдельных граждан. Известные ограничения может обеспечить законодатель в лице Верховного Совета.

В сфере крупных и средних предприятий акционерная форма собственности — это, видимо, та форма действительно коллективной собственности, которая, с одной стороны, позволит поставить народное хозяйство на единственно реальную основу частных интересов граждан, с другой — позволит избежать резкого усиления имущественного неравенства, не допустить снижения достигнутого уровня социальной защищенности. Начинать нужно с «малого»: закрепить законодательно право индивидуальной частной собственности граждан на собственные дома, приусадебные участки, кооперативные квартиры, дачные участки, га-

ражи — на те объекты, что уже находятся в индивидуальной собственности, владении или пользовании граждан. Нелепо рассчитывать на лояльное отношение народа к легализации частной собственности, пока каждый человек на практике не убедится в том, что это право — выражение прежде всего его интереса и его воли.

Из писем в редакцию

Совместимы ли культура и хозрасчет?

Что понимают под словом КУЛЬТУРА, когда говорят о несовместимости ее с хозрасчетом? Видимо, сеть театров, библиотек, клубов, концертных организаций, музеев, реставрационных мастерских, парков, цирков — учреждений, подведомственных Министерству культуры. Но исчерпывает ли приведенный перечень всю культуру? Конечно, нет! То, что объединяет профессиональный союз работников культуры, ближе к пониманию КУЛЬТУРЫ: это не только музеи, библиотеки, клубы и концертные организации. Это еще и целая индустрия туризма, неотделимая от музеев, театров, реставрации. Это книгоиздательская отрасль, которая тесно связана с библиотеками и музеями. Нельзя забывать также культурно-спортивные комплексы, кино и телевидение.

Другой момент: культура (в широком смысле) убыточна или прибыльна? По мнению многих, культура только просит да просит, а взамен не дает ничего, поэтому ассигнования на культуру приходится отрывать от других нужд.

Утверждаю: культура (только не в узком смысле, а в широком) сама себя окупает! Многомиллионные прибыли от издательств, туризма, кино перечисляются в госбюджет, откуда в виде милостыни, крохами перепадают клубам, библиотекам, музеям и театрам. Другими словами, происходит перераспределение прибыли и дотаций внутри комплекса отраслей культуры.

Вывод: при ассигновании и распределении прибыли следует рассматривать культуру в широком смысле, внедряя и здесь хозрасчетные отношения.

Например, приносят ли прибыль туристско-экскурсионные организации ВЦСПС? Приносят. Так пусть ВЦСПС и делится частью прибыли с музеями и реставраторами, без которых экскурсантов водить некуда было бы.

Почему бы издательству не перечислить часть прибыли от издания роскошного альбома репродукций тем картинным галереям и музеям, которые реставрируют, хранят и пропагандируют произведения культуры и искусства, воспроизводимые в печатном виде?

Культура сама себя в состоянии прокормить, надо только хорошенько все подсчитать (на то и хозяйственный расчет) и назвать все вещи своими именами.

А. Н. МЕДВЕДЕВ,
Москва

Культура хозрасчета не терпит

Планирование деятельности учреждений культуры, возмещение их затрат — о чем пишет И. А. Столяров (ЭКО 2.90),— далеко не новая проблема. Впервые для России она возникла при Петре I, когда в Санкт-Петербурге устроена была знаменитая посейчас Кунсткамера. Первый ее директор Шумахер (тот самый, противник М. В. Ломоносова) не смог решить задачу определения платы за посещение и обратился к государю. Петр I деньги брать запретил и повелел выделить из госбюджета (в условиях Северной войны) 425 руб. в год, сумму немалую (во время обучения в Москве Ломоносову выдавали на прожитие три копейки в день). Экспозиция была построена таким образом, что за несколько минут ее не обойти. Самых терпеливых посетителей любого звания ожидали «на выходе» хорошие и бесплатные выпивка и закуска. Теперь в скудных буфетах музеев мы платим за более чем скромную закуску из собственного кармана.

Не взималась плата за осмотр знаменитого Морского музея в Петербурге. Воссоздатель его, военный моряк Н. М. Баранов, объявил в печати, что музей «открыт бесплатно для посетителей всех званий». Тогда, в 1867 г., посетителей было порой до 100 человек в день.

В 1887 г. музей посетили 17 тысяч, на следующий — 22 тысячи любителей морской истории, просто любознательных. Сколько потеряло на «нехозрасчетном» учреждении государство в деньгах и сколько получило на познании отечественной истории, укреплении патриотических чувств? Тогда не считали, не думали о хозрасчете. Этого и ныне не подсчитать.

Напрашивается сам собой вывод: культура не терпит коммерческого, хозрасчетного подхода, и так называемый «финансовый подход»— бессмыслица. Планирование посещений и выделение средств по нормативам — столь же абсурдно. Я с 1961 г. занимаюсь музейным делом и могу сказать: посещаемость музея зависит от общественного интереса к его «предмету», деятельности самих работников, пропаганды. То есть «планировать культурные блага» невозможно без тщательной подготовки. Только тогда следует устраивать государственные культурные учреждения. Пока мы делаем наоборот: ставим концертный зал, музей и начинаем зазывать туда население. Общество до всего должно дозреть. Это старая истина, и отвергать ее не следует. Созреванию помогает умная и целенаправленная черновая работа. Постепенно все войдет в привычку.

На первые Петровские ассамблеи россияне доставлялись под конвоем (иноземцы приходили сами). Со временем новшество так понравилось, что устраивалось в Летнем саду.

Для определенного района страны, для определенного учреждения культуры со временем определится постоянное количество посетителей в месяц, в год. На основании таких показателей нужно «планировать» работу, финансирование, кадры, оплату труда научных сотрудников, руководства и обслуживающего персонала. Иначе любые «контрольные цифры» окажутся «дутыми». Не помогут и «рыночные отношения», о которых пишет И. А. Столяров.

При нашей хилой экономике неизбежно некоторое «самофинансирование» для поддержания «культурных очагов». «Дровами» могут и должны (тут я согласен со Столяровым) стать: централизованные (государственные) ассигнования, средства населения в виде неболь-

шой платы за посещение. В отдельные дни недели для отдельных групп (военнослужащих рядового состава, школьников, студентов, пенсионеров) вход можно сделать бесплатным, что привлечет посетителей. Какую-то долю средств могли бы выделять предприятия, организуя бесплатные экскурсии своих работников; заняться «коммерческой деятельностью» могли бы и сами работники музеев, музыкальных и других учреждений. Допустим, с помощью местной типографии напечатать и продавать посетителям путеводитель по музею, собрание статей о крае, области, общественных, исторических деятелях.

Лично мой взгляд таков: строить учреждения культуры следует, идя от жизни, от потребностей населения, которые нужно выявлять и формировать. Умная итальянская поговорка гласит: «Чудо — это тщательно подготовленное мероприятие». Общество нужно окультуривать (в хорошем смысле), т. е. воспитывать. Затем считать «по ступенькам»: необходимость учреждения культуры, исходя из количества подготовленных возможных зрителей или слушателей, расходы на содержание, возможность финансирования из местных источников путем собственной «коммерческой деятельности» культурных учреждений, дотация. Часть средств, полученных от собственной деятельности «культурных очагов», должна расходоваться на премирование сотрудников, общественников-краеведов.

В. А. ИЛЬИН,
Москва

Вернуть хранительницу к очагу!

Многие женщины хотели бы стать домохозяйками навсегда или на какой-то срок, но хотят при этом, чтобы выплачивалось пособие рублей 100, не прерывался стаж их работы. Тем самым мы подготовим сильные тылы, о которых стали забывать, прикрываясь якобы нехваткой рабочих рук, вернем нашим хранительницам очага ту честь и хвалу, которую отняли, превратив их в дешевую рабочую силу. На пенсию домохозяйка должна уходить, как и все производственницы: пользы государству она принесла не меньше. Одновременно решится задача воспитания детей, организации надомных работ, кооперативного движения...

Где взять средства?

Во-первых, меньше понадобится средств на содержание детских садов, детских домов, инспекций и прочих заведений.

Во-вторых, эти предложения рассчитаны на перспективный плавный переход при впереди идущем НТП и ожидаемом высвобождении рабочей силы. А может, это следует сделать, не дожидаясь НТП, чтобы, почувствовав на себе уход дешевой рабочей силы, производственники ускорили процесс перевооружения?

В. И. РЯБУХА,
ПО «Югтрансгаз», Саратов

ЭКОНОМИСТ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

А. Г. АНТИПЬЕВ,
кандидат философских наук,
Пермь

Сегодня отряд экономистов с высшим и средним экономическим образованием насчитывает 3,8 млн человек. По сути, каждый десятый специалист — экономист. Казалось бы, не должно быть особых тревог за научное и методическое обеспечение экономической реформы в стране. Однако многие сегодня говорят о существенных недостатках в работе экономических служб, порой не только не способствующих внедрению новых форм хозяйствования, но и тормозящих их. Что мешает экономисту-практику стать проводником новых экономических идей?

Ныне на предприятиях, стройках и т. п. на должностях экономистов и инженеров-экономистов работает около миллиона человек. Именно заводские экономисты напрямую и каждодневно связаны с самыми широкими массами трудящихся и своими практическими действиями призваны влиять не только на экономическую, но и социальную, политическую сферы их жизни. В ходе социологических исследований на предприятиях Пермской области были изучены статистические данные о состоянии и деятельности специалистов этой группы, проведены беседы с ними, включая «круглые столы» и анкетный опрос. Выборочная совокупность опрошенных в 1980 г. составила 747 человек, в 1989 г.— 647. Среди них достаточно широко представлены все основные категории экономистов — как заводоуправления, так и цехового звена.

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ!

Расширились рамки самостоятельности экономических служб, стала совершенствоваться их структура, повысился уровень ответственности и самостоятельности, возрос объ-

ем работы. Вместе с тем к работе в новых условиях подавляющее большинство экономистов оказались не готовыми. И хотя причины здесь разные, но одна из главных — неудовлетворительная профессиональная подготовка. Так, в последнем нашем исследовании только каждый шестой опрошенный считает, что экономические службы предприятий активно влияют на производственные показатели. И это не случайно: в стране десятилетиями готовились специалисты, приученные не рассуждать, а повиноваться, четко следовать приказу, букве и духу инструкции. Отвечая на вопрос анкеты «Какие качества для вашей должности вы считаете наиболее важными?», заводские экономисты такое качество, как «самостоятельность», указали одним из последних.

Не хватает общей компьютерной грамотности. Наши вузы до сих пор снабжаются вычислительной техникой в последнюю очередь, хотя в Японии, например, в систему образования направляется до половины вновь создаваемой техники. Преподавание экономики в вузах зачастую слабо связано с реальными производственными проблемами.

НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ

В доперестроечный период экономисты выступали в качестве регистраторов изменений производственной жизни. Они, как справедливо выразился один начальник планового отдела, «гоняли цифирки». А если учесть, что производственный план по пять-десять раз в году изменяли сверху, то работы с «цифирками» всем хватало: «гоняли» их из одного отчета в другой. Многих это устраивало: никакого умственного «напряга», никакой ответственности за конечный результат.

Сейчас, когда ситуация в обществе и на производстве изменилась, медаль повернулась оборотной стороной, обнаружился дефицит знаний экономистов-практиков, особенно по хозрасчету, подряду, аренде, акционерным обществам, кооперативам. Они мало что знают о новых методах планирования, об эффективной системе стимулирования труда и т. д.

Насколько остро стоит вопрос компетентности, свидетельствует наше обследование. 81,2 % опрошенных завод-

ских экономистов, по их собственному признанию, не имеют четкого представления о том, как будет внедряться полный хозрасчет на их предприятии. Такая некомпетентность гнетет их, тем более что сейчас экономическими вопросами все активнее интересуются и рабочие, и инженерно-технические работники. И далеко не всякий экономист может дать толковое и грамотное разъяснение. Не случайно каждый десятый, заполнивший анкету, хотел бы избрать работу попроще.

Кстати, в связи с этой ситуацией возникает вопрос. По отчетным данным, большинство предприятий работают на хозрасчете. Как увязать это с тем, что 81,2 % заводских экономистов не имеют о нем четкого представления? Главная причина, видимо, в рапортомании, в стремлении и руководителей, и самих экономистов выдать желаемое за действительное.

И еще один принципиальный аспект экономического обеспечения новых производственных отношений. По данным Госкомстата СССР, за последние 17 лет в 2,2 раза увеличилось количество учащихся-экономистов в техникумах и втрое — студентов экономических специальностей в вузах. Ни в одной крупной отрасли знаний такого внушительного роста обучающихся нет. Но при высоких темпах подготовки экономистов их остро не хватает на предприятиях. По нашему обследованию 1989 г., на должностях экономистов работало 4,0% людей с общим средним, 21,9 — со средним специальным и 9,4 %—высшим неэкономическим образованием. И еще две цифры: в целом в стране насчитывается 3,8 млн экономистов, а на предприятиях, стройках и т. п. работает всего четвертая их часть. Остальные — почти 3 млн —«окопались» в многочисленных учреждениях и конторах или работают не по специальности.

ПЕРЕПОДГОТОВКА И САМООБРАЗОВАНИЕ

Казалось бы, дефицит знаний у экономистов, высокий удельный вес непрофессионалов среди них, рост требований к их деятельности должны были повернуть их к учебе, в том числе и самостоятельной. К сожалению, исследования показали, что больших изменений здесь не произошло.

Так, если в 1980 г. 26,9 % опрошенных за последние пять лет учились на курсах в отраслевом институте, то в 1989 г. численность их выросла всего до 29,1 %. А главное, в системе переподготовки пока нет системы. На курсы, как правило, направляются те, кого в данный момент можно освободить от работы. А если учесть еще, что 70—80 % экономистов — женщины, которым не так-то просто уехать на месяц в другой город, то становится ясным, что нужны другие формы учебы.

Одна из них — изучение и обмен опытом работы со специалистами других предприятий. Но и здесь за последние десять лет нет никаких изменений к лучшему. Так, в 1980 г. 33,9 % опрошенных экономистов побывали на других предприятиях, в 1989 г.— цифра та же. Впрочем, есть положительные сдвиги в самостоятельной учебе экономистов. Например, если в 1980 г. систематически изучали вопросы экономики 28,1 %, то в 1989 г. таких оказалось уже 34,2 %. Но, конечно, эта цифра совершенно не соответствует требованиям времени.

Большинство заводских экономистов основным источником пополнения знаний называют газетные статьи по экономической теории и практике (указали 74,4 % опрошенных в последнем исследовании), а также передачи по радио и телевидению (61,9), журнальные статьи (48,8), учебу в сети экономического образования и народном университете (35,6), книги (35,3) и, наконец, для 33,4 % учителем служит реальная практика.

АНАЛИЗЫ И ПРОГНОЗЫ

Наиболее слабым звеном в работе заводских экономистов является прогностическо-аналитическая деятельность. Между тем сегодня это главная их функция. Пока же управление идет «по дефициту» (ликвидация последствий проявления проблем), в то время как перестройка экономических отношений, демократизация производственной жизни настоятельно требуют управления «с опережением» (ликвидация причин появления проблем).

В новых условиях хозяйствования необходим ежедневный анализ, чтобы четко определить, за счет чего достигнуты успехи, где допущены промахи, какие рычаги следу-

ет использовать для закрепления и улучшения достигнутого. Словом, радикальная экономическая реформа требует больших усилий по отработке внедряемого хозрасчетного механизма. Рассчитывать на то, что со временем все само по себе «притрется», не приходится.

К сожалению, заниматься анализом и прогнозами, что предполагает глубокое понимание экономики, знание вычислительной и системотехники на высоком профессиональном уровне, практически некому: таких специалистов не готовит ни один вуз. Нынешняя структура экономических служб устарела, специализация ее работников предельно узка, аналитическую функцию сейчас реализуют лишь творчески работающие начальники отделов, а остальные сотрудники чаще всего «приставлены» к формам отчетности.

Конечно, и отряд экономистов-аналитиков, хотя и медленно, формируется прямо на производстве. Среди опрошенных нами в 1989 г. специалистов почти каждый второй отметил, что время, затрачиваемое им на экономический анализ, с началом перестройки механизма управления, переходом на хозрасчет в последние два года возросло, но незначительно. Всего 7,7 % экономистов полностью удовлетворены уровнем своей аналитической деятельности.

Причины отставания экономистов от требований жизни не только в их недостаточной компетентности и устаревших стереотипах. Плохо организован их труд, слаба система стимулирования, нет побудительных мотивов к аналитической деятельности.

Вот конкретные тому подтверждения: всего 1,4 % экономистов в 1989 г. дали высокую оценку организации труда своих коллег на предприятии (в 1980 г. таких было 11,1 %). В этом же опросе 44,4 % экономистов не удовлетворены тем, как используется их рабочее время. Всего 14,3 % устраивает оперативность получения экономической информации, 8,5 % — ее полнота. Главные причины нерационального использования рабочего времени заводские экономисты видят в необходимости вести расчеты с помощью так недостающей вычислительной техники (53,6 %), в отсутствии оперативной связи между отделами, цехами, дирекцией (26,5), в выполнении работ, не имеющих отношения к занимаемой должности (25,4 %), и др.

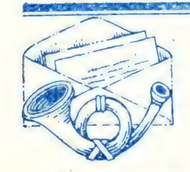
Значительная часть экономистов даже не знакома со своей должностной инструкцией (15,4 % в 1980 г.; 18,6 % в 1989 г.). Между тем это вовсе не проформа: из всех опрошенных в последнем исследовании только 28,6 % посчитали, что в инструкции ничего не надо менять. 44,3 % отметили, что из нее следует исключить вопросы, не входящие в компетенцию экономиста, четче конкретизировать его обязанности; 7,1 % — исключить дублирование функции работников отдела. Материальной оценкой своего труда полностью были удовлетворены всего 29,4 % опрошенных. Еще ниже удовлетворенность его моральной оценкой — 15,7 %. Что ж, именно на экономистов и нормировщиков обрушивается критика при малейших дефектах в оплате труда.

Между тем в системе стимулирования труда экономистов заложены огромные резервы. Почти каждый второй считает, что мог бы выполнять больший объем работы при соответствующем повышении оплаты труда. А ведь в связи с перестройкой механизма управления, переходом на хозрасчет в последние год-два почти две трети опрошенных отметили, что оплата их труда выросла. Впрочем,

в беседах многие экономисты говорили не столько о повышении, сколько об усилении дифференциации в оплате в зависимости от конечного вклада. К сожалению, этот вопрос не проработан ни теоретически, ни практически; нет и точных критериев оценки труда экономистов.

Что же не нравится экономистам в их работе? Больше всего они недовольны лишней бумажной работой, ненужной, дублирующей отчетностью (52,0 %); низким качеством планирования (30,1), недооценкой со стороны руководства и других отделов важности своей работы (24,0); низким уровнем механизации и автоматизации их труда (14,7 %) и т. д. А вот что они предлагают для повышения эффективности своей работы: оснастить современной вычислительной техникой рабочие места для качественной и быстрой обработки информации (94,1 %); организовать учебу экономистов, повысить их квалификацию (37,5); стимулировать творческую активность (20,8); сократить отчетность (16,6); повысить авторитет экономиста цехового звена (16,6); повысить ответственность (15,0); исключить отвлечения на другую работу (10,0 %) и т. д.

Невысокая эффективность работы заводских экономистов объясняется не только недостаточной квалификацией, низкой инициативностью и т. д., но и внешними причинами. На первый взгляд, они не зависят от экономистов, тем более заводского звена: сосуществование старых и новых методов хозяйствования, финансовая и материально-техническая разбалансированность, нерешенность правовых вопросов и др. В этом и состоят основные трудности переходного периода. Затянется он или будет обретать качественно новое состояние — это во многом будет зависеть от позиции, которую займет одна из самых массовых профессиональных групп — заводские экономисты.

Из писем в редакцию

Не хлебом единым

Исторически сложилось так, что под результатами производства мы понимаем лишь те материальные блага, которые непосредственно или опосредованно удовлетворяют физиологические потребности,

и продукцию как результат (прямой или косвенный) физического труда. Все, что удовлетворяет социально-духовные и другие наши потребности, то, что создано интеллектуальным трудом, в разряд результатов обычно не включалось и рассматривалось как «вычет» из продукции, которую принято называть экономическими благами. Такая методика исчисления результатов производства парадоксальна, поскольку она признает потребности желудка и тела производительными, а легких — в чистом воздухе или ума в интеллектуальной пище — непроизводительными.

В определенных исторических условиях этот подход оправдан хотя бы потому, что уровень производительности труда не позволял непосредственно удовлетворять духовные потребности населения, основной была цель накормить и одеть его. При господстве физического труда роль интеллектуального была незначительна.

Современное производство опирается не столько на физический, сколько на интеллектуальный труд. Растет удельный вес продукции наукоемких отраслей. Производством интеллектуальной продукции занята практически любая отрасль народного хозяйства. Рассматривать результаты интеллектуального труда (и духовного производства в целом) как «вычет» из результатов физического труда неправомерно. По подсчетам экономистов, физический труд на рубль затрат в лучшем случае способен приносить рубль дохода, интеллектуальный — более 10 руб.

К счастью, на уровне народного хозяйства мы постепенно отходим от указанного недостатка. Начиная с 1987 г. результаты общественного производства измеряются и через валовый национальный продукт, в котором присутствует продукция социально-культурного комплекса и сферы услуг. Ныне она составляет около 30 %. Но сфера воспроизводства традиционных продуктов продолжает считаться основной.

Нам предстоит заинтересовать предприятия, работающие в условиях хозрасчета, в развитии социально-духовной сферы. Имеет смысл в совокупные затраты производства включать и затраты на решение социально-духовных проблем, а деятельность трудового коллектива оценивать по результатам основной производственной деятельности и успехам в развитии социально-культурного комплекса.

Нельзя забывать и о затратах на производство экологических благ. Лишь признание производительным труда, затраченного в сфере охраны окружающей среды, заинтересует коллективы в решении экологических проблем. Иначе литр чистого воздуха скоро будет стоить дороже килограмма хлеба.

Нам нужен полноценный рынок интеллектуальной, духовной продукции и социальных благ. Пока относительно более развит рынок духовной продукции (за нее и услуги духовной сферы мы все-таки платим). А социальные блага распределяются большей частью бесплатно через общественные фонды потребления. Очень редко предприятия реализуют их за плату.

Г. И. БАШНЯНИН,
кандидат экономических наук,
Львовский торгово-экономический институт

ДЕЛО НЕ В АРЕНДЕ

В. И. ЛОСКУТОВ,
Мурманск

Неизвестно, кто убедил правительство в том, что спасение перестройки в широком распространении отношений аренды, но он сослужил плохую службу обществу. Можно допустить, что при этом он руководствовался добрыми намерениями и искренними убеждениями, но объективно он обманул общество, направил его внимание в сторону от насущных, жизненно необходимых задач.

Перестройка отношений присвоения (воспользуемся этим старым термином, включающим в себя и собственность, и аренду, и многие другие отношения этого рода) способна повлиять на устранение кризисных явлений в экономике примерно так же, как перестройка спасательной станции может помочь утопающему — пока работа будет закончена, тот утонет.

Здесь есть какая-то тайна. С одной стороны, «разгосударствление» собственности и принятие соответствующего закона объявлено задачей номер один, от решения которой зависит чуть ли не судьба перестройки, а с другой — Л. И. Абалкин, являющийся, несомненно, одним из ведущих специалистов в вопросе собственности, выступая с докладом на научно-практической конференции, ясно сказал, «что сформировать новые экономические отношения собственности нельзя за два месяца, обсудив и приняв новый закон... что на формирование новых отношений собственности в их реальном экономическом содержании требуются десятки лет. Если, разумеется, не сводить дело к формальной стороне, к перемене названий и к юридическим формам» (ЭГ 47.89. С. 3).

Налицо явное противоречие. Ведь сегодня страна оценивает важность практических мероприятий не по их перспективной значимости, а по их способности преодолеть углубляющийся кризис в ближайшее время. Никакие законы о собственности и аренде в ближайшие годы заметного эффекта не дадут, зато могут внести дополнительную сумятицу в систему и без того расшатанных хозяйственных отношений.

Газета «Советская Россия» (московский выпуск от 7.12.89) принесла известие, что Министерство финансов столкнулось с трудной проблемой: «Как, собственно, определить, перешло хозяйство на аренду или не перешло, как отличить подлинную аренду от камуфляжа под аренду, от показухи?» Будучи не в состоянии сделать это, руководствуясь

только что принятыми Верховным Советом СССР Основами законодательства об аренде, Минфин вынужден теперь разрабатывать «меры противоборства против возможных злоупотреблений и очковтирательства». Предполагается, в частности, создать специальные комиссии, которые будут давать «заключение о том, в какой мере в том или ином хозяйстве, на том или ином предприятии развиты арендные отношения и смогут ли они воспрепятствовать в дальнейшем образованию новых долгов».

Для нашей реформаторской деятельности очень характерно издавать нормативные решения, не считаясь с объективными закономерностями общественного развития.

Арендные отношения возникли на заре цивилизации, когда еще не было даже писанных законов. Но уже тогда люди были достаточно грамотными, чтобы понимать, что аренда предполагает определенность личности арендатора и его ответственность за выполнение взятых обязательств.

Современные реформаторы, не пожелав считаться с тысячелетней практикой, изобрели новый тип аренды, субъект которой — безличный «коллектив», где каждый волен переходить с одного предприятия на другое по собственному желанию, подобно обыкновенному наемному работнику.

Такое право в Основах законодательства об аренде прямо не формулируется, но предполагается, поскольку никаких норм, ограничивающих возможности члена арендного коллектива свободно выходить из него, не предусмотрено. Да и как привязать всех членов многосотенного, а то и многотысячного коллектива к своему предприятию на несколько лет? Если же не сделать этого, то может оказаться, что того коллектива, бравшего на себя арендные обязательства, к окончанию срока договора уже не осталось. Вероятность этого тем выше, чем хуже будут идти дела у подобного «коллективного арендатора».

Таким образом, безличная аренда, субъект которой абстрактный «коллектив», допускающий переменность своего состава, а следовательно, персональную безответственность и незаинтересованность членов коллектива в долговременном успехе предприятия, есть фикция, и эта фикция закреплена в Основах законодательства об аренде. Боюсь, что это еще не последний пример того, как добрые намерения реформаторов демократизировать экономику служат на деле укреплению командно-административной системы. Ведь ясно, что теперь те работники в центре и на местах, с которых каждый день спрашивают за состояние экономики, будут вынуждены изобретать инструкцию за инструкцией с тем, чтобы ужесточить контроль за работой экономически безответственных «коллективных арендаторов», ограничивать и даже запрещать их деятельность. А ученые-экономисты тем

временем будут обвинять практиков в саботаже и бюрократизме, сваливая вину с больной головы на здоровую.

П. Г. Бунич, которого по праву можно назвать отцом законодательства об аренде, говорит о «саботаже бюрократии» при внедрении аренды. Но такой «саботаж»— не борьба ретроградов с новаторскими идеями, а реакция больного экономического организма на непродуманные методы лечения, способные загнать его в могилу.

Разнообразие форм собственности, аренды и других отношений присвоения при социализме — дело полезное. Но эту идею можно было бы выразить в одной законодательной фразе: разрешаются все формы присвоения (собственности, владения и пользования), не допускающие эксплуатации чужой рабочей силы частными лицами (и коллективами). И пусть эти отношения неспешно развиваются в соответствии с желаниями, способностями и возможностями новых предпринимателей.

Но ажиотаж вокруг якобы решающего для социализма значения этих отношений ничего, кроме вреда, принести не может. Представление о том, что само по себе принятие законов о собственности и аренде всколыхнет в народе трудовую инициативу, разбудит в нем чувство хозяина и позволит в два-три года вывести социалистическую экономику из кризиса — очередная утопия, отражающая точку зрения кабинетных ученых из верхнего эшелона научной иерархии. Влияние ее на трудящихся ничтожно, последние руководствуются собственными интересами, а не модными идеями, от кого бы они ни исходили. Не пройдет и года, как правительство убедится в несбыточности опирающихся на эти идеи планов.

К началу 13-й пятилетки, несмотря на все усилия ученых по подготовке правительственной программы, корабль социалистической экономики продолжает плыть по воле стихийных сил. В его обвисшие паруса не дуют ветры экономического стимулирования и творческой заинтересованности десятков миллионов трудящихся.

Но существуют ли в принципе такие решения?

ХОЗРАСЧЕТ — ЭТО ПРОСТО

Кому-то такое заявление может показаться недостаточно серьезным. Между тем это действительно так. По крайней мере, организовать эффективный хозрасчет на несколько порядков проще, чем превратить 150 миллионов наемных работников в самостоятельных предпринимателей. Конечно, реализация хозрасчетных принципов требует немалого труда и специальных знаний, поэтому может оказаться

не каждому по плечу. Но это практически достижимая задача, без всяких признаков социальной утопии, повседневно решаемая правительствами всех развитых стран мира, а в развивающихся странах — многими предпринимателями.

Основные принципы хозрасчета сложились в незапамятные времена, они присущи всякому товарному производству. Ведь собственник вынужден управлять не так, как ему заблагорассудится, а как того требуют сложившиеся отношения разделения и кооперации труда, уровень развития техники, квалификации работников, культуры и т. д. Он должен также применять вполне определенные формы управления — планирования, координации, организации, контроля и т. п. В противном случае он рискует терпеть убытки от неэффективности своего производства и, следовательно, в конце концов потерять собственность.

Далее собственник не всегда может (или хочет) осуществлять непосредственное управление процессом применения объектов своей собственности. Часто ему бывает выгоднее передать эту работу другим лицам — управляющим, а иногда это оказывается единственно возможным вариантом.

Управляющий — это лицо, по закону или договору обязанное блюсти интересы собственника. Но в силу своей человеческой природы он в процессе управления чужой собственностью руководствуется по возможности своими собственными интересами. Практический результат действия этих разнонаправленных интересов определяется тем, насколько эффективен контроль за деятельностью управляющего со стороны собственника. Если собственник недееспособен или излишне доверяет своему управляющему, то последний может действовать как собственник или даже действительно стать им, что на протяжении истории неоднократно случалось. Социалистическая практика являет достаточно яркий пример того, как управляющий от имени общества государственный аппарат приобретает многие черты собственника. Нечто подобное совершалось и в феодальном обществе. Отсюда — аналогии социалистической собственности с феодальной. Но чтобы стать собственником в полной мере, аппарат должен суметь и юридически, по праву поставить свои частные интересы выше интересов всего общества. Судя по всему, сделать это ему уже не удастся.

Организационно-экономические отношения — основа собственности, определяющая объективные границы существования ее форм. В 60—70-е годы эту мысль развивали многие советские экономисты.

Но времена застоя не прошли даром. Немудрено, что многие путают бесконтрольное ведомственное управление общественной собственностью с «ее превращением в фактическую собственность отдельных министерств и ведомств».

К тому же, хотим ли мы или не хотим, на современном этапе у нас нет иного выхода, как обеспечить эффективную работу государственных хозрасчетных предприятий. Чтобы добиться этого, нужно действовать «известными во всем мире методами, использовать уже имеющийся опыт эффективного хозяйствования». Именно потому, что отношения хозяйственного механизма независимы от форм собственности, могут и должны быть перенесены в социалистическую экономику хозяйственные отношения, складывающиеся в капиталистическом производстве.

Ни аренда, ни «разгосударствленная» собственность в ближайшие десятилетия в нашей стране экономической погоды делать не будут уже потому, что для этого не найдется достаточного числа желающих сменить свободную жизнь наемного работника на полную неопределенности и риска судьбу частного предпринимателя.

Что из этого следует? Ставя задачу вывести социалистическую экономику из экономического кризиса, не надо заниматься самодеятельностью, брести «непроторенными тропами», вызывая смех и жалость у тех, кто с комфортом едет по рядом проложенной магистрали.

Но не надо кидаться и в другую крайность — утверждать, что без возврата к частной собственности ничего не получится. Все хозяйственные отношения, какие выработал капитализм, вполне применимы в рамках крупной социалистической собственности на основные средства производства.

НЕОТЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ

редставители центральных органов управления время от времени призывают трудовые коллективы «развивать хозрасчет», доводить его «до каждого рабочего места». Но, похоже, они не знают и не хотят знать о том, что на уровне предприятий невозможно без ущерба для коллектива наладить эффективную организацию, если на уровне народного хозяйства, правительственных решений действуют затратные принципы. Успехи, которых временами достигают такие герои, как И. Н. Худенко или В. П. Сериков, добываются ценой их здоровья, если не жизни.

Можно с уверенностью сказать, что кризис экономики затянется и дольше, вплоть до тех пор, пока правительством не будут предприняты следующие первостепенные меры.

1. Ликвидирована зависимость образования фонда заработной платы хозрасчетных предприятий от каких бы то ни было объемных

показателей. Теперь, когда даже Академия наук признала то, за что она 25 лет назад предала анафеме В. П. Корниенко и о чем до самого последнего времени мешала говорить вслух,— существование «рынка рабочей силы при социализме», нет необходимости доказывать, что зарплата каждого работника определяется не только и не столько распределением по труду, сколько возмещением издержек воспроизводства рабочей силы, спросом и предложением на нее. Вот почему организация труда и заработной платы на хозрасчетных социалистических предприятиях может и должна строиться по образцу аналогичных в технико-экономическом отношении предприятий развитых индустриальных стран. Можно сказать и определеннее: минимальный уровень заработной платы должен зависеть от ставок и окладов регулярно пересматриваемой общегосударственной тарифной системы; фактический конкретный уровень — от выполнения индивидуальных (или бригадных) заданий по количественным и качественным показателям. При этом простои не по вине работника (бригады) должны оплачиваться в размере 100 % оклада или среднего за расчетный период заработка.

2. Установлены в качестве основных критериев работы хозрасчетных коллективов объем реализованной продукции (услуг), сумма прибыли и норма прибыли (рентабельность). Уровень заработной платы (оклады) и другие формы вознаграждения и оценки управленческих работников предприятий и отраслей должны зависеть от эффективности в большей степени, чем от объемных показателей.

3. Упразднена система премирования хозрасчетных предприятий, иные формы стимулирования за выполнение календарных планов (на их внутренние подразделения это правило не распространяется). Оцениваться должны только фактические результаты и эффективность в сравнении с другими предприятиями отрасли или мировыми стандартами.

4. Реализация названных мероприятий не принесет успеха и может даже усилить кризисные явления, если одновременно не принять мер к изъятию из оборота лишних, как наличных, так и в особенности безналичных денег. Последних намного больше, и они вызывают дефицит, а с ним нарушение хозяйственной дисциплины, незаконные сделки и безответственность в сфере производственной деятельности.

Меры, предусмотренные правительственной программой в этом направлении, явно недостаточны, половинчаты и неопределенны по конечному результату. Необходимо в кратчайший срок сбалансировать массу безналичных денег с материальными производственными ресурсами путем прямого изъятия их излишков у ведомств и сделать хотя бы первый шаг к контролю за источниками личных накоплений по-

средством регулярного составления деклараций граждан о доходах, как это делается во всех цивилизованных странах.

5. Осуществлена система мер повышения экономической ответственности за своевременное заключение и четкое выполнение хозяйственных договоров.

Перенося центр внимания в экономической сфере на задачи создания противозатратного хозяйственного механизма, необходимо также подумать о перестройке содержания работы и структуры научных экономических учреждений. Очевидная неспособность экономической науки дать удовлетворительные ответы на запросы практики объясняется тем, что у нас крайне мало ученых в области организации и управления экономикой, социологии, психологии. Излишне много выпускают вузы «чистых» политэкономов. Такие специалисты тоже нужны, но их не должно быть слишком много. Не на них следует полагаться при определении практического курса экономической политики. Это должны делать те, кого можно назвать экономистами-конструкторами или «техниками» (как называет себя знаменитый американский ученый Василий Леонтьев), те, кто способен, опираясь на теоретические знания, воплотить задуманную идею в практически приемлемый проект.

НАША ОБЩАЯ РЫБАЛКА

М. А. ВАСИЛЕВ,
кандидат экономических наук,
Институт экономических и международных проблем освоения океана ДВО АН СССР,
Владивосток

В своих очерках «За рубежом», написанных в 1880 г., М. Е. Салтыков-Щедрин устами одного из пассажиров поезда, пересекшего западную границу России, с удивлением рассматривающего тучные нивы, обильные луга, благоустроенные жилища, пророчески заметил: «Вот увидите, что скоро отсюда к нам хлеб возить будут». Казавшееся тогда невероятным для хлебородной России пророчество, увы, сбылось. Теперь, 110 лет спустя, удачливый вояжер, которому доведется побывать в Японии и познакомиться с жизнью и бытом японских рыбаков, организацией фермерских хозяйств, работами по мелиорации прибрежной полосы и строительству рифов, плантациями марикультуры, может тоже воскликнуть: «Вот увидите, скоро отсюда к нам рыбу будут возить».

СТАТИСТИКА РЫБЬЕГО ХВОСТА

Между тем, если судить по официальной статистике, оснований для беспокойства нет. Браво, статистика! К сожалению, она по-прежнему выполняет возложенную на нее бюрократической системой функцию — обслуживает «аппарат», манипулируя перед носом рядового потребителя своими данными, да так ловко, что тот за минтаем и рыбы не видит.

Начало, на котором базировалась и до сих пор базируется ложь отраслевой статистики,— это 18 кг рыбы, которую должен употребить некий абстрактный советский житель (будь то узбек, которому морская рыба и «на нюх» не нужна, или чукча, в рационе которого рыба занимает не менее половины). Прямо заколдованная цифра, к которой вот уже не одну пятилетку упорно стремится рыбная промышленность. Под нее нашлось и солидное обоснование в виде исследований Института питания АМН СССР. Под нее создается отраслевое научное обеспечение, развертывается мощный флот, строятся порты, судоремонтные заводы.

Между тем потребитель, даже самый непривередливый, наверняка хочет среди этих 18 кг съесть хотя бы по килограмму-два и лососевых, и палтуса, и камбалы, и трески, и сельди, и кальмара, и трубача и т. д. Не слишком ли много он хочет? Давайте прикинем на примере лососевых. Чтобы на 300 млн человек — население страны, включая грудных детей — хватило по 1 кг лососевых на каждого, нужно 300 тыс. т. Одна Камчатка при рациональном использовании ее потенциала способна дать это количество. Так что и 2 кг, и даже больше лососевых на жителя страны — не фантазия.

Производитель же предлагает сегодня другое. Из 18 кг около 13 — это минтай, иваси, ставрида. Причем в подавляющем объеме — неразделанная рыба, примерно 40 % веса которой — несъедобные части. Так что же такое, эти 18 кг (помимо проблемы ассортимента): 18 кг неразделанной рыбы? Или разделанной и филе? Или некоторого продукта, полученного в результате глубокой переработки рыбы, когда из 1 кг сырца получают примерно 150 г превосходного белка, из которого можно приготовить любой высококачественный продукт? Ответ на вопросы, пожалуй, очевиден, глядя на состояние рыбного прилавка, но не для бюрократической системы, для которой важны абстрактные килограммы.

В ПОГОНЕ ЗА ОБЪЕМАМИ

Идеология больших объемов добычи трансформировалась в

идеологию «самого крупного рыболовного флота в мире». Средняя вместимость рыболовных судов в мире на каждую 1000 т улова после 1980 г. имеет тенденцию к снижению и составляет к настоящему времени около 110 т, в то время как в советском флоте — почти 390 т. Правомерно ли говорить о сравнительной эффективности нашего и иностранного рыбопромыслового флота?

К тому же потери в отходах из-за выпуска неразделанной рыбы составляют 1,1—1,3 млн т. Если бы отходы шли, к примеру, на рыбную муку, то вылов рыбы можно было бы уменьшить на этот объем. Себестоимость продукции могла бы снизиться на 9—10 %, эффективнее использовался бы потенциал перерабатывающих судов, численность флота можно было бы сократить примерно на 10 %, соответственно уменьшились бы потребности в судоремонте, перевозках транспортным флотом на 15—17 %, снизилась нагрузка на порты, железную дорогу. Конечно, углубление технологии требует оснащения перерабатывающих судов новым оборудованием. Его не хватает, но даже имеющееся на судах разделочное оборудование используется не в полную меру все по той же причине — из-за погони за объемами. Поэтому отказ от главенства объемных показателей значительно повысит эффективность рыбопромышленного производства.

Трагизм положения в том, что погоня за объемами ведет общество к нищете. «Больше с меньшими затратами» — и мы быстро лепим дешевые панельные дома, которые через 70—90 лет предстоит разбирать, и остаемся без жилья. Мы прокладываем по самой упрощенной технологии дороги, потом вкладываем в их ремонт асфальт, цемент, труд многих рабочих — и остаемся без дорог. Мы направляем огромные капиталы в большие промысловые и рыбоперерабатывающие суда, срок жизни которых 20—25 лет, наращиваем вылов и выпуск на них рыбопродукции из рыбы, которую не выращиваем,— и постоянно испытываем нарастающий дефицит судов и рыбы. И так везде. Лишив человека права на частную собственность, наша политическая система потеряла хозяина, заменила его временщиком, который не думает о завтра. Его лозунг — «сегодня больше, чем вчера».

Немудрено, что казавшийся таким надежным механизм дал сбой. В 1989 г. на душу населения пришлось 17 кг рыбы (а ведь в 1980 г. уже было 17,4, в середине 80-х годов — 18 кг). Летом 1989 г. вся страна стала свидетелем мощного всплеска недовольства рыбаков состоянием дел в отрасли. Вот только причины были выхвачены поверхностные: командно-бюрократическая структура отрасли не дает развернуться инициативе рыбаков; неоправданно низкая зар-

плата мешает создать высококвалифицированные, стабильные экипажи; социальная сфера запущена, рыбаки по 15—20 лет не получают квартиры; судоремонтных мощностей не хватает, флот разваливается, а новый приобретать не на что — вся прибыль уходит в бюджет.

Понимание частных проблем было верным, а вот до выявления кризисной ситуации дело не дошло. В итоге был решен ряд вопросов по оплате труда рыбаков, даны заверения об улучшении и ускорении решения социально-бытовых проблем, но главное — выбор стратегии развития отрасли, повышение хозяйственной самостоятельности, полная ответственность рыбаков за результаты своей деятельности, за свое социальное благополучие — отодвинулись на второй план. У рыбаков осталась та идеология, которая была привита им командно-бюрократической системой. Только в трактовке самих рыбаков она выглядит следующим образом: оставьте нам большую часть прибыли, мы приобретем новые суда, повысим свою зарплату, построим дома, создадим социальную инфраструктуру.

Принятие законов о собственности, об аренде существенных сдвигов в производственные отношения не внесло. И, видимо, не внесет, так как аппарат, ответственный за объемы производства, опасается, что предоставление самостоятельности чревато не столько срывом объемных показателей, сколько переходом к промышленному браконьерству. А у самих рыбаков нет пока необходимой квалификации и решительности для того, чтобы реализовать предоставленное им законами право в наиболее продуктивном направлении — хозяйском отношении к богатейшему биопотенциалу дальневосточных морей СССР. При соответствующем вкладе труда и средств он способен увеличиться в 5—10 раз, обеспечить процветание морских хозяйств, их владельцев и работающих в этих хозяйствах на многие десятилетия вперед.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

В развитии рыбной промышленности Дальнего Востока можно выделить три этапа.

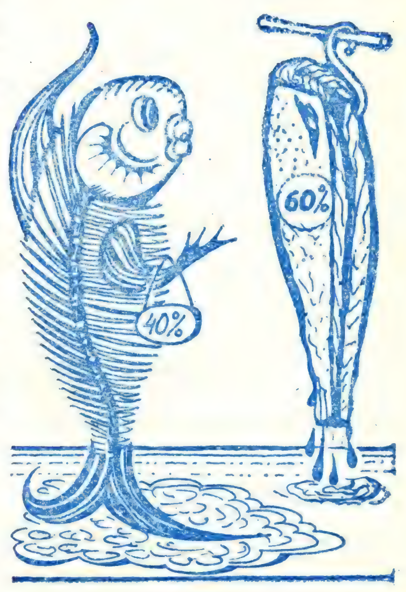
Первый этап — до середины 50-х годов, когда добыча велась преимущественно в прибрежной зоне малотоннажным флотом, пассивными орудиями лова. Улов обрабатывался на береговых рыбозаводах на значительной части побережья. Социальная инфраструктура рыбацких поселков была развита слабо, но обеспечивала необходимую базу для последовательного ее улучшения. Создавались условия для привлечения и закрепления населения на побережьи Дальнего Востока. Ассортимент добываемой рыбы был широким, значительную долю составляли лососевые,

но объемы (по сравнению с потребностями населения страны) были незначительны. Хотя использовалась примитивная технология, она позволяла обрабатывать сравнительно большие объемы рыбы, в том числе лососевых в период их массового хода. В огромные чаны, вырытые вдоль берега, закладывалась свежая рыба и заваливалась. Невольно вспоминаются удручающие кадры телепередачи осенью прошлого года о том, как на Сахалине закапывалась в землю горбуша, так как ее негде было переработать.

Второй этап — с середины 50-х годов и по настоящее время. В это время ускоренно развивались экспедиционные формы рыбопромышленного производства: большое количество крупнотоннажных судов одновременно выходило к массовым скоплениям рыбы и другим объектам промысла. Быстро росли добыча и производство продукции, прежде всего пищевой. Однако в уловах сокращалась доля наиболее ценных видов сырья. Снижалась эффективность рыбопромышленных предприятий.

Сокращалась плотность населения береговой полосы, оно переселялось в средние и крупные населенные пункты, где базировался промысловый флот. Отток населения ускорил развал прибрежного рыболовства и береговой переработки. Меньше стало рыбацких поселков, рыбокомбинатов и рыбозаводов.

Быстро растущие затраты на добычу и обработку сырья при неизменных розничных ценах обусловили убыточность отрасли. К середине 80-х годов дотации превысили 2 млрд руб. Примерно такова же и масса прибыли, полученная отраслью от реализации продукции по оптовым ценам. Но спросите любого специалиста, в том числе и руководителя, убыточна ли отрасль? Абсолютное большинство ответит, что нет. Так сформировался стереотип производителя, который не интересуется, по каким ценам продается его продукция в магазине. Все привыкли манипулировать оптовыми ценами. И вот уже вновь ставится вопрос о повышении оптовых цен почти вдвое. Считается, что без этого

отрасль не сможет работать. При этом отрасль по-прежнему нацелена на наращивание объемов вылова и выпуска продукции, а для этого не нужны новые технологии углубленной переработки рыбного сырья. Нужны новые суда и массовые объекты лова.

В целом по министерству добыча рыбы возросла только за последние 7 лет примерно на 16 %, а прирост общих поставок в торговлю оказался практически втрое меньше, при этом продукции повышенного спроса стало меньше в полтора раза. Если в 11-й пятилетке прирост производства пищевой рыбопродукции за счет экстенсивных факторов составил 57 %, то с начала 12-й — все 100 %. Не изменили существенно эту динамику и отдельные мероприятия по реформе хозяйственного механизма, проводимые без системы и научного обоснования. В этих мероприятиях опять много конъюнктурного, поэтому они вызывают негативную реакцию со стороны флота.

Условной точкой отсчета начала третьего этапа может быть принят 1977 г.— год введения 200-мильных экономических зон. Ограничения на добычу биоресурсов в иностранных зонах должны были бы вынудить хозяйственных руководителей обратить более пристальное внимание на потенциал прибрежного рыбопромышленного производства. Стимулом здесь мог стать перевод предприятий на полный хозяйственный расчет. В отрасли декларировали необходимость развития прибрежного рыболовства, марикультуры. Были разработаны целевые комплексные программы, не реализованные на практике. Предприятия продолжают развивать мощный добывающий и обрабатывающий флот, его производственную инфраструктуру (порты, судоремзаводы), на которые в обозримой перспективе намечается использовать не менее 90 % капитальных вложений. Предусматривается, что вылов в собственной экономической зоне до 2015 г. возрастет по сравнению с 1986 г. примерно на 630 тыс. т, в то время как в открытых районах Мирового океана этот рост составит примерно 3,8 тыс. т. Но чем больше рыбы добывается и чем дальше она добывается от берега, тем быстрее растут затраты на добычу и обработку. Уже сейчас на каждый килограмм выпущенной рыбопродукции нужно затратить 0,85 л топлива, 0,6 кг различного снабжения, примерно 0,3 кг пресной воды. Куда же удаляться еще?

«ЗИЯЮЩИЕ» ПЕРСПЕКТИВЫ

Когда рассматриваются перспективы развития отрасли, все заслоняет ориентация на крупно- и среднетоннажный флот, на массовые виды рыб — минтай, иваси, ставриду. Идеология развития

подчинена исключительно большому флоту и «большой» рыбе.

Между тем во всем мире росло понимание необходимости укрепления и развития фермерских рыбацких хозяйств, расширения работ по мелиорации прибрежной полосы для увеличения ее биопродуктивности, под лозунгом: «от мореплавания берущего к мореплаванию созидающему».

По отдельным оценкам, общая площадь шельфа приморских районов СССР, пригодных для развития марикультуры, составляет около 38 тыс. кв. км. Это значит, что в стране имеются практически неограниченные возможности удовлетворения потребностей населения в пищевой, а промышленности — в технической продукции. Сборы урожаев марикультуры могут достигнуть 80—110 млн т, что почти в 10 раз превышает достигнутые объемы добычи рыбы и других объектов промысла.

Особое значение имеет Дальний Восток. Именно здесь — зона, самая продуктивная во всем Мировом океане, ценнейшие лососевые стада; именно здесь шельф, который можно использовать под развитие марикультуры; именно здесь, у соседей по региону, отработанные технологии выращивания и переработки урожаев марикультуры, сборы которой превысили 1 млн т в Японии, Китае, приближаются к этой величине в Корее, на Филиппинах. Но для этого необходим малотоннажный и маломерный флот, которого у нас практически нет. Примерно 10 тыс. маломерных судов, которые к тому же не используются по прямому назначению, для рыбной ловли,— просто мизер по сравнению с потребностями.

Сравните: в Японии из более 390 тыс. судов рыболовного флота около 350 тыс. маломерных и малотоннажных. В японском прибрежном рыболовстве добывается до 30 % процентов всех уловов, еще более 10 % дает марикультура. У нас же в прибрежном рыболовстве — не более 7 %, а марикультуры — 0,3 %...

Показательно в этом отношении заседание коллегии Минрыб-

хоза СССР, рассмотревшей в марте 1989 г. состояние и направления развития прибрежного рыболовства. Следуя логике этого совещания, развитием прибрежного рыболовства должны заниматься рыболовецкие колхозы. Как о достижении говорится о выставленных 249 ставных неводах, 27 закидных, 90 плавных сетях, шести судах, ведущих промысел дрифтерными сетями, и т. д. Эти цифры ничтожны по сравнению с потенциалом прибрежного рыболовства. В той же Японии ежегодно выставляется более 12 тыс. ставных неводов, ведется лов почти 57 тыс. закидными и плавными сетями.

Катастрофически отстает рыбная промышленность и в повышении биопотенциала прибрежной полосы. Об этом даже речи нет ни в одном из документов. Если опять же обратиться к опыту наших соседей по региону, то работы по мелиорации прибрежной полосы давно и активно ведутся в Японии. На эти цели в 1982—1986 гг. израсходовано около 300 млн дол. В настоящее время действует шестилетняя программа строительства искусственных рифов стоимостью в 900 млн дол. Это поднимает биопродуктивность района, где проведены мелиоративные работы, в 2—10 раз.

Если отставание в развитии прибрежного рыболовства и марикультуры было предопределено недальновидной, однобокой политикой органов управления отраслью, то теперь эта недальновидность проявляется и в деятельности выпестованного крупнотоннажного флота. Затягивается перевод обрабатывающего флота на выпуск полуфабриката — фарша типа «сурими». А ведь наиболее ценная продукция «сурими» получается из минтая, запасы которого составляют основное богатство дальневосточных морей.

Чтобы развивать прибрежное рыболовство, надо восстанавливать социальную инфраструктуру, строить поселки, создавая условия для привлечения населения на вновь осваиваемые территории. Примерно в два раза более высокие, даже в районах южного Приморья (и возрастающие по мере продвижения на север), затраты на освоение побережья, по сравнению с вложениями в социальную сферу в крупных городах и населенных пунктах, не стимулируют руководителей отрасли к освоению побережья. Из этого вытекает необходимость привлечения государственных капитальных вложений, наряду со средствами предприятий, местных Советов, отдельных лиц, кредита. Освоение побережья — важнейшая политическая акция, не только чисто хозяйственная.

Третий этап, таким образом, до настоящего времени не вышел за рамки декларативных рассуждений. Более того, идеология, которая пронизывает тактику и стратегию развития отрасли, все

дальше уводит от него. Дальнейшее затягивание этого перехода чревато полным развалом рыбной промышленности.

ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ!

Перечислю кратко основные направления развития рыбопромышленного производства. Самое главное, самое важное — решить вопрос о владельце, распорядителе и пользователе ресурсов. Сейчас ресурсами распоряжается и желает распоряжаться в дальнейшем министерство. Оно считает, что порядок пользования ресурсами должен быть основан на лицензиях, выдаваемых рыбным предприятиям из центральных органов. Лицензионный лов — производная от старой тактики и стратегии развития. Он не может реализовать потенциал прибрежного рыболовства и марикультуры, и уже поэтому ущербен. К тому же при лицензионном порядке распределения биоресурсов у них не находится реального хозяина, и это чревато рецидивами хищнического отношения к ним. Вспомним почти полное уничтожение тихоокеанской сельди, беринговоморской камбалы и т. д. А разве сейчас та же хищническая политика не продолжается? При хорошей промысловой обстановке, когда обрабатывающие суда не в состоянии принять с добывающих весь улов, он вываливается за борт.

Реальный путь хозяйского отношения к ресурсам — передача права владения, распоряжения и пользования ресурсами местным Советам, которые могут продавать это право предприятиям или частным лицам. В связи с этим необходимо уточнить законодательные документы, учитывающие особенности административных единиц, имеющих выход к побережью. В широком понятии это «приморские районы». Главное уточнение: к приморскому району как административной единице должна быть отнесена акватория и часть шельфа, осваиваемая техникой и технологией прибрежного рыболовства. Акватория и шельф за зоной прибрежного рыболовства и до границы 200-мильной экономической зоны должны быть отнесены к компетенции соответствующего краевого или областного Совета.

При предлагаемом подходе к определению «приморского района» и его взаимоувязке с существующим административным делением определится реальный хозяин ресурсов. Появится правовая основа для введения платы за ресурсы.

Предполагается, что предприятия, организации и частные лица, занятые прибрежным рыболовством, в том числе и лососевых пород рыб в реках побережья, вносят плату в бюджет районного Совета. Предприятия и организации, добывающие биоресурсы в пределах экономической зоны, но за пределами при-

брежного рыболовства, вносят плату за ресурсы в бюджет краевого (областного) Совета. Такой порядок закрепления ресурсов вызвал неожиданно бурную негативную реакцию, причина которой довольно прозаична. Несмотря на кажущуюся простоту, внедрение этого предложения в комплексе с новыми хозяйственными законами создает реальную базу для демонтажа отраслевой административно-командной системы.

Освоение побережья Дальнего Востока немыслимо, по моему мнению, без частной инициативы и предпринимательства. Необходимо привлекать население на вновь осваиваемые участки, создавать не только хорошие бытовые условия, но и доступные по цене технику, орудия лова, средства обработки сырца, маломерные и малотоннажные суда. Часть участков акватории может сдаваться на условиях концессии иностранным предпринимателям.

В крупных населенных пунктах страны надо построить холодильники и рыбокомбинаты, выпускающие на основе фарша «сурими» по новейшим технологиям разнообразную продукцию, в том числе и заменители деликатесов. Наше население пока пренебрежительно относится к такой продукции (крабовые палочки, «ветчина», «говядина» и т. д.). Но ее потребление в Западной Европе, Америке, Японии и других развитых странах постоянно растет, хотя цены на нее зачастую выше, чем на мороженую рыбу или на натуральные продукты. Считается, что продукция из «сурими» полезна для здоровья и является наиболее полноценным видом питания.

Переход на новые технологии снизит потребности в грузоперевозках судами приемно-транспортного флота и таких образом создаст условия для расширения сферы услуг, оказываемых приемно-транспортными судами, а они всегда были дефицитны. Возрастающие потребности в транспортном обслуживании целесообразно решать средствами морского торгового флота. Необходимо восстановить ликвидированные и создать новые регулярные грузопассажирские линии вдоль всего побережья, чтобы завозить на береговые предприятия грузы и вывозить оттуда готовую продукцию в рефрижераторных и изотермических контейнерах.

Реализация этих направлений перестройки и развития рыбопромышленного производства потребует тщательной проработки системы экономических и организационных мер, без которых вряд ли можно добиться прогресса.

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ — ДО РЕФОРМЫ ЦЕН!

М. Д. АЙЗЕНШТЕЙН,
доктор экономических наук,
Донецк

Оптовая торговля средствами производства предполагает поставки продукции как организациями Госснаба СССР, так и непосредственно предприятиями-изготовителями. Сохранятся поставки по госзаказам, однако их доля будет невелика.

В обычном понимании оптовая торговля — это закупка специальными посредническими организациями у изготовителей крупных партий продукции и реализация ее в розницу потребителям мелкими партиями. По многим материалам такая форма снабжения — складская — занимает относительно небольшой удельный вес. Например, предприятия и организации Донецкой области в 1987—1988 гг. обеспечивались металлопродукцией через базы и склады системы Госснаба СССР только на 10—12 %. Остальные поставки шли транзитом, непосредственно с металлургических комбинатов и заводов. Примерно таков же удельный вес складских поставок металла по другим регионам и стране в целом. И в перспективе доля транзитных поставок все же будет значительной, а для ряда материалов — преобладающей. Вот почему переход к оптовой торговле средствами производства условен. Он может оказаться и малорезультативным, если доля транзитных поставок окажется чрезмерно большой.

КАК ОБСТОЯТ ДЕЛА?

Система прикрепления потребителей к поставщикам и фондирования при всей ее непригодности была по-своему согласованной. Ее элементы были взаимоувязаны, ме-

2 ЭиОПП № 8, 1990 г.

тодам и формам распределения соответствовала структура органов Госснаба в центре и на периферии. Рациональными в пределах этой системы были и информационные взаимосвязи. Перестройка вносит в них существенные, но часто несогласованные изменения, ухудшая материально-техническое обеспечение.

По ряду важных видов продукции предусмотрено резкое сокращение доли госзаказов, но условия для перехода к свободному определению партнеров, хозяйственных связей не созданы. На всю намеченную к производству продукцию помимо госзаказов выдаются лимиты, распределяемые централизованно по территориальным органам Госснаба СССР и министерствам. Дальше уже эти органы распределяют лимиты по потребителям. Последние выдают заказы и заключают договоры с поставщиками. Фактически здесь прямые договорные отношения отсутствуют, заказы и договоры базируются на централизованно распределенных лимитах. Ни предприятие-поставщик, ни потребитель продукции не вправе при такой организации снабжения самостоятельно выбрать потребителя и поставщика. Упразднение же главснабсбытов ухудшило положение с поставками. Например, по госзаказам и заказам по лимитам распределяется весь прокат черных металлов. Раньше Союзглавметалл обеспечивал сбалансированную загрузку заказами, согласованную выдачу каждому металлургическому предприятию нарядов на поставку проката и других видов металла потребителям. Каждое металлургическое предприятие получало из одного центра всю совокупность нарядов и в случае неувязки обращалось к Союзглавметаллу для их устранения.

Теперь металлургическое предприятие по-прежнему получает заказы от большого числа разных организаций, но условия разрешения противоречий, достижение сбалансированности производства и поставок резко осложнились. Даже такая, на первый взгляд, мелочь, как условное обозначение заказов (номер-идентификатор) стала источником затруднений. Союзглавметалл каждому заказу присваивал свой неповторяющийся номер, теперь же, когда потребители прикрепляются к поставщикам множеством организаций, номера заказов многократно дублируются. Но главное затруднение при новом порядке — наряды и договоры не сбалансированы с производственными возможностями,

особенно когда изменения вносят в ранее выданные заказы, заключенные договоры.

За 1988 г. 17 % всех предприятий промышленности допустили нарушения по поставкам продукции на 8,6 млрд руб. Хотя размер недопоставок по сравнению с 1987 г. снизился примерно в 1,5 раза, надежности в обеспечении потребителей материалами, оборудованием нет. Особенно низки показатели выполнения договоров на предприятиях машиностроительного, химико-лесного, металлургического комплексов (40 %, 40 и 29 %).

МИНИМАЛЬНО ДОПУСТИМАЯ НАГРУЗКА

В переходный период, когда хозрасчет еще не получил полного развития, а старая система демонтируется, неизбежны ухудшение положения потребителей, усиление диктата поставщика. Необходимы специальные меры, предотвращающие его.

Несовершенные цены и обострение дефицита многих материалов, изделий, действие антистимулов вынуждают предприятия обеспечивать прибыль, не увеличивая, а наоборот, сокращая объем производства и поставок. Ранее этому препятствовали административные меры: плановое задание сверху, элементы обязательной загрузки производства, определяемые Госпланом, Госснабом СССР (протоколы загрузки, соглашения по загрузке). Если снять эти ограничения, то может возникнуть парадоксальная ситуация: предприятия намного полнее выполняют свои договорные обязательства, а положение потребителей значительно ухудшается. При отказе от 100 %-ной загрузки мощностей, порождающей нестабильность выполнения плана поставок, предприятия-изготовители неофициально установят себе избыточно надежный норматив резервирования мощностей и тем самым снизят уровень удовлетворения потребностей.

В этих условиях целесообразно установить предприятиям структурообразующих отраслей коэффициент минимально допустимой загрузки производства.

БОЛЬШЕ СКЛАДОВ СИСТЕМЫ ГОССНАБА!

Переход к оптовой торговле средствами производства должен исключить фондирование, навязанное свыше вмешательство посредника в отношения партнеров; обеспечить возможность заказа и гарантированного получения любого количества продукции малыми, реально необходимыми потребителю партиями не в течение неопределенного срока (года, квартала или в лучшем случае месяца), а в точно оговоренное время.

Перестройка снабжения не ставит целью решить все эти задачи в ближайшие годы. Речь идет лишь об исключении фондирования, что несколько улучшит снабжение потребителей. Но для кардинальных изменений этого недостаточно. По ряду металлургических предприятий доля заказов в объеме менее трех партий поставок (каждая партия равна грузоподъемности 70-тонных вагонов, применяемых для перевозки проката) на квартал составляет более половины всей поставляемой продукции. Потребности крупных пользователей, тех, кому необходимо ежеквартально более трех вагонов проката, распределяются равномерно. По условиям поставки таким потребителям продукция отгружается ежемесячно или чаще, т. е. здесь поставки осуществляются равномерно, относительно близко по срокам к потреблению.

Совершенно иное положение в тех случаях (а их гораздо больше), когда заказывается одна-две партии продукции в год, полугодие или квартал. Металлургические предприятия не в состоянии обеспечить прямые (транзитные) поставки в малых количествах, менее установленной вагонной нормы. Заказать прокат через посредника — предприятие по поставкам системы Госснаба СССР — удается далеко не всем, поскольку мощности этих предприятий ограничены. Поэтому потребитель заказывает как минимум вагонную норму, хотя реальная потребность может быть много меньше. Поневоле завышая величину партий заказа отдельных сорторазмеров, потребитель вынужден, сохраняя общий объем (по лимиту), заказывать меньше, чем ему реально необходимо, других сорторазмеров материала.

Использование одного сортамента проката вместо другого приводит к неоправданным расходам. Потребитель иногда просто не имеет возможности обеспечить себя теми или иными видами продукции. Например, в тонне прутка диаметром 12 мм его длина в 1,44 раза меньше, чем в тонне прутка диаметром 10 мм.

Примеров можно привести множество. Так, Мироновскому предприятию по выпуску железобетонных конструкций (Донецкая область) на 1988 г. было необходимо 82 профилеразмера. Однако оно могло заказать только 38.

В СССР производится и потребляется в несколько раз больше проката, чем в США. Зачастую это объясняется несовершенством технологий и конструкций изготовляемых машин, низким качеством и ограниченным сортаментом проката. Это действительно так. Но главная причина неэффективного использования металла — в системе распределения, материально-технического обеспечения.

Порядок выполнения одно- и двухпартионного заказа — в течение квартала — чрезвычайно далек от необходимой точности и приводит к накоплению неоправданных запасов, неэффективности обеспечения металлом, дефициту материалов.

В настоящее время доля транзитной формы обеспечения прокатом в разных регионах составляет 70—90 %, складской — 10—30 %.

Требуется увеличить складские поставки до обеспечения действительных потребностей в ней, резко расширить мощности специализированных предприятий по поставкам продукции системы Госснаба СССР. Такие предприятия должны аккумулировать большую часть производимого проката по регионам страны и обеспечивать бесперебойную его поставку потребителям по их требованиям в любых количествах ниже транзитных объемов, в любое время.

КАК УЧИТЫВАТЬ РАСХОДЫ?

Переход от фондирования и централизованного распределения к прямым связям требует изменения порядка учета расходов на доставку материалов потребителю. По многим видам продукции, оборудования эти расходы включались ранее в оптовую цену как средняя величина. Потре-

бителю было безразлично, получает ли он прокат с ближнего металлургического комбината или отдаленного за 1000 км. И поставщику было безразлично, на какое расстояние везти свою продукцию. Экономическую ответственность за целесообразность транспортных связей несла посредническая организация — орган Госснаба СССР, который распределял материалы, прикреплял потребителей к поставщикам. Если прикрепление было оптимальным, то этот орган получал дополнительную прибыль от того, что расходы на доставку груза оказывались ниже средних транспортных затрат, заложенных в оптовой цене; при неудачном прикреплении были убытки.

При отказе от фондирования и централизованного распределения орган Госснаба не должен и не может нести ответственность за выбор партнеров. Это делается добровольно, самостоятельно, экономическую ответственность за выбор в части расходов на доставку несет потребитель. Такой порядок побуждает минимизировать транспортные издержки. Но возникает новое противоречие. Поставщики разных видов продукции распределены по территории страны неравномерно. Одно машиностроительное предприятие, расположенное, например в Донбассе, может получать прокат с расстояния в несколько десятков километров. Другое имеет ближайшего партнера-металлурга за сотни километров. Различные расходы на доставку приведут к неодинаковым условиям хозяйственной деятельности, получения прибыли, дохода. Этот фактор не зависит от предприятия-потребителя и может быть учтен при установлении экономического норматива отчисления от прибыли или дохода в бюджет государства.

●

Нередко можно услышать, что перестройка системы материально-технического обеспечения осуществима лишь после реформы цен, создания развитых товарно-денежных отношений, укрепления финансов. Без этого действительно нельзя. Но нельзя забывать и об обратном воздействии системы материально-технического обеспечения. Она может быть радикально улучшена даже в нынешних условиях,

После прочтения подобных статей появляется ощущение, что только гонка вооружений помогала нам удержаться на передовых рубежах науки и техники. Как только речь заходит не о защите Родины, а о куске мыла или стиральном порошке, тут наша экономика не просто дает сбой, она вообще идет не в ту сторону.

СИНТЕТИКА ИЛИ НАТУРАЛЬНОЕ?

М. ПЛЕТНЕВ,
кандидат химических наук,
зав. лабораторией НПО «Синтез ПАВ»,
Белгород

Куда подевались моющие средства? Почему нет мыла, шампуней? Эти вопросы задают постоянно. Можно, как это нередко делается, отнести все на счет сокращения импорта или разгула непривычной нам демократии: под давлением общественности закрыты экологически вредные производства, повлияли и беспорядки в Сумгаите. Но не это первопричина стойкого и раздражающего всех дефицита.

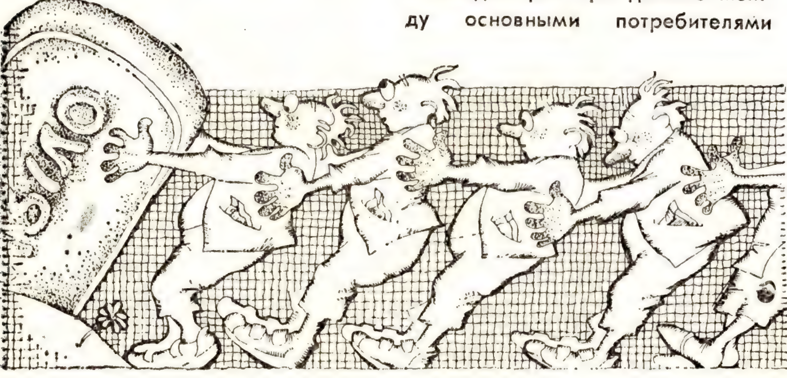
Главная причина — в плачевном состоянии сырьевой базы моющих средств. Охарактеризовать ее вкратце можно так: крайне узкий, неоптимальный ассортимент; сверхконцентрация производства у единичных монопольных производителей, ориентированных на тоннаж, на монопродукт, а не на ассортимент; постоянная подгонка потребителя «под то, что есть». Проиллюстрирую это на примере моющих средств личной гигиены.

Основу их составляют, как известно, поверхностно-активные вещества (ПАВ). Сырьевая база моющих средств личной гигиены — шампуней, туалетного мыла, пенных препаратов для принятия ванн и душа — имеет свою специфику, связанную в основном с тем, что используемые ПАВ должны мягко действовать на волосы, кожу, не раздражать ее и просто быть высокого качества. Этим требованиям не отвечают те два-три наименования крупнотоннажных ПАВ, которые используются для бытовых моющих средств и для технических целей. Всего же наша промышленность выпускает не более десятка остродефицитных мягких ПАВ. Например, из полусотни анионных ПАВ, используемых в США в шампунях и выпускаемых преимущественно из воспроизводимого натурального сырья, у нас производятся лишь три наименования, причем из заведомо худшего синтетического сырья. А за рубежом производство всех жирных кислот и половины спиртов

базируется на растительном и животном сырье.

В 60-х годах наша промышленность ПАВ и моющих средств (за исключением мыла) полностью отмежевалась от пищевой и перерабатывающей промышленности, и мы пошли своим путем. Плохая ситуация с продовольствием, всеобщая прошлая эйфория по поводу всезаменяющей «синтетики» (вспомним хотя бы броские магазины «Синтетика», во множестве расплодившиеся и незаметно исчезнувшие), низкие цены на нефтепродукты и газ, а кроме того, полное нежелание Госплана и ведомств сверять избранный курс с мировыми тенденциями — вот основные причины нынешних перекосов в сырьевой базе ПАВ. Их следствием стало то, что почти все отечественное производство шампуней, ополаскивателей для волос и, отчасти, пеномоющих средств базируется на импортных ПАВ. К нашему величайшему стыду, мы до сих пор не имеем ни одного «мягкого» моющего средства для стирки детского белья. Наша сырьевая база полностью ориентирует промышленность на узкий ассортимент крупнотоннажных синтетических ПАВ для технических нужд, но не для удовлетворения насущных человеческих потребностей. В этом причины нынешнего кризиса сырьевой базы, корни экологических проблем, низкого качества продукции.

В ведущих капиталистических странах синтетические и натуральные источники олеохимического сырья даже в период низких цен на нефть оставались сбалансированными, поэтому взлет цен в 70-е годы химическая промышленность Запада перенесла относительно легко. Мы же, идя вразрез с мировой тенденцией, продолжали искусственно поддерживать на внутреннем рынке низкий уровень цен на нефтехимическое сырье, создавая иллюзию его доступности. Но оно уже давно и безнадежно в дефиците. И каждый раз при дележе между основными потребителями

тришкиного кафтана, то бишь ресурсов жирных спиртов и кислот, для моющих средств остаются жалкие крохи. Причем не лучшего качества. Кстати, удельный вес синтетических жирных кислот и в производстве мыла сейчас незначителен: 17 % в целом, лишь около 2 % — в туалетном мыле. В связи с безнадежной ситуацией по твердым парафинам, а также учитывая негативные технологические и потребительские свойства синтетических жирных кислот, нет оснований полагать, что их роль в мыловарении со временем возрастет. Многолетний отечественный и зарубежный опыт показывает, что здесь необходим здравый консерватизм. Нет и не найдено пока ничего лучшего для туалетного мыла, чем смесь кислот говяжьего жира и кокосового масла.

Легенда о том, что синтетика «экономит» пищевое сырье, живуча. Но «экономия» обернулась тем, что мы захлебнулись в отходах и газовых выбросах, а качество нашей продукции не отвечает мировым стандартам. Нефтехимическое сырье должно не заменять, а по возможности дополнять натуральное.

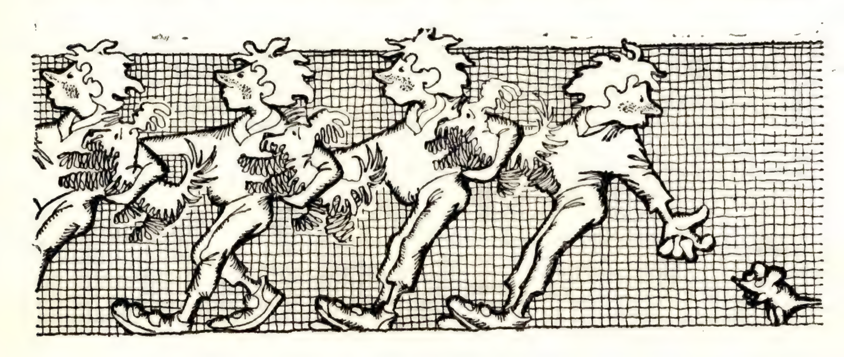
Тотальное увлечение синтетикой и искусственно низкие цены привели к появлению иждивенческих настроений у потребителей ПАВ, которые хорошо усвоили слово «дай», но перестали заботиться о полноте переработки своего сырья, о создании собственного ассортимента ПАВ и продуктов на их основе. Позитивный опыт отдельных предприятий, например, опорно-показательного рыболовецкого колхоза имени С. М. Кирова под Таллинном, который перерабатывает в ПАВ отходные жиры рыбоконсервной промышленности и с большой выгодой для себя производит шампунь «Меревахт»,— скорее исключение, чем правило. Десятки тысяч тонн масличных и хлопковых соапстоков, обжарочных масел, технического животного и шерстного жира, жиров рыб и морских млекопитающих не собирают, а бездумно спускают в

реки и моря, захороняют, в лучшем случае сжигают в котельных и топках судов, либо используют в примитивных целях. О квалифицированном использовании воспроизводимого условно пищевого сырья в производстве олеохимикатов дальше разговоров дело не идет. Те хлопковые кислоты и рыбьи жиры, что эпизодически попадают на наши нефтехимические предприятия,— капля в море. Одна надежда, что подлинный хозрасчет заставит производителя считать каждую копейку и находить квалифицированное и выгодное применение своим побочным продуктам.

Редкий мясо- или жиркомбинат имеет сейчас эффективно действующие жироловушки и сепараторы. На фабриках первичной обработки овечью шерсть моют допотопным дедовским способом — содой со стиральным порошком или мылом. При этом портится гриф пряжи, а шерстный жир омыляется и эмульгируется до такой степени, что не остается ничего лучшего, как спустить его в сточный коллектор. Во всем же мире функционируют высокоэффективные фабрики-химчистки, где очистка производится органическими растворителями. Этим достигается высокое качество и шерсти, и жирового сырья, которое идет на производство столь дефицитных для нас катионных ПАВ, губных помад, жировой базы для кремов, фармпрепаратов и т. п. Стоит ли удивляться после этого пустоте магазинных полок, прогрессирующему загрязнению наших водоемов?

И еще: почему кокосовое масло, жиры и саломасы, используемые в мыловарении, совершенно не доступны для производства других моющих средств личной гигиены? Не потому ли, что распорядитель фондов на жировое сырье не желает поделиться с другими и боится усиления конкуренции мылу? Ведь не секрет, что спрос на мыло в значительной мере поддержан искусственно, и еще 3—4 года назад потребовались экстренные меры для спасения мыловаренных заводов, особенно старых, от затоварива-

ния мылом. Сказались конкуренция со стороны других моющих средств, а также широкий ассортимент мыл импортных и группы «экстра», предложенных «Свободой», Винницким и Горьковским масложировыми комбинатами. Снижение валютных закупок ПАВ и шампуней в последние годы повлекло за собой исчезновение альтернативных моющих средств, и потребительский спрос был вновь обращен на туалетное мыло. Между тем в развитых странах мыло давно занимает несравненно более скромное место среди моющих средств личной гигиены. Чтобы удержаться на рынке, мылу за рубежом пришлось претерпеть эволюцию, появилось мыло плавающее, дезодорирующее, на синтетической и смешанной основах, полосатое, пестрое, на бечевке и т. п. Нашего мыловарения эти тенденции не коснулись.

Дабы пресечь посягательства на сырье, Минпищепром в конце 60-х годов «протащил» через Совмин постановления, направленные на повсеместное ограничение использования пищевого и условно пищевого сырья для «технических» целей. В технические включили все товары бытовой химии, в том числе моющие средства личной гигиены и даже косметику. Такое опрометчивое решение на многие годы определило отставание отечественного ассортимента и качества этих товаров массового спроса от современного мирового уровня. Отходные животные жиры, кокосовое, рапсовое и касторовое масла у нас недоступны для производства олеохимикатов, тогда как в развитых странах они составляют «сырьевой» костяк экологически чистых, энергосберегающих производств. Однобокая ориентация на нефтехимическое и газовое сырье давно осложняет нам жизнь — утверждаю это как специалист. В связи с неутихающим ажиотажем вокруг моющих средств и мыла важно сделать правильные выводы относительно глубинных причин дефицита и наметить реальные, обеспеченные финансированием и ресурсами программы. Отдача не заставит долго ждать — отрасль ПАВ и моющих средств считается одной из прибыльнейших.

Сужу по своему Минхимнефтепрому: мы по-прежнему одержимы гигантоманией: взять хотя бы планируемый нефтехимический комплекс в Сургуте — словно мало нам «памятников» Нижнекамска и Елабуги. Как близорукие временщики, мы все так же нацелены на переработку только нефтегазового сырья. Между тем, как показывает мировой опыт, будущее — за небольшими производствами, разнообразными и легко переналаживаемыми в соответствии с потребностями. И размещать их надо, задействовав воспроизводимые местные сырьевые ресурсы, с обязательным выходом на высококачественные и выгодные товары.

АРБИТРАЖ — ЧЕЙ СТРАЖ?

В. А. МОСКВИТИН,
начальник юридического отдела
Жидачовского целлюлозно-картонного завода,
Львовская обл.

— До каких пор Государственный арбитраж будет безынициативным придатком Госснаба, дублирующим его любые несуразности? — напрямик спросил я Ю. Г. Матвеева, к сожалению, ныне покойного бывшего Главного арбитра Союза ССР, попав к нему на прием по делам нашего завода 22 ноября 1989 г.

— Остро сказано,— улыбнулся Ю. Г. Матвеев,— но что вы конкретно имеете в виду?

Я же имел в виду следующее, о чем начал подробно рассказывать Юрию Геннадьевичу. Он меня не перебивал и как бы поощрял своим внимательным взглядом.

Госснаб устроил неразбериху в договорной кампании по поставкам продукции производственно-технического назначения на 1989 г. Вслед за обманными действиями Госснаба двойной обман совершил Госарбитраж Украинской ССР в лице бывшего тогда первым заместителем Главного государственного арбитра Д. Притыки.

— В чем же вы усматриваете обман?

— Чтобы разъяснить суть действий Д. Притыки, необходимо прояснить ситуацию. А она сложилась таким образом. Теруправление Госснаба, выдав планы поставки типографской бумаги, не выдало Жидачовскому целлюлозно-картонному заводу необходимых лимитов на целлюлозу. Госарбитраж УССР, естественно, должен был учесть и освободить завод от поставки производственному объединению «Полиграфкнига» 910 т типографской бумаги, производство которой не было обеспечено сырьем. Ведь из воздуха бумага не делается.

Учесть следовало также и то обстоятельство, что ПО «Полиграфкнига» могло обеспечить Жидачовский целлю-

лозно-картонный завод недостающим количеством сырья для производства типографской бумаги за счет отходов собственного производства. Однако макулатуру «Полиграфкнига» продала на экспорт и кооперативам, лишив себя реальной возможности обеспечения типографской бумагой.

В создавшейся ситуации от Госарбитража Украинской ССР требовалось радикальное решение. Признание незаконным нереального наряда давало возможность потребителю ставить перед Госснабом вопрос о выдаче реального наряда по обеспечению его производственных нужд типографской бумагой. Но события развернулись в ином направлении. Когда в Госарбитраж УССР прибыли представители Жидачовского целлюлозно-картонного завода и вышестоящей инстанции, то их заверили, что завод освобождается от поставок тех самых 910 т бумаги, для которых нет сырья.

Однако спустя две недели Д. Притыка отступил от ранее объявленного решения и, игнорируя фактически сложившуюся хозяйственную ситуацию, постановлением от 1 ноября 1989 г. за № Н-2/Лв-528 обязал Жидачовский целлюлозно-картонный завод поставить ПО «Полиграфкнига» 910 т типографской бумаги.

— Эти действия Д. Притыки пусть останутся на его совести, поэтому продолжайте по существу,— заметил Ю. Матвеев.

— Все же это со всех сторон фикция. Не случайно после получения вышеуказанного постановления сам покупатель не верит в реальность его исполнения. ПО «Полиграфкнига» 4 ноября 1989 г. обращается с письмом в Госплан СССР и Госснаб СССР с ходатайством о реальном обеспечении завода целлюлозой. Это еще раз свидетельствует, что постановление Госарбитража УССР не учитывает конкретной хозяйственной ситуации. Постановление не заменит отсутствующее сырье. Если бы была целлюлоза, Жидачовский целлюлозно-картонный завод и без постановления Д. Притыки изготовил бы необходимое количество типографской бумаги, а в конце хозяйственного года это постановление невыполнимо даже при наличии целлюлозы.

— Вынужден согласиться, что ваши доводы не лишены оснований,— замечает Юрий Геннадьевич, ознакомившись с документами.— Мы затребуем дело и постараемся вам помочь, приняв радикальное решение по защите предприятия от произвола Госснаба... Это будет одно из пер-

вых реальных дел Госарбитража по защите от произвола. Давайте ваше ходатайство.

Прощаясь со мною, Юрий Геннадьевич заметил, что в правовом государстве Госарбитраж не должен уходить от защиты прав предприятия, как это было раньше.

— Мы предложим правительству возложить на Госарбитраж рассмотрение заявлений о признании недействительными актов не только вышестоящих органов, но и Госснаба СССР, Госкомцен СССР и других органов государственного управления. Со временем мы должны рассматривать споры предприятий с банками, финансовыми органами, органами Госстандарта. Например, сейчас у предприятий совершенно нет возможности воздействовать на органы банка, ненадлежащим образом выполняющего финансовые операции.

После встречи со столь радикально настроенным руководителем, понимающим требования времени, поневоле укрепляешься в мыслях об успехе перестройки. Но наученный горьким опытом общения с должностными лицами Госарбитража Украинской ССР, я постоянно сижу на телефонах и слежу за прохождением дела в Госарбитраже СССР.

Моя настойчивость порою наталкивается на грубость должностных лиц центрального ведомства. Между тем время идет. Проходят ноябрь, декабрь. Наступает новый 1990 г., а решения по делу все нет и нет.

— Что-то замышляют чиновники,— обеспокоенно думаю я и пытаюсь связаться с Ю. Г. Матвеевым, но узнаю, что он в отпуске. Тогда выхожу на исполнителя З. Трубникову, из разговора с которой понимаю, что она любыми путями будет противодействовать указанию Главного арбитра.

Не остается ничего другого как позвонить заместителю Главного арбитра СССР Ивану Михайловичу Останнему.

— Не волнуйтесь,— успокаивает меня И. Останний,— дело будет решать не З. Трубникова, оно будет рассмотрено коллегиально, я назначил еще двух арбитров.

Разговор состоялся 19 января 1990 г. (по обстоятельствам, изложенным ниже, необходимо обратить внимание на дату), и я попросил Ивана Михайловича о том, что если у коллегии сложится иное мнение, чем у Главного арбитра страны, то необходимо дождаться его и доложить ему дело, как он указал об этом в своей резолюции. И. Останний соглашается с моими доводами.

Но неспокойно у меня на душе, поэтому утром 24 января 1989 г. я — в Госарбитраже СССР, где меня как по голове обухом — скончался Юрий Геннадьевич Матвеев, Главный арбитр страны.

Оправившись от столь неожиданной вести, я интересуюсь судьбой дела и узнаю, что решено постановление Д. Притыки оставить в силе. Причем З. Трубникова пытается меня убедить в том, что она здесь ни при чем. Решение принимала коллегия во главе с И. Останним. Иду в приемную заместителя Главного арбитра, он принять меня отказался. Направляет к начальнику отдела Л. Язевой. Подобные бюрократические игры для меня не в новинку. Иду к ней. Она заявляет, что не в курсе этого вопроса и рекомендует обратиться к З. Трубниковой.

— У Трубниковой я уже был, был и в приемной Останнего. Меня направили к вам.

— Подождите, я выясню.

Через некоторое время в кабинет заглядывает З. Трубникова и рекомендует мне пройти в помещение № 22, где я смогу получить постановление.

ПОЧТИ ДЕТЕКТИВ В ПИСЬМАХ

ЕСТЬ ЛИ В МОСКВЕ ЭКОНОМИСТЫ И ЮРИСТЫ?

Б. С. МАЛЫШЕВ,
кандидат технических наук,
Тында

Письмо седьмое

Уважаемая редакция!

При заключении договоров аренды постоянно возникает практическая проблема — что входит в арендную плату, что она возмещает?

Аренда имеет различные формы, и все это хорошо изложено в утвержденном Советом Министров СССР Положении об экономических и организационных основах арендных отношений в СССР. Но постоянно возникает путаница, она проникла даже в Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об аренде и арендных отношениях». Я писал об этой ошибке М. С. Горбачеву.

Я не спешу покидать кабинет Л. Язевой и пытаюсь выяснить у корифеев в области хозяйственного права некоторые вопросы. В частности, как изготовить нужную продукцию без нужного сырья. В беседе выясняется, что одним из арбитров, подписавшим постановление (подчеркиваю: не рассматривающий дело, а подписавший постановление), является Н. Вышняк, присутствующая в этом же кабинете. Когда я начал обсуждать ситуацию, то Н. Вышняк заявила:

— Недавно я подписывала по этому делу постановление.

Как я убедился из дальнейшего разговора, Н. Вышняк не знала деталей дела и, по всей видимости, никакого коллегиального рассмотрения не было. Она, как и арбитр Л. Антонова, просто-напросто подписала постановление, подготовленное З. Трубниковой.

Когда же я ознакомился с постановлением, то получил дополнительные доказательства своей версии. Исполнителем значится Трубникова, а заместитель Главного арбитра И. Останний при телефонном разговоре со мною 19 января или слукавил, или постановление было вынесено позднее, а дата 19 января, поставленная от руки, умышленно иска-

---

Письмо первое

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Указ Президиума Верховного Совета СССР „Об аренде и арендных отношениях" содержит грубую экономическую и юридическую ошибку, которую для пользы дела надо устранить. Пункт 3 Указа противоречив. В начале верно записано: „Имущество, переданное в аренду, остается собственностью государства и арендодателя". А вот далее в том же пункте появляется ошибка: „Арендованное имущество, за исключением объектов, составляющих исключительную собственность государства, по истечении определенного договором срока переходит в собственность арендатора при условии, что стоимость этого имущества полностью покрывается выплаченной арендной платой".

Здесь перепутаны две различные хозяйственные операции: сдача имущества в аренду и продажа в рассрочку. Если сумма арендной платы за срок договора сравняется со стоимостью имущества, право собственности к арендатору не переходит. Сама эта плата не возмещает стоимость имущества, а представляет собой часть прибыли.

жает суть дела, чтобы не показывать, что постановление вынесено вслед за смертью Юрия Геннадьевича Матвеева, резолюцию которого теперь им не было необходимости исполнять.

Так или иначе, но чиновники Государственного арбитража воспользовались болезнью и смертью Главного арбитра, чтобы не принимать радикального решения, затрагивающего интересы Госснаба, а также их украинского коллеги Д. Притыки.

М-да! Не везет Госарбитражу СССР, а вместе с ним не только нам, юристам предприятий, но и трудовым коллективам, стремящимся хозяйствовать по-новому. Такие по-передовому настроенные люди, как Ю. Г. Матвеев, преждевременно уходят из жизни.

Вот так и крутятся бюрократические колеса, препятствующие перестройке, а мы все продолжаем говорить о противодействии некоторых сил, не называя конкретных имен. Но я рискнул их назвать пофамильно.

Аренда может совмещаться с продажей в рассрочку, но тогда арендатор платит арендную плату плюс взнос на погашение стоимости.

Вызывает удивление, как в столь важный государственный акт вкралась ошибка, которую любой грамотный экономист или юрист обнаружит немедленно».

Письмо второе

Это письмо было передано в Министерство юстиции СССР. Оттуда ответили:

«В период действия договора аренды арендатор, эксплуатируя арендованные средства, получает прибыль, часть которой в виде арендной платы перечисляет арендатору... Указ предусматривает возможность передачи имущества в собственность бывшего арендатора. При этом законодатель исходил из того, что договор аренды заключается на длительный срок, в течение которого арендованное имущество в значительной степени изнашивается и морально устаревает. Экономическим показателем этого процесса является арендная плата, учитывающая эти обстоятельства.

Имущество, стоимость которого полностью покрыта размерами арендных платежей, подлежит списанию с баланса арендодателя, но передача этого имущества в собственность бывшего арендатора дает

ему возможность распорядиться этим имуществом по своему усмотрению, что экономически представляется более целесообразным.

Заместитель начальника Управления хозяйственного законодательства М. Д. Лукашова».

Письмо третье

Ошибку в Министерстве юстиции не признали, и я снова написал:

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

В ответе на мое письмо Вам из Министерства юстиции СССР есть совершенно верное и принципиальное утверждение, что арендная плата — часть прибыли, но одновременно там считают, что арендная плата есть часть стоимости арендованного имущества и возмещает его износ (амортизацию). Верно что-либо одно.

Чтобы понять ошибку в Указе, не нужно быть ни глубоким юристом, ни высококвалифицированным экономистом. Достаточно закончить любой вуз и сдать экзамен по политэкономии. Простите за напоминание элементарных истин, но такое же толкование арендной платы (часть прибыли) содержится и у К. Маркса. Если аренда прекращается, то арендатор может оставить себе полностью амортизированное оборудование, но должен вернуть арендодателю его первоначальную стоимость либо деньгами, либо полностью восстановить стоимость имущества. Иначе он просто безвозмездно присваивает его.

Здесь в экономическом смысле полная аналогия с кредитом: нужно платить и проценты, нужно и вернуть всю сумму кредита. Аренда — тот же кредит, только не деньгами. Указ законодательно утверждает беспроцентный кредит имущества.

В Министерстве юстиции СССР нет понимания этой проблемы. И хочется верить, что такая некомпетентность только у одного человека, подписавшего ответное письмо. Прошу переадресовать мое письмо председателю Госкомиссии Совета Министров СССР по экономической реформе Л. И. Абалкину».

Письмо четвертое

Правда, правительство — не законодатель и исправить ошибку не может. Ответа от Л. И. Абалкина я не получил. Остается надеяться, что, строя правовое государство и издавая неграмотные законы, мы не будем их исполнять.

Предлагаю ЭКО то, что я безуспешно предлагал М. С. Горбачеву и Л. И. Абалкину — новую формулировку Указа в пункте 3:

«Арендованное имущество, за исключением объектов, составляющих исключительную собственность государства, по истечении определенного договором срока аренды переходит в собственность арендатора при условии, что стоимость этого имущества полностью покрывается амортизацией, составляющей часть арендной платы».

Письмо пятое

После выхода Основ законодательства об аренде я написал А. А. Собчаку:

«Уважаемый Анатолий Александрович!

В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде допущена грубая ошибка. Я послал об этом письмо в Верховный Совет СССР, копию которого прилагаю. Уверен, что письмо мое затеряется в море посланий в Верховный Совет. Прошу Вас высказаться в Верховном Совете за исправление допущенной ошибки. Думаю, что качество законов — наша общая забота».

Письмо шестое

«В Верховный Совет СССР

Уважаемые товарищи!

В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде содержится экономическая и юридическая ошибка, которая обязательно должна быть исправлена. Эта ошибка содержалась в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1989 г. «Об аренде и арендных отношениях в СССР» и в несколько измененном виде вошла в Основы законодательства.

Пункт 2 статьи 10 нарушает принцип возмездности и создает возможность арендатору приобрести в собственность арендованное имущество без полного возмещения владельцу его стоимости. Такая возможность возникает из внутренней противоречивости Основ законодательства.

Пункт 1 статьи 8 определяет, что «размер амортизационных отчислений, включаемых в арендную плату, определяется в договоре аренды, исходя из установленного в нем распределения обязанностей по воспроизводству переданного в аренду имущества». Отсюда следует, что амортизация может включаться в арендную плату полностью, частично или не включаться совсем. Если договором аренды предусмотрено, что воспроизводство переданного в аренду имущества осуществляется арендатором, то вся амортизация должна оставаться у него. Тогда по окончании договора арендатор должен вернуть имущество арендодателю в первоначальном (неизношенном) виде либо компенсировать полную стоимость износа деньгами.

Допустим, что договор заключен именно так, и обратимся к статье 10 «Выкуп арендованного имущества». В пункте 2 этой статьи записано: «Выкуп осуществляется путем внесения арендатором арендодателю всей причитающейся ему арендной платы со стоимости сданного на полный амортизационный срок имущества». Не будем цитировать далее, рассмотрим именно этот случай. Итак, ситуация:

1) договор аренды заключен на полный срок амортизации имущества;

2) обязанность воспроизводства переданного в аренду имущества возложена договором на арендатора, и в соответствии с пунктом 1 статьи 8 амортизация в арендную плату не включается.

В этой ситуации после истечения срока договора арендатор получает арендованное имущество в свою собственность, не возместив ни малейшей части ее стоимости. Этим нарушаются права арендодателя. Чтобы не допустить этого, у арендодателя остается одна возможность — при заключении договора включать в арендную плату полную величину амортизации. Но тогда пункт 1 статьи 8 становится фикцией.

Ошибка проистекает из того, что пункт 2 статьи 8 провозглашает выкуп состоявшимся при внесении арендной платы за срок амортизации без учета того, что входит в арендную плату. А ведь амортизация может входить в арендную плату полностью, частично, либо не включаться совсем. Поэтому и условия выкупа становятся различными. Очевидно, что выкуп может состояться тогда, когда сумма выплаченной арендодателю амортизации, являющейся частью арендной платы, сравняется со стоимостью арендованного имущества. Так и следовало бы записать пункт 2 статьи 8. Тогда все юридически было бы верно, а вот экономически не совсем.

В чем, собственно, состоит хозяйственная операция аренды? Результатами хозяйственной деятельности за время арендного договора являются:

1) прибыль, т. е. прирост первоначальной стоимости;

2) амортизация, накопленная, по крайней мере, первоначально на счете арендатора;

3) изношенное (амортизированное) имущество.

Кому принадлежит этот результат? Прибыль принадлежит совместно арендодателю и арендатору. Первому — на правах собственника средств производства, второму — на правах производителя. Часть этой прибыли арендатор уплачивает арендодателю за право пользования арендованным имуществом. Это, собственно, и есть арендная плата. Целью аренды как хозяйственной операции является производство прибыли и ее распределение между арендодателем и арендатором.

В процессе производства прибыли арендованное имущество трансформировалось в сумму амортизации на счете арендатора и изношенное (амортизированное) имущество в натуральном виде. Эти две формы и есть арендованное имущество, и принадлежат они, конечно же, арендодателю, который вправе распоряжаться ими по собственному усмотрению, а точнее, так, как это предусмотрено договором.

Арендатор обязан вернуть все, что он взял, да еще уплатить сверх того за временное пользование. Это последнее, собственно, и есть арендная плата, являющаяся частью прибыли. Возможны различные варианты возвращения арендованного имущества:

- арендатор оставляет амортизацию у себя, за счет нее воспроизводит имущество и возвращает его;
- арендатор передает амортизацию полностью арендодателю и по окончании действия договора возвращает только его натуральный остаток;
- амортизация частично передается арендодателю: по окончании действия договора арендатор должен вернуть остаток амортизации и натуральный остаток имущества.

Условия возвращения или выкупа натурального остатка (амортизированного имущества) определяются соглашением сторон. Эти условия могут быть определены в договоре аренды. Если такого соглашения в договоре нет, то амортизированное имущество принадлежит первоначальному владельцу — арендодателю.

В связи с изложенным предлагаю внести следующие изменения в Основы законодательства.

Статья 8. Арендная плата.

1. Арендная плата есть часть прибыли, полученная от общественно необходимого использования взятого в аренду имущества (арендный процент) и устанавливаемая договором на уровне, как правило, не ниже банковского процента.

Больше ничего в пункт 1 не включать. Все остальные пункты статьи 8 оставить без изменения. Все, что касается амортизации, перенести в статью 9.

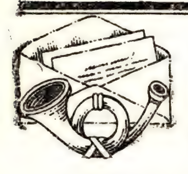
Статья 9. Пункт 4 сформулировать в следующем виде.

4. По окончании действия договора имущество возвращается в восстановленном за счет амортизации до первоначальных потребительских свойств виде, либо в амортизированном виде с возмещением всей суммы амортизации. В последнем случае амортизация передается арендодателю частями как дополнение арендной платы в установленном договором размере.

Как видно, речь идет не о редакционной правке. Если указанную ошибку не устранить, то Основы законодательства допускают безвозмездное присвоение арендатором имущества арендодателя без согласия последнего. Арендаторы смогут это делать через суд, пользуясь своими правами, установленными Основами законодательства».

Письмо восьмое

Желаю журналу более внимательно следить за такой реконструкцией хозяйственного законодательства, когда неясно: есть ли в Москве грамотные юристы или экономисты? Однако ясно, что с помощью таких законов очень несложно сделать банкротом даже крепкое хозяйство или предприятие.

Из писем в редакцию

Обман в Талмуде

Весьма любопытно было бы на страницах журнала увидеть мнение известных ученых, членов правительства и Верховного Совета СССР относительно такого неприятного явления в экономических отношениях, как обман. Способы его преодоления на демократической основе были изложены древними в следующих постулатах (Талмуд. Трактат Бава Меціа. Пезикин, гл. IV, п. 3):

1. Публичное оглашение общепринятых размеров превышения сложившихся действительных цен товаров, работ и услуг, при которых покупатель вправе квалифицировать действия продавца как обман (в Талмуде этот размер установлен в 1/6 или 16,7 % действительной цены товара). По некоторым сведениям, уровень рентабельности производственных отраслей и финансовой деятельности банков развитых стран соответствует требованиям данного постулата.

2. Право, а не обязанность покупателя на возмещение ущерба из-за обмана и отсутствие такого права у третьих лиц (т. е. соблюдение принципа свободы торговли и выбора).

3. Обязательная досудебная процедура урегулирования спора между покупателем и продавцом с правом первого на расторжение сделки и возмещение денег, полученных продавцом, в обмен на возврат товара при несоблюдении продавцом постулата 1.

4. Ограничение срока исковой давности временем, достаточным для получения покупателем достоверной информации о действительной цене товара (в Талмуде — в течение одного дня).

Л. Г. КАРПЕНЧУК,
Киев

«Идеал» давно достигнут?

Результат деятельности предприятий, производящих оборудование, не увязан с его качеством. Ценообразование у нас до сего времени строится по схеме: издержки производства плюс прибыль. Давно обветшавшая теоретическая и методическая конструкция. Во всем мире давным-давно утвердилась практика формирования цен на средства производства, исходя из их потребительной стоимости — способно-

сти обеспечить потребителю дополнительный доход. Покупателю абсолютно безразличны издержки производства продавца.

Но нужно быть реалистами — это безразличие лишит производителей возможности вздувать цены на оборудование за счет увеличения издержек производства, выявит их техническую состоятельность.

Кстати, не имеют под собой никакой почвы и упования многих ученых на договорные цены. К их сведению: все специализированное и сложное оборудование в нашей стране испокон веку продается по договорным ценам. Из закупленных нами многих тысяч единиц оборудования лишь несколько сотен куплено по прейскуратным ценам. Договорная цена при ее образовании на базе издержек производства производителя, при его диктате, ничего доброго ни покупателю, ни стране не дает. Шантажируя потребителя отказом от заключения договора, изготовитель обладает полной возможностью вынудить у него согласие на любую цену. Другое дело, когда цена будет строго определяться потребительной стоимостью, а у изготовителя не будет права отказа!

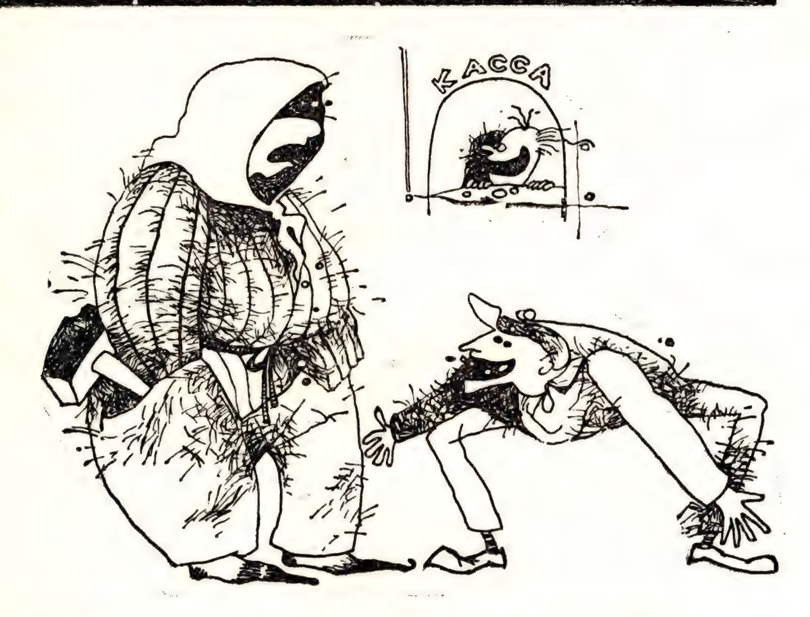
Э. Г. РЕПИН,
Рославль, Смоленская обл.

Нет программы

Показатели качества должны стать главными экономическими рычагами при планировании.

Из беседы в журнале «Стандарты и качество» (2.90. С. 16) явствует, что председатель Госстандарта СССР В. В. Сычев не имеет пока действенной программы — как сделать КАЧЕСТВО решающим фактором нашего труда. Похоже, что Госстандарт не имеет соответствующей поддержки со стороны правительства, а постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 12.05.86 № 540 о качестве продукции осталось на бумаге из-за отсутствия контроля и взыскательности. Я это хорошо прочувствовал на своей работе.

С. З. ДОМБРОВСКИЙ,
Фрунзе

РАБОТАЮЩИЕ ЖЕНЩИНЫ—НЕ ВТОРОЙ СОРТ

В. Н. ГОЛОДНЕНКО, Е. В. СТРАХОВА,
НИИ труда, Москва

Неравенство женщин в быту — наш общий позор. Но нет равенства и в сфере труда, где по целому ряду важнейших показателей — средний уровень заработной платы, квалификации и т. д.— труд мужчин и женщин существенно различается.

Произведенное в 1987 г. НИИ труда обследование 4,7 тыс. рабочих и служащих предприятий Московской области дало такие результаты: средний разряд мужчин — 3,8, женщин — 3,1, а средняя заработная плата — 194 и 153 руб.; 40,7 % мужчин-сдельщиков и 69,8 % женщин ответили, что они сильно устают после работы; у повременщиков — 28,4 и 40,1 %.

Интересную, на наш взгляд, информацию содержит табл. 1.

Таблица 1*

Условия труда	Квалификационные группы работников					
	занятые малоквалифицированным трудом, 1—2 разряд		средней квалификации, 3—4 разряд		высшей квалификации, 5—6 разряд	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Благоприятные						
Заработная плата, руб.	160	152	183	142	203	163
Удельный вес занятых физическим трудом, %	51,5	55,6	45,0	39,8	32,0	42,7
Удельный вес устающих после работы, %	33,8	51,5	44,2	42,8	42,9	59,8
Нормальные						
Заработная плата, руб.	181	147	202	150	212	165
Удельный вес занятых физическим трудом, %	66,7	78,8	57,8	61,3	36,4	44,6
Удельный вес устающих после работы, %	54,5	70,2	60,7	62,8	58,9	70,4
Неблагоприятные						
Заработная плата, руб.	192	164	208	172	225	189
Удельный вес занятых физическим трудом, %	64,8	82,4	56,6	72,5	34,5	54,6
Удельный вес устающих на работе, %	75,8	84,4	71,8	79,8	69,4	84,2

* По данным обследования 20 тыс. рабочих различных отраслей промышленности, проведенного в 1982—1983 гг.

Каждая ячейка таблицы представляет достаточно однородное множество, и основные условия производственной деятельности в этих группах у рассматриваемых категорий работников различаются несущественно. Тем не менее заработная плата мужчин и женщин различается в среднем на 40 руб. для каждой из групп.

Доля женщин, занимающихся физическим трудом, больше, чем мужчин, почти во всех группах, так же как и уровень усталости. А если учесть, что женщины выполняют более однообразную работу, то неудивительно, что удовлетворенность различными сторонами деятельности (содержанием труда, его условиями, организацией, оплатой и т. д.) у женщин значительно (примерно на 8—12 пунктов) ниже. На наименее привлекательных работах — на конвейерах и однооперационных станках — занято 32,1 % женщин и всего 16,1 % мужчин, зато на ручных высококвалифицированных работах преобладают мужчины — 32,5 % против 15,5 %.

Анализ ответов 303 специалистов (ИТР и служащих) Брестского отделения железной дороги показал, что довольно существенный разрыв в уровне оплаты труда мужчин и женщин (202 и 169 руб.) характерен и для этой категории трудящихся, причем он сохраняется и для более однородных групп (табл. 2).

Таблица 2

Распределение должностного оклада и среднемесячной заработной платы по должности и полу

Пол	Должностной оклад			Заработная плата		
	до эксперимента		после эксперимента, руб.	до эксперимента		после эксперимента, руб.
	чел.	руб.		чел.	руб.	
Руководители						
Мужчины	25	185	242	16	221	270
Женщины	8	168	216	6	180	224
Инженеры						
Мужчины	21	155	195	16	180	213
Женщины	32	143	181	24	163	196
Диспетчеры, операторы, распорядители						
Мужчины	19	155	201	17	183	227
Женщины	16	114	144	11	128	153
Техники, мастера, бригадиры, механики, энергомеханики						
Мужчины	31	154	194	22	188	210
Женщины	19	123	155	16	146	176
Экономисты, нормировщики, персонал ТВ						
Мужчины	11	155	199	10	180	212
Женщины	28	145	188	21	177	210
Старшие бухгалтеры, бухгалтеры						
Мужчины	5	155	190	3	190	223
Женщины	21	118	154	17	132	169
Кадровики						
Мужчины	1	200	265	1	240	280
Женщины	14	120	154	12	133	168
Телетайписты, секретари-машинистки, переводчики						
Мужчины	—	—	—	—	—	—
Женщины	6	96	119	5	102	123
Кассиры						
Мужчины	—	—	—	—	—	—
Женщины	46	100	124	46	114	134

Дальнейшее усиление однородности рассматриваемых должностных групп за счет выделения более мелких подгрупп по возрастному признаку и стажу работ также не ликвидирует упомянутое неравенство: мужчины, занимающие те же должности, что и женщины, и имеющие примерно одинаковый возраст (или стаж), получают больше, чем аналогичная группа женщин.

Зависимость существовала до перехода на новые условия оплаты труда, но и после перехода разрыв в оплате труда рассматриваемых групп сохранился. Это различие заложено уже в должностном окладе и еще более возрастает в среднемесячной заработной плате.

Таким образом, вопрос о том, как женщинам достигнуть равенства в области квалификации, должностного продвижения, общей трудовой нагрузки и т. д., сохраняет актуальность. Но однозначного ответа на него нет. Объясняется это и сложностью самой проблемы, и отсутствием информации в социальной статистике.

Например, чем объяснить более высокую квалификацию мужчин, от которой зависит различие в оплате? Более низким уровнем способностей женщин, меньшим стремлением к профессионально-квалификационному росту или тем, что им созданы худшие условия для реализации их способностей? Обоснованных ответов пока нет. Так, по уровню общего образования эти группы практически неразличимы: по данным массового обследования 20 тыс. рабочих, общеобразовательный уровень (в годах обучения) составил у мужчин 9,3, у женщин — 9,2 года. Однако уровень профессиональной подготовки у мужчин несколько выше.

Нам не встречались данные о том, что женщины менее способны к усвоению сложных профессиональных навыков, чем мужчины. Видимо, в какой-то мере можно предположить, что причина различий в квалификационном уровне кроется в меньшем стремлении слабого пола к достижению вершин профессионального мастерства. Исследования, проведенные НИИ труда среди выпускников СПТУ в 1986 г., показали, что девушки более равнодушны к выбору профессии, менее информированы об избранной профессии. Среди них больше равнодушных и недовольных на всех стадиях обучения: при поступлении на учебу, во время учебы и в момент опроса на работе. У них больше желающих сменить профессию (29,1 % против 15,0 % у юношей). Девушки менее активны в сфере производственного творчества. Но в конкурсах профессионального мастерства, например, девушек участвует ненамного меньше, чем юношей (16,6 и 15,4 % соответственно).

Если взять выпускников ПТУ, то заметных различий в выполнении норм у мужчин и женщин не выявлено. Почему же при одинаковом старте в дальнейшем проявляются различия в квалификации?

Поскольку равенство мужчин и женщин декларировано, но фактически его нет, то одной из причин нарушения равенства может быть какой-то скрытый механизм, сдерживающий трудовую активность женщин, их профессионально-квалификационное продвижение, механизм, обеспечивающий приоритет сильному полу при приеме на работу, распределении работ, продвижении и т. д.

Возможно ли существование такого механизма в принципе?

Современный хозяйственный механизм не исключает такой возможности. Так считает подавляющее число рабочих: 80,5 % мужчин и 71,4 % женщин полагают, например, что администрация предприятий может на 10—15 % снизить и на 20—25 % повысить общее денежное вознаграждение, полученное работником. Правда, более 60 % руководителей полагают, что они практически не имеют прямых методов воздействия на уровень оплаты трудящихся. Однако, как показал опрос, администрация предприятий располагает широким арсеналом косвенных методов воздействия: создание более благоприятных условий, распределение «выгодных» и «невыгодных» работ, установление разрядов работников и работ, использование коэффициентов к нормам и т. д.

Имея в своих руках такие неформальные и подчас трудноконтролируемые способы воздействия на материальую заинтересованность, администрация в состоянии влиять на заработную плату как отдельных работников, так и целых групп, обеспечивая преимущества той или иной категории работников при формальном соблюдении всех критериев равенства.

И администрация не только имеет такую возможность, но и прямо заинтересована в том, чтобы оказывать предпочтение сильному полу.

Во-первых, мужчины более физически развиты и, следовательно, диапазон работ, которые они могут выполнять без применения техники или при помощи простейших средств, значительно шире, чем у женщин. В наших условиях, когда на многих работах приходится прикладывать значительные физические усилия, это немаловажно.

Во-вторых, мужчины могут свободнее отправляться в командировки, задерживаться после работы и работать в выходные и праздничные дни. Женщины в этом плане менее «удобны», особенно для тех предприятий, где плохо организован труд, часты сбои и штурмовщина и, как следствие, широко используются сверхурочные работы и работы в выходные и праздничные дни. А таких предприятий немало.

В-третьих, фактический рабочий фонд женщин меньше, чем у мужчин, за счет больших перерывов в работе по болезни: женщины не только болеют сами, но и остаются с больными детьми или другими членами семьи. Женщины более требовательны к условиям производственного быта — организации питания, отдыха в рабочее время и т. д.

Да к тому же на их стороне и закон. Поэтому предпочтение оказывается менее прихотливому полу.

И, наконец, немаловажную роль играет сложившийся стереотип мышления, в соответствии с которым мужчину принято рассматривать как основного «кормильца» семьи, что учитывается в профессиональном продвижении и распределении работ.

Все это и объясняет тот факт, почему администрация предприятий часто рассматривает женщин как работников «второго сорта». Такая позиция вызывает у социологов опасения: не станут ли женщины той категорией, за счет сокращения которой предприятия, переходящие на хозрасчет и самоокупаемость, попытаются повысить свою эффективность.

Правда, называя методы воздействия администрации на величину заработной платы, 43,2 % среди мужчин указывают, что администрация может создавать более благоприятные условия для отдельных рабочих путем выделения лучшего оборудования, своевременного снабжения; у женщин — 54,7 %. Таким образом, хотя администрация значительно влияет на величину оплаты труда отдельных работников, но в целом по рассматриваемым группам воздействие это не так велико, как можно было ожидать.

Вывод этот не окончателен. Возможна, вероятно, и другая интерпретация результатов, необходимы дополнительные и более глубокие исследования.

Фактическое различие, с которого начался разговор, обусловлено объективными причинами — психофизиологическими особенностями женского организма, социально-экономическим положением женщины в обществе и т. д. Иными словами, рассматриваемое неравенство параметров характеризует не дискриминацию слабого пола, а естественное неравенство полов. Тогда неправомерно говорить о нарушении женского равноправия в сфере общественного производства. Напротив, на смену социалистическим критериям равенства и, прежде всего, принципу «равная оплата за равный труд», должны прийти другие критерии, позволяющие в какой-то мере устранить те фактические различия, о которых шла речь.

Однако здесь требуется четкая постановка вопроса и правильное определение путей ликвидации различий в заработной плате, уровне квалификации, степени представительства в руководящем аппарате и т. д. В противном случае получится уравниловка.

Многие авторы исходят из содержащейся в явном или неявном виде предпосылки, что различия в труде двух рассматриваемых категорий (в содержании труда, условиях, квалификации и, как следствие, в оплате) являются естественными и, во всяком случае, в настоящее время неизбежными. В связи с этим предполагаемые мероприятия но-

сят большей частью компенсационный характер: увеличение отпуска, введение дифференцированных по полу норм и т. д.

Прежде чем относить женщин к работникам второго сорта и требовать для них дополнительных льгот в сфере труда, необходимо тщательно разобраться в причинах сложившегося положения. Облегчение положения женщин в сфере труда следует искать на пути технического перевооружения и коренного улучшения организации работ для всех категорий трудящихся, а не только для женщин.

Вводя льготы, необходимо быть уверенным, что стимулируется действительно наиболее прогрессивное направление развития. Ввести льготы легко, а вот ликвидировать, если выявится их неэффективность, гораздо сложнее.

Если же будет признано необходимым облегчить положение женщин за счет сферы труда, то, по-видимому, целесообразнее сокращать ту часть времени, которую женщина проводит на производстве, а не вводить коэффициенты или доплаты и т. д. Дополнительное вознаграждение улучшит материальное благосостояние семьи, но никак не скажется на загруженности слабого пола.

Что же касается оплаты высвобожденных часов, то источником этой оплаты, если будет доказана необходимость, должны служить общественные фонды, а не фонд заработной платы предприятий. Но это самостоятельный и сложный вопрос.

И, наконец, учитывая неоднородность такой общей категории, как «женщина-работница», те или иные льготы вводить не для женщин вообще, а для конкретных групп с учетом возраста и семейного положения.

ОТ РЕДАКЦИИ. Продолжая разговор о женских проблемах, начатый в ЭКО 8.89, редакция учитывает, что в большинстве изданий будто открылись шлюзы — напечатано множество фактов о вопиющем положении женщины и на работе, и в семье. Немало было и предложений — от самых крутых, типа «вернись в семью», до попыток обвинить во всем мужчин, администрацию и кого угодно. Однако, как мы видим и по предлагаемой статье, пока наука не может ответить на многие непростые вопросы. Например, почему все же женщины отстают в должностном продвижении? Или — сколько женщин и в каких отраслях высвободили с переходом на новые методы хозяйствования? Сколько и кого надо переобучать? А без этого — увы, дискуссии и принимаемые решения будут строиться в значительной мере на эмоциях.

ПЕРВЫМ ПРЕДЪЯВИЛ СЧЕТ КУЗБАСС

И. С. ДРЕЙЦЕР,
Кемерово

Уже на Первой конференции по развитию производительных сил Кузбасса (она проходила в 1984 г. и собрала блестящее созвездие ученых) озабоченность неблагоприятным характером развития звучала довольно отчетливо.

Сегодня область отличает однонаправленный характер развития. В совокупном общественном продукте доля промышленности приближается к 70 %. Да и концентрация индустрии весьма болезненна (142,2 тыс. руб. основных производственных фондов и 117,6 тыс. руб. продукции на 1 кв. км площади) — впятеро выше средних показателей по Западно-Сибирскому экономическому району!

Прибавьте к названному обветшалость производственных фондов, острую нужду в капитальной реконструкции хозяйственного комплекса, довольно низкий уровень технологии, примитивную организацию производства — и вы получите представление о причинах постоянного ухудшения социально-экономических показателей.

Неизменно приращивая свой производственный потенциал, область упускала социальную сферу — тыл и главную предпосылку благополучия хозяйственного. Как обнаружили июльские события 1989 г., не менее взрывоопасной оказалась и слишком медленная реконструкция экономического механизма. В числе первых лозунгов, вынесенных на площади угольных городов, были требования хозяйственной самостоятельности предприятий.

Кузбасс — поставщик топлива и металла. В общесоюзном разделении труда за областью — пятая часть высококачественных коксующихся и энергетических углей, свыше 8 % производства стали и проката.

Последние полтора десятилетия — не вдруг, постепенно, лидерство это стало утрачиваться. Прежде всего область уступила темпы. Отдельным отраслям, правда, удалось сохранить высокие темпы (машиностроение — 175 %, химическая промышленность — 157 %). Но в главной отрасли специализации — угольной промышленности — прирост товарной продукции составил всего 2,2 %. Обнаружили явные признаки стагнации электроэнергетика и цветная металлургия.

Но ощутимее всего сказалось ослабление строительного комплекса. Мощности его и всегда-то были недостаточными, а тут еще несколько раз менялась организационная структура. Между тем материально-техническая база строительства из года в год оскудевала. Да и строительный комплекс в целом все меньше соответствовал растущей инвестиционной программе области.

По этой причине не выполняется программа жилищного строительства, безнадежно отстает соцкультбыт. В условиях предельно напряженной экологической ситуации отстают природоохранные сооружения, на многие годы затягивается сдача объектов здравоохранения, культуры, народного образования.

Негативные итоги хозяйствования были запрограммированы документами прошлых лет. Один из них — Схема комплексного развития производительных сил области на период до 1980 года. Скажем, Схемой не предусматривались существенные изменения в отраслевой структуре, в межотраслевых связях, в пространственной организации производства, а следовательно, и в целом — в направлении комплексного развития производительных сил области.

Эта ущербность усугублялась тем, что практика планирования и ход выполнения планов если не находились в оппозиции к Схеме, то и не сближались с ее конечными целями. Разработка территориальных схем отдавалась на откуп госплановским институтам, которые слишком далеки от нужд области.

Нынешний статус схем низводит их до уровня факультативного, необязательного документа, существенно снижая их значение. Многие показатели схем не становятся составной частью государственных планов. Для территорий это чревато необеспеченностью отдельных проектировок ресурсами. Не обеспеченный ресурсами план при отсутствии свободного рынка становится нежизненным. Что и произошло со Схемой-80 для Кузбасса. Предусмотренные Схемой темпы развития промышленности в 9-й и 10-й пятилетках оказались ниже достигнутых в двух предыдущих, причем наибольшее снижение произошло в 10-й (118 % против намечавшихся 143,7).

В охваченное Схемой-80 десятилетие недоосвоено свыше 1,2 млрд руб. капитальных вложений. Не было начато строительство новых шахт и разрезов. Ввод мощностей по добыче железной руды и угля, производству чугуна, стали, аммиачной селитры оказался значительно ниже предусмотренного Схемой. Не дотянули до проектирования темпы энергетики, пищевой, молочной, хлебопекарной промышленности, бытового обслуживания населения. Не выполнены задания по вводу мощностей в промышленности строительных материалов и стройиндустрии. Не достигли намеченных рубежей мощности строительных организаций.

В 10-й пятилетке стали заметны дополнительные симптомы недуга: существенно снизилась фондоотдача в целом по промышленности и особенно на угле, в электроэнергетике, черной и цветной металлургии. Исчерпались резервы экономического роста, не подкрепленного масштабным внедрением достижений НТП.

Сегодня мы начинаем понимать необходимость перехода к преимущественно интенсивному типу расширенного воспроизводства. И забываем при этом о той роли, что играет в обновляющейся экономической среде активная долговременная структурная политика. Если же такое знание и декларируется, то не реализуется ни в плановых документах, ни тем более на практике. Вот и Схема-80 по Кузбассу так и не превысила статуса протокола о намерениях. Даже концептуальных разработок структурной политики за ней не последовало. Хотя лишь серьезный структурный сдвиг в состоянии устранить причину, которая не позволяет достичь требуемых показателей народнохозяйственной, отраслевой и территориальной эффективности. Это специализация области на неглубокой переработке практически всех используемых природных ресурсов.

Появляются новые предплановые документы, а в них необходимость структурных сдвигов снова только декларируется. Попытка же создать четкую концептуальную конструкцию перестройки даже не предпринимается. Из документа в документ перекочевывает несколько расхожих клише: об активной структурной политике, о необходимости качественного преобразования машиностроительного комплекса области и др. Но модели такого преобразования комплекса так и не создано.

В условиях наметившейся в последнее время экономической децентрализации, когда признано, наконец, целесообразным делегировать территориям разработку схемы их комплексного развития, было бы самое время сказать свое слово местным НИИ машиностроительного профиля (а их в области три). Но они тоже молчат. Да и разных они ведомств. Территории же своих научных структур лишены. Тут бы интегрирующим началом послужить ГлавПЭУ облисполкома, но и оно пока не нашло себя, пребывает, так сказать, в поисках своего лица. А время идет... Не упустить бы его снова.

●

Оказавшись почти в аутсайдерах, Кузбасс тем не менее сохранил за собой честь первенствовать по ряду показателей. Сомнительную, увы. У него самые низкие в регионе удельные капитальные вложения в жилье. Самое неблагоприятное соотношение между производственными и непроизводственными вложениями. Хуже, чем в регионе и РСФСР, темпы роста обеспеченности жильем за последние десять лет.

Осознание неконструктивности предложенного «сверху» пути развития зрело давно. А июльские события 1989 г. послужили лишь хорошим катализатором к ускорению этого процесса.

3 ЭиОПП № 8, 1990 г.

РАВНОДНЕВКА

А. П. КОРОТКОВ,
ГлавПЭУ Омского облисполкома

В течение недели наша жизнь дискретна: вопросы производства не решаются в выходные дни, а то, что мы делаем в свободное время, не сделать во время работы. Попытки выйти из этих рамок приводят к нарушениям и потерям. Работа в выходные дни, например, снижает производительность труда в будни, а уход по личным делам в рабочее время наносит ущерб производству. Очевидно, что каждый день должен быть одновременно и рабочим, и днем отдыха. Тогда производственная и социальная сферы нашей жизни будут развиваться непрерывно и во взаимосвязи. Казалось бы, такой установке соответствует многосменка: пока одни работают в первую смену, другие отдыхают, и наоборот. Однако и при многосменке свободное время в рабочие дни лишь с большой натяжкой можно считать таковым, ибо человек им располагает не в полной мере: он лишь восстанавливает силы для завтрашнего труда. Для второй смены оно еще более ограничено, а рабочее время малоэффективно, поскольку естественный ритм жизни нарушен.

Попытки изменить соотношение рабочего и свободного времени предпринимались и раньше. Но все варианты так или иначе крутятся вокруг библейской семидневной недели, которая на протяжении тысячелетий остается неизменной. Но почему вся наша жизнь должна измеряться в неделях? Сутки — это понятно: Земля за 24 часа оборачивается вокруг своей оси, и день чередуется с ночью. Год — тоже понятно: Земля именно за это время оборачивается вокруг Солнца и при этом один сезон сменяет другой. Но что есть неделя? Почему все наши дела мы должны согласовывать с семью днями, а не с восемью или двенадцатью? Это что, тоже объективное понятие? Да нет же, это лишь многовековая привычка, и именно в ней заложено то препятствие, которое мешает рациональному соотношению рабочего и свободного времени: нечетное количество дней. Преодолев это ограничение, мы соединим рабочее и свободное время, создав двойственную структуру каждого дня. Это возможно, если взаимодействие рабочих и выходных дней организовать по принципу равнодневности: сколько дней труда — столько же и дней отдыха.

На практике это выглядит чрезвычайно просто. Применяются такие режимы труда и отдыха, при которых в году количество рабочих дней равняется количеству дней отдыха. Тогда одна часть коллектива

несколько дней подряд работает, в то время как другая отдыхает, а потом наоборот. Для каждого работника идет последовательное чередование рабочих и выходных дней. Кстати, совершенно не обязательно, чтобы после определенного количества рабочих дней шло то же количество выходных. Главное, чтобы на протяжении какого-либо периода их было поровну. При этом все параметры нового режима более стабильны и предсказуемы.

Оптимальное соотношение дней труда и дней отдыха еще предстоит определить, по-видимому, будет несколько равнозначных вариантов. Крайними же пределами такого режима следует считать, с одной стороны, систему «день труда — день отдыха», известную как скользящий график, и с другой стороны — систему «15 дней труда — 15 дней отдыха», которую все знают как разновидность вахтово-экспедиционного метода. На практике применяются четыре варианта равнодневки: 2—2, 3—3, 4—4, 7—7, при этом продолжительность рабочего дня составляет 11 час. 43 мин.

Именно этот способ организации труда и отдыха был впервые применен летом 1987 г. на двух омских предприятиях.

Труден был путь его внедрения. «Если бы вы только знали, как мы вначале сопротивлялись этому переходу. На все уговоры руководства цеха отвечали: нет! Не помогали ни рабочие собрания, ни просьбы, ни даже строгие приказы... А сейчас... Мы даже удивляемся: как же раньше могли трудиться по-старому?»— вспоминает литейщица ПО «Электроточприбор» Л. И. Царева.

Какие же преимущества дает новый способ организации труда и отдыха?

Все предприятия, перешедшие на равнодневку, получают такое же количество высвободившихся площадей, такой же рост фондоотдачи и уменьшение станочного парка, как если бы их коллективы работали полностью в две смены. По мнению специалиста в области эффективности производства, профессора Ленинградского инженерно-экономического института Л. М. Чистова, при переходе страны на этот режим экономия от рационального использования станочного парка составит 30 млрд руб. в год.

Коэффициент сменности нового режима при работе только в одну смену, как это ни парадоксально на первый взгляд, практически будет равен 2 (тогда как сегодня он не достигает и 1,5). Во всех подразделениях омских предприятий, перешедших на равнодневку, он достигает именно этой цифры, что повлияло на среднезаводские показатели. Так, в цехе ПО «Электроточприбор», где по-новому трудятся более 200 человек, этот показатель увеличился с 1,05 до 1,6.

Производственные мощности и оборудование загружаются равномерно, а значит, и реже выходят из строя.

На 30 % уменьшается в структуре рабочего времени его подготовительно-заключительная часть и время врабатываемости. В результате при той же почасовой выработке растет средняя производительность труда. Ее росту способствует и то, что ежедневная передача смен и преждевременное окончание работы во вторую смену теперь исключаются. В омском НПО «Агрегат», например, производительность в подразделениях, где внедрена равнодневка, поднялась на 34 %, потери рабочего времени сократились на 60 %.

Практически полностью исчезают сверхурочные работы и «черные» субботы. За счет роста средней производительности труда возрастают объемы производства, что позволяет рабочему иметь ту же заработную плату, что и сейчас, но без этих столь нежелательных спутников нашей жизни. Присутствие на рабочем месте в любой из дней недели исключает авральные работы со сверхурочными доплатами за особо важные задания. Повышается ритмичность производства. Так, в цехе ТНП Йошкар-Олинского механического завода в течение года благодаря отсутствию сверхурочных работ сэкономлено более 30 тыс. руб.

Заметно улучшится энергоснабжение. Ежедневное промышленное потребление электроэнергии при нынешнем коэффициенте сменности снизится на 28,5 %. Получается, что каждая четвертая электростанция будет не нужна — существующих мощностей хватит для дальнейшего развития производства. Уменьшится и количество вредных выбросов в атмосферу.

Большие возможности открывает новый режим труда в социальной сфере. Время каждого из нас на дорогу (на работу и обратно) сократится на 30 %. Согласно последним обследованиям, мы тратим на поездку в один конец в среднем 39 мин. Значит, за год работы по принципу равнодневности бюджет свободного времени пополнится дополнительной сотней часов. А то, что мы в 1,4 раза будем реже ездить в городском транспорте, не просто его разгрузит, но и уменьшит потребность в подвижных средствах, а также в производственных мощностях, их выпускающих. То же можно сказать и о грузовом транспорте.

Количество свободного времени возрастет на 75 % плюс еще около 100 часов за счет высвободившегося внерабочего времени, связанного с производством. Число дней труда при этом уменьшится на 30 %, а зарплата будет расти. Так, в том же цехе ПО «Электроточприбор» она увеличилась на 18 %. Уменьшится количество больничных и административных отпусков, снизятся потери рабочего времени, составляющие до 3—4 % общего его фонда.

И в самом деле, сейчас в будни у нас не более 3—4 час. свободного времени, за которые надо переделать уйму дел, и куда ни приди — очереди. Вот и приходится выкручиваться за счет рабочего

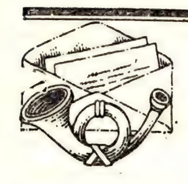
времени: то у мастера отпросишься, то административный отпуск возьмешь. При новом же режиме труда и отдыха резко улучшается качество свободного времени: в течение 3, 4, ... 7 ... нерабочих дней, к тому же постоянно повторяющихся, проще решить любой бытовой вопрос и удовлетворить свои духовные и интеллектуальные потребности.

Но как же быть с необходимостью увеличить продолжительность рабочего дня практически до 12 час.? Не отразится ли это на функциональном состоянии работающего, производительности его труда? Да и вообще — не противоречит ли тому, за что боролся рабочий класс,— требованию восьмичасового рабочего дня? Пожалуй, это еще одна догма нашего времени. Многим невдомек, что по уровню расхода физической энергии сегодняшний восьмичасовой рабочий день соответствует тогдашнему шести-, а то и четырехчасовому, и если уж вести речь о политической стороне вопроса, т. е. о нормальном рабочем дне, со ссылками на прошлый опыт, то таковым следует признать сегодняшний 12-, а то и 16-часовой рабочий день.

В то время, когда труд продолжался по 12—14 и более часов, а его интенсивность была значительно выше (в единицу времени рабочий расходовал в 1,5—2 раза больше физической энергии, чем сегодня), сокращение рабочего дня было равносильно сокращению рабочего времени. Теперь же, как мы установили, сокращение рабочего времени происходит за счет роста целодневных дней отдыха при неизменном рабочем дне. Значит, при определенных условиях свободное время может возрастать как за счет сокращения рабочего времени, так и сохранения его на том же уровне при одновременном увеличении рабочего дня. Впервые это было осуществлено при переходе на пятидневную рабочую неделю, когда рабочий день увеличился с 7 до 8 час. 12 мин. Очевидно, в некотором разумном его удлинении нет ничего страшного. Расчеты показывают, что возможно сразу сократить для женщин продолжительность рабочей недели до 35 час., т. е. удлинить рабочий день только до 10 час., тогда как мужчины могут продолжать работу по 11,5—12 час. Подобный же подход можно применить для людей различных возрастов.

Сегодня труженики различных отраслей народного хозяйства проявляют все больший интерес к инициативе омичей, внедряющих равнодневный график труда и отдыха. На предприятиях города, где применяется новый режим работы, уже побывали металлурги Красноярска, автомобилисты Риги, приборостроители Львова, представители трудовых коллективов Подмосковья, Севастополя, Читы и других городов. Равнодневку начали применять на заводах и фабриках, в строительных и транспортных организациях Йошкар-Олы, Раменска, Челябинска, Куйбышева. Особенно быстро стала распространяться она в ко-

перации. В самом же Омске внедрением нового режима и анализом его использования занимается руководимый автором временный творческий коллектив. Госкомтруд РСФСР попросил Омский облисполком подготовить свои предложения о возможности распространения нового режима труда и отдыха. А в Госкомтруде СССР создается комиссия, которая будет вырабатывать необходимые рекомендации.

Из писем в редакцию

Зарплату — по труду, пенсию — по зарплате

Не могу не высказать свое мнение о письме «Стаж и долг» Г. Н. Кацмана (ЭКО 12.89).

Призывая в начале письма бороться с уравниловкой в пенсионном обеспечении —«сейчас пенсию в 120 руб. можно получить при стаже 20—25 лет и при стаже 35, 40 и даже 45 лет»,— далее, вольно или невольно, автор вновь идет к уравниловке через тот же стаж.

Скажем, сталевар или шахтер фактически выходят не на пенсию из-за вредности производства, а на инвалидность, аккуратно прикрытую более ранним, чем для других, выходом на пенсию. Эту категорию пенсионеров, не имеющих возможности работать по состоянию здоровья, нередко «догоняют» уборщицы или иная синекура, проработавшие сверх необходимого стажа еще 15—20 лет.

Но разве можно необратимые изменения в организме сталевара или шахтера в условиях вредного или опасного производства компенсировать пусть не всегда приятным в моральном отношении, но многолетним трудом уборщицы?

Получать прибавку к пенсии только потому, что сидишь на одном месте? Это же въевшаяся в генетику психология узника сталинской командно-карательной экономики. Кто у нас сидел и сидит на одном месте? Люди разуверившиеся, люди, пришибленные административно-бюрократическим аппаратом.

Кто такой так нелюбимый аппаратом «летун», «рвач»? Это работник, имеющий нетрадиционный взгляд на «прорехи» в технологии производства. Неприятие рутины — его отличительная черта. Не работники плохи — архаично производство.

Удивляет последняя фраза в письме Г. Н. Кацмана — «Такой подход соответствует... принципу возвращения долга тем, кто это заслужил». Ему как пропагандисту школы экономического образования должен быть знаком статистический сборник «Народное хозяйство СССР в 1988 г.», где говорится, что в возрасте 60—61 год в стране умирает 20 мужчин на 1000 человек населения. На первый взгляд, вроде бы немного. Но в целом по стране выходит 5—6 млн человек.

Так что принцип-принципом, а долг возвращать просто некому! Именно поэтому не стаж по Г. Н. Кацману, не «прение» на одном

месте, как в боярской Думе, а зарплата как эквивалент труда должна напрямую обеспечивать не только прожиточный минимум, но и «финансировать» будущую пенсию.

Твердый процент отчисления от зарплаты работника не в какой-то общесоюзный или республиканский пенсионный фонд, где произойдет очередное отчуждение работника от результатов его труда, а на личный пенсионный счет в Сбербанке с правом распоряжения всей суммой вклада после выхода на пенсию. Чем лучше и дольше работаешь, тем больше получишь. Просто и без заумностей! Эта часть зарплаты, перечисленная в Сбербанк, будет фактически ссуженными средствами (под 10—25 % годовых) и должна возвращаться работнику-владельцу. В этом случае оно, государство, будет просто понуждаемо вкладывать полученные средства не в волюнтаристские проекты, а в рациональное развитие народного хозяйства. Тогда это и будет возвращенный долг, тогда это и будет социализм лицом к человеку!

Только тогда можно говорить о социальной справедливости и гуманном отношении к пенсионерам. В противном случае пенсионный фонд останется в руках бюрократического аппарата со всеми вытекающими последствиями.

В. В. ЛОГИНОВ,
Куйбышев

Свой дом

Предлагаю немедленно и одновременно:

- *отказаться от бесплатной выдачи жилья. Строить только с привлечением наличных денег населения. Хорошо работающие предприятия могут частично или полностью погашать предоставленные ссуды для жилья своим работникам;*
- *передать весь жилищный фонд в собственность проживающих на жилплощади с правом передачи по наследству и продажи;*
- *все жилищно-эксплуатационные предприятия перевести на самофинансирование и самоокупаемость (на коммерческий расчет). Все обслуживание, эксплуатация, ремонт, услуги — платные, за счет проживающих;*
- *в стройиндустрии разрешить все виды собственности. Снять все ограничения на строительство индивидуального жилья независимо от размера жилплощади в месте проживания. Неограниченно выдавать банковские кредиты для строительства жилья под залог;*
- *разрешить реализовывать продукцию по договорным ценам предприятиям, выпускающим стройматериалы, сантехнику, комплектующие, железобетонные, столярные изделия, инструмент и оснастку для строителей, если в городе более двух однопрофильных предприятий. При этом одинаково как частным лицам, так и предприятиям;*
- *отменить прописку на всей территории СССР. Снять все ограничения по взятию на квартирный учет;*
- *на предприятиях уменьшить долю отчислений из прибыли в ФРП и увеличить зарплату. Отчисления на социальное страхование оставлять на предприятиях или в районных Советах для более справедливого распределения. Заботу о пенсионерах, инвалидах, матерях-одиночках берут на себя предприятия за счет средств соцстраха и государство — за счет налогов.*

Предвижу бурю негодований в мой адрес за то, что посягнул на «социальные завоевания». Но бесплатное жилье по справедливости —

это утопия. Получается, что одним — бесплатно за счет недовыдачи заработанного другим. Какая же это социальная справедливость?

Почему предлагаю существующее государственное жилье передать, а не продать проживающим? Потому, что продажу практически осуществить невозможно.

Неприемлемым для многих покажется предложение о свободных ценах в стройиндустрии. Но сколько будет твердая госцена, столько и будет создаваться искусственный дефицит. Это значит, две цены и, значит, злонарушения. Свободная цена и свобода собственности должны стимулировать имеющих большие деньги (лежащие мертвым капиталом) вложить их в стройиндустрию. Если общество уже не может эти миллиарды забрать у «теневой экономики», то нужно заставить работать их на благо общества.

Через 2—3 года цены в строительстве будут неуклонно снижаться и жилье смогут приобрести средние слои населения. Повысится роль рубля, закрепится стимул для хорошей работы.

В. А. ЗАХАРЧЕНКО,
Николаев

Персональный взгляд

Открывая «Былое и думы» Герцена, с удивлением читаю о развитии чиновничьего сословия: «Класс искусственный, необразованный, голодный, ничего не умеющий делать, кроме „служения", ничего не знающий, кроме канцелярских форм, он составляет какое-то гражданское духовенство, священнодействующее в судах и сосущее кровь народа тысячами ртов».

Я сама работаю в системе этого «аппарата» и с уверенностью могу сказать, что слова Герцена в какой-то степени относятся ко многим «служакам» нашего времени.

Если мы откроем любой учебник по экономике, организации, планированию на горных предприятиях, то, без сомнения, найдем упоминание о том, что система управления у горняков совершенствуется из года в год. Были совнархозы, тресты, комбинаты, теперь действуют научно-производственные объединения. Меняются вывески, растет аппарат управления, а вместе с ним поток бумаг...

Чтобы не быть голословной, приведу некоторые данные. В Прокопьевске (этот город должен быть знаком читателю по событиям 1989 г.) 12 шахт. Если сравнить изменение добычи угля и численности руководителей, специалистов и служащих на этих шахтах в 1989 и 1975 г., то получится такая картина: 10 из 12 шахт города снизили добычу угля в 1989 г. по сравнению с 1975 г. В среднем по шахтам города снижение составило 32 %. В то же время так называемый «аппарат» вырос на 18 %. В какой-то мере это можно объяснить усложнением горно-геологических условий добычи, расширением связей с зарубежными странами и т. д. Но никакой, даже самый полный перечень объективных причин не может объяснить печальную действительность, которая сложилась в отрасли.

Не наступило ли время сделать хотя бы такую же оценку экономической эффективности организации управления каждым предприятием, отраслью, народным хозяйством?

В. Б. ДЕМИНА,
Прокопьевск

Наш рубль

КОММЕРЧЕСКИЕ БАНКИ РОССИИ

И. Ю. МОЗЖЕНКО,
начальник отдела коммерческих банков
Российского республиканского банка
Госбанка СССР,
Москва

В новой системе денежно-кредитного регулирования, отвечающей задачам построения рыночной экономики, решающую роль должны играть коммерческие и кооперативные банки: они способны быстро удовлетворять потребности хозяйственных организаций в денежных средствах для осуществления эффективных производственных мероприятий. По состоянию на 1 января 1990 г. количество таких банков в Российской Федерации достигло 138, из них 95 были коммерческими и 43 — кооперативными. Банки работают в условиях полной хозяйственной независимости и самоокупаемости, самостоятельно определяют условия выдачи кредитов (сроки погашения, размер процентной ставки), клиентов и цели выдачи кредитов. При этом они должны соблюдать принципы кредитования и Правила совершения расчетных и эмиссионно-кассовых операций.

Хотя коммерческие и кооперативные банки стали создаваться сравнительно недавно, масштабы их деятельности уже значительны. Общая сумма балансов коммерческих и кооперативных банков на 1 января 1989 г. составила 9,5 млрд руб. Объем кредитных вложений превысил 4,0 млрд руб., что составляет уже 1,5 % в общей сумме кредитных вложений по РСФСР. При этом размер кредитов, предоставленных коммерческими и кооперативными банками друг другу, достиг 200 млн руб. Это — уже серьезная заявка о возрождении в стране рынка кредитных ресурсов.

В этих банках обслуживается более 1,7 тыс. хозяйственных организаций, в том числе около 1,3 тыс. пользуются их кредитами. Почти 12 тыс. граждан — вкладчики этих банков, а общая сумма вкладов — свыше 40 млн руб.

К созданию коммерческих и кооперативных банков побуждают несколько причин. Одна из них в том, что многие предприятия имеют в настоящее время значительные суммы, которые не могут ис-

пользовать из-за отсутствия возможности приобрести необходимые им машины, оборудование, строительные материалы. Эти средства длительное время лежат на счетах в специализированных банках, которые, хотя и получают по ним платежи от ссудополучателей, однако не платят владельцам средств проценты за использование их как ресурсов для кредитования.

В этих условиях хозрасчет вынуждает искать пути получения доходов и от временно свободных средств на счетах. Некоторые предприятия в первое время после принятия Закона СССР о государственном предприятии начали сами предоставлять коммерческий кредит. Позднее, когда было разрешено создание коммерческих и кооперативных банков, предприятия стали вкладывать такие средства в банки, а то и создавать их за счет паевых взносов. В последнем случае они могли получать доходы, в какой-то степени компенсирующие обесценение денег в связи с инфляцией.

Другая причина создания коммерческих и кооперативных банков — стремление предприятий уйти от излишнего и не всегда компетентного, с их точки зрения, вмешательства специализированных банков в хозяйственно-финансовую деятельность. Возникла парадоксальная ситуация — специализированные банки обязаны при кредитовании побуждать заемщиков улучшать отдельные показатели деятельности, а коммерческие и кооперативные банки этого делать не обязаны. Поэтому условия получения у них ссуд для клиентов значительно привлекательнее, чем в специализированных банках.

Третья причина создания новых банков — стремление вышестоящих организаций посредством отраслевых коммерческих банков компенсировать ослабление административной зависимости от них подведомственных предприятий. Многим предприятиям участие в этих банках экономически менее выгодно по сравнению с участием в чисто коммерческих межотраслевых банках. Размеры дивидендов и процентов за депозиты в отраслевых банках значительно ниже, чем в банках, созданных предприятиями разных отраслей, расположенных на одной территории. В отличие от отраслевых банков, межотраслевые не обязаны выдавать льготные дешевые кредиты заемщикам, находящимся в трудном финансовом положении.

Отдельные коммерческие и кооперативные банки наряду с традиционными видами кредитов активно выдают инновационные ссуды на разработку, внедрение и организацию производства новых видов машин и оборудования.

Так, Новосибирский инновационный банк выдал кредит на разработку, испытание и запуск в серию легкого самолета, способного нести полезную нагрузку до 100 кг, предназначенного для сельского хозяйства, патрулирования дорог, лесных массивов, водных ар-

терий, перевозки грузов прежде всего в регионах Сибири и Дальнего Востока. В результате только в 1990 г. банк получит для лизинга сто таких самолетов. Общая потребность в их производстве — не менее тысячи в год. Возможна продажа за рубеж.

Специализированные банки СССР также стремятся принять участие в операциях на рынке кредитов, о чем свидетельствует их заинтересованность в деятельности коммерческих банков, прежде всего в тех случаях, когда они являются их пайщиками. Они не только отдают им собственные средства в виде паевых взносов, но и в отдельных случаях выделяют часть кредитных ресурсов, предоставленных им Государственным банком СССР для кредитования хозяйственных организаций. Так, новосибирские областные управления Промстройбанка, Агропромбанка и Сбербанка предоставили Новосибирскому инновационному банку кредиты на общую сумму 13 млн руб.

Несмотря на относительно быстрое развитие кредитного рынка в республике, он пока еще не оказывает заметного влияния из-за своего незначительного удельного веса. Увеличение его сдерживается неуверенностью предприятий и кооперативов в стабильности политики развития и расширения сферы деятельности коммерческих и кооперативных банков, отсутствием банковского законодательства.

Кроме того, в отдельных регионах местные органы власти негативно настроены по отношению к вновь создаваемым кредитным учреждениям. К сожалению, во многих местах лозунг «Вся власть Советам» некоторые понимают догматически — раз вся власть у Советов, значит, ни одна хозяйственная организация не имеет права сделать ни шагу без предварительного согласования с ними. Такое узкое понимание власти препятствует эффективному развитию экономики территорий. Ведь основой любого общественного, в том числе и экономического развития, является возможность свободного проявления населением инициативы, естественно, если эта инициатива не ущемляет чьи-то права и свободы. Отсутствие же такой возможности приводит к замедлению, остановке или даже к обращению вспять этого развития.

Не тот всадник быстро скачет на лошади, который, привязав поводья к каждому ее копыту и колену, дергает их, пытаясь во всем управлять ею, а тот, который делает только то, что не может она — выбирает скорость движения и направление.

К сожалению, отдельные местные Советы отказывались давать согласие на создание коммерческих или кооперативных банков, требовали закрытия филиалов таких банков. У таких действий нет ни экономического, ни морального объяснения. Они сдерживают эффективное развитие хозяйственных организаций, рост производства продукции, в том числе и товаров народного потребления, получение

ими дополнительной прибыли и, соответственно, заработной платы их работников, платежей в местный бюджет. Такие отказы укрепляют всевластие местной бюрократии и замедляют рост благосостояния населения.

Мало дать согласие на размещение коммерческого или кооперативного банка. Поскольку пока нет рынка производственных и служебных помещений, многие банки после регистрации их уставов Госбанком СССР длительное время не могут приступить к своей деятельности из-за отсутствия служебных помещений.

Отдельные областные управления специализированных банков перешли, а остальные готовятся к переходу на полный хозяйственный расчет, который еще более повысит их экономическую заинтересованность в активных операциях на кредитном рынке. Из-за отсутствия у них равных с коммерческими и кооперативными банками прав по участию в этих операциях они будут энергично противодействовать развитию деятельности этих банков и, соответственно, расширению сферы влияния кредитного рынка. Отдельные учреждения спецбанков уже задерживают перечисления паевых взносов со счетов предприятий-пайщиков этих банков и депозитов хозорганов, находящихся на кредитно-расчетном обслуживании в спецбанках, на счета коммерческих и кооперативных банков. Они отказываются открывать у себя корреспондентские счета таких банков, что лишает возможности работать банки, расположенные на значительном расстоянии от областных управлений Госбанка СССР, где также можно открывать эти счета.

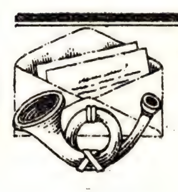
С указанными трудностями столкнулись «Стартбанк» и «Средуралбанк» в Свердловской области, «Далькомбанк» в Хабаровском крае, «Азиатский» в Иркутской области, «Нефтехимбанк» в Москве, ряд банков в Приморском и Краснодарском краях.

Пользуясь тем, что коммерческие и кооперативные банки не имеют права пользоваться системой расчетов через МФО (межбанковские филиальные обороты) и вынуждены в отдельных случаях для этой цели открывать у них (а не в учреждениях Госбанка СССР) корреспондентские счета, специализированные банки издали совместное письмо с подробным перечнем «услуг» по расчетам, за пользование которыми эти банки должны вносить солидную плату. Письмо издано без согласования с Госбанком СССР, хотя он, как главный банк страны, призван координировать деятельность всех банков.

Взимание указанных платежей неправомерно потому, что у нас в стране не существует юридических норм, разрешающих взимать с хозяйственных организаций платежи за проведение расчетных операций. Такую плату не берут со своих клиентов ни сами специали-

зированные банки, ни коммерческие и кооперативные банки. Введение платежей спецбанками можно объяснить только одним — обострением межбанковской конкурентной борьбы и применением в ней некорректного приема, ставящего коммерческие и кооперативные банки в неравные условия. Их вынуждают ввести такую же плату со своих клиентов и, тем самым, уменьшить экономическую заинтересованность последних в этих банках.

Это еще один пример того, насколько остро стоит вопрос об ускорении принятия Закона СССР «О банках и банковской деятельности», призванного поставить все банки — специализированные, коммерческие и кооперативные — в равные экономические и правовые условия, а также Закона СССР «О Государственном банке СССР», который должен дать ему реальную возможность регулировать банковскую деятельность в стране.

Из писем в редакцию

В защиту налога с оборота

Время от времени в печати появляются выступления против налога с оборота (например, письмо А. А. Кляна, ЭКО 12.89). Безусловно согласен с одним: в нормальной экономике налогу с оборота места нет. Но у нас никогда не было нормальной экономики! Налог с оборота начал широко применяться у нас в 20-х годах, при серьезных перекосах в ценах на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, как средство мобилизации денег в одном месте для покрытия убытков в другом. С тех пор без перекосов цен мы не жили, и можно сказать, что налог с оборота имел право на существование.

А. А. Клян пишет: «...Без ликвидации налога с оборота и замены его подоходным налогом перейти к рыночной экономике невозможно!» Вот с этим я не могу согласиться. Из сегодняшнего кризиса на потребительском рынке, из сегодняшнего его дисбаланса без более широкого, чем сегодня, использования налога с оборота выйти невозможно.

Чтобы перейти к рыночной экономике, нам нужно сбалансировать текущие доходы населения и товарное предложение. Без повышения доли налога с оборота в ценах увеличение производства товаров ничего не даст для балансирования потребительского рынка: в лучшем случае, сколько прибавится товаров на рынке, столько прибавится денег у населения; в худшем случае, если речь идет об убыточных товарах продовольственной группы (мясо, молоко, хлеб и т. п.), расширение их производства только обострит дисбаланс рынка.

Чтобы перейти к рыночной экономике, нам нужно также связать накопленные у населения избыточные средства: либо временным вливанием на рынок большой массы импортных товаров, либо еще

более широким временным повышением налога с оборота в ценах товаров не первой необходимости, либо, скорее всего, тем и другим вместе. Есть, конечно, и другие пути связывания денег, например, организация рынка ценных бумаг.

Широкое временное повышение доли налога с оборота в ценах товаров обязательно должно сопровождаться изъятием из обращения, уничтожением поступивших в бюджет средств. Вот когда свяжем лишние деньги, нормализуем потребительский рынок, тогда налог с оборота должен быть уничтожен, но сейчас он — непременный инструмент чрезвычайного положения. Именно сейчас от него отказываться нельзя.

Е. Д. ЗАЙДЕНБЕРГ,
кандидат технических наук,
Ижевск

Преодолели кризис!

Своеобразный отклик на статью Л. Б. Андреюка «Болото в рабочем порядке» (ЭКО 12.89) получили мы из Челябинска. Напомним, что в статье рассказывалось о кризисе в коллективе института «Челябгипромез», который сказывается и на НТР в черной металлургии.

Читатель Э. Г. Аненов прислал вырезку заметки из «Вечернего Челябинска» (от 13.01.90). Приводим ее сокращенный текст.

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» — РОК-ОПЕРА?

Старшее поколение работников Гипромеза наверняка помнит рок-оперу «Евгений Онегин», ставшую визитной карточкой художественной самодеятельности института в семидесятые годы.

Однако было время застоя и жесткой цензуры. Произведение энтузиастов легло на полку, а сами они покинули сцену, всецело углубившись в проектирование объектов черной металлургии.

Но ветер перемен напомнил им о былом увлечении.

И вот в канун Нового года без значительного отрыва от производства велась усиленная работа над новой редакцией рок-оперы. Премьера состоялась на институтском новогоднем вечере.

В роли Онегина выступил главный конструктор трубного отдела Владимир Кокоткин, в роли Ленского — заместитель начальника отдела выпуска проектов Юрий Соколов, Гремина — руководитель группы метизного отдела Михаил Карпов.

Партию Ольги проникновенно исполнил заместитель директора института Роберт Гордейчик. А образ Татьяны был убедительно раскрыт заместителем главного инженера проекта Борисом Кузнецовым, автором либретто рок-оперы.

Гости на балу у Лариных — работники и работницы института.

Новая редакция рок оперы «Евгений Онегин» была тепло встречена публикой, собравшейся в переполненном зале, и вызывала сомнение в кризисе жанра, о котором сегодня все еще говорят...

С. ШЕНКМАН,
Челябинск

Отклики

на статью Н. Н. СЕЛИВЕРСТОВОЙ «Инвестиции в 13-й пятилетке и экономический рост» (ЭКО 5.90)

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Портрет нашего будущего, нарисованный в статье Н. Н. Селиверстовой (ЭКО 5.90), малопривлекателен. Не добавляют ему радужных красок и исторические параллели.

Одна из них такова. В начале апреля 1920 г. на IX съезде РКП(б) была принята резолюция «Об очередных задачах хозяйственного строительства». В ней говорилось, что для хозяйственного возрождения страны, экономика которой разрушена гражданской войной и политикой «военного коммунизма», необходимо решить четыре взаимосвязанных задачи:

- улучшение состояния транспорта для подвоза запасов хлеба, топлива и сырья;
- подъем машиностроения для транспорта, добычи топлива, сырья и хлеба;
- усиление машиностроения для производства продуктов массового потребления;
- увеличение производства продуктов массового потребления.

Базисом для решения этих задач была программа ГОЭЛРО, план электрификации, понимаемый как «новое завоевание техники» (Гусев С. И., Кактынь А. М. и др. Об едином хозяйственном плане. Работы 1920—1921 годов.— М.: Экономика, 1989).

Знакомые проблемы! В них легко узнаются и нынешняя программа подъема машиностроения, и НТП как стратегический рычаг ускорения, и даже новая программа электрификации, которую пытаются затеять ведомства на сибирских реках. Есть даже элементы социальной ориентации, хотя и имеющие 3-й и 4-й приоритеты. Если слегка подправить формулировки и осовременить стиль, то рекомендации IX съезда РКП(б) 70-летней давности вполне могли бы послужить моделью одного из подходов к разрешению многих проблем, поднятых в статье Н. Н. Селиверстовой. Могли бы, если б не одно «но».

В статье утверждается, что если курс на сокращение капиталовложений будет продолжен в 14-й пятилетке, то среди прочих бед это создаст угрозу сокращения потребления на душу населения. Означать это может, скажем, следующее: если ныне бедными считаются 43 млн на-

ших сограждан, то к концу 14-й пятилетки их будет 60 млн. Такой вывод в части социальных последствий мне представляется сомнительным, по крайней мере, в статье нет доказательных выкладок.

Зато есть проверенный историей абсолютно точный прогноз социальных последствий плана-аналога 1920 г. в структурно похожей ситуации и примерно с теми же действующими персонажами — объектами и субъектами. Ввиду поразительной откровенности и революционности рекомендуемых в 1920 г. средств мы приведем прогноз полностью. «Осуществление намеченного плана (его задачи приведены выше — Е. К.) возможно не путем отдельного, героического усилия передовых элементов рабочего класса, но путем упорного, систематического, планомерного труда, вовлекающего в свой круг все большие и большие массы трудящихся. Успешность такого рода расширяющейся мобилизации и трудового воспитания может быть обеспечена только при настойчивом разъяснении самым широким массам города и деревни внутреннего смысла хозяйственного плана, его внутренней последовательности, которая обеспечивает осязательные для всех плоды только по истечении длительного периода, требующего величайшего напряжения и жертв» (там же, с. 16—17).

Напряжение имело место, и жертвы были принесены. Каковы гарантии, что новые планы наращивания промышленного потенциала в 13-й и последующих пятилетках не будут иметь на новом витке развития такие же последствия, какие были у их генетического предка — плана 1920 г.? Ведь если такое произойдет (особенно в части методов), то, думается, речь уже будет идти не о величайших жертвах, а о самоуничтожении общности «советский народ».

Но оставим мрачные параллели и предположим, что в статье Н. Н. Селиверстовой нет стратегических просчетов, все верно и сомнения в необходимости дальнейшего индустриального роста отбрасываются. Действительно, опыт высокоразвитых стран убеждает, что интенсивное развитие всегда сопровождается высокой инвестиционной активностью. Возникает вопрос: где взять средства для крупномасштабного инвестирования? Здесь может быть несколько вариантов. Для их четкой классификации нужно назвать вещи своими именами.

Если согласиться, что наша экономика ныне является банкротом (а основания применить именно этот термин дают размеры дефицита государственного бюджета, внутреннего и внешнего долгов), то у банкротов во все времена и у всех народов «в норме» было четыре сценария поведения: 1) экспроприировать, 2) занять, 3) продать, 4) застрелиться.

Наиболее отработанным в годы нашей бурной истории был первый сценарий, менялись только объекты. Сначала это были буржуи, кулаки и вообще «мироеды», затем дело дошло до середняков и крестьян в целом, а теперь мы дошли буквально до каждого. Как говорится, ни одного отстающего рядом.

Ныне обобществление заработной платы трудящихся таково, что изымаются не только прибавочный, но и значительная часть необходимого продукта. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев получает 1200 руб. в месяц, против 2500 дол. у рабочего компании «Дженерал моторс» (Октябрь 12.89. С. 7). Не менее отработанный прием изъятия средств — конфискационные денежные реформы, а также займы у населения на фантастически продолжительные сроки под минимальный процент и без учета инфляции.

Другим «клиентом» для экспроприации, особенно в период застоя, стала природа. Изъятие невоспроизводимых ресурсов велось не только крупномасштабно, но и экологически особо опасными методами: открытая добыча, сплошная вырубка, массовые отстрелы, забои и т. д. и т. п. Конечно, и сейчас есть чего «изъять», особенно в Сибири. Однако предел уже виден, число зон экологического бедствия растет. Первый сценарий поведения деструктивен, ведет в исторический тупик, к социальной катастрофе. Его идейная основа — замкнутость и самодостаточность экономики — по определению разрушительна.

Второй и третий сценарий означают переход к рыночной, открытой, саморегулирующейся экономике, где продажа и взятие в долг — обычные хозяйственные акты. Что же продать? Ясно, что в первую очередь — «незавершенку». Продавать можно с аукциона, кооператорам, инофирмам, отечественным концернам за рубли, доллары, марки, тугрики и т. д. Даже если продать за половину остаточной сметной стоимости, то можно выручить 200 млрд руб. Понятно, что тот, кто покупает незавершенку, «покупает» будущее. Но коль мы хотим рыночной экономики, коли мы за многоукладность, то чего нам бояться, что могут купить «не те»?

Второй объект распродажи — имущество убыточных и бесперспективных предприятий. По очень осторожной оценке такого имущества наберется на 300 млрд руб. Продажа «неликвидов», излишних запасов и вообще брошенного имущества дает не меньше. Есть и еще что продать, но это на крайний случай, сначала нужно освободиться от того, чем мы не можем управлять и где никаких надежд на улучшение нет.

Что же касается займов, то занять можно у многих — и у своего населения, и за рубежом. Об этом много писалось и ясны

условия. Хотелось бы указать один необычный источник, который как-то ускользает от внимания власть предержащих. Можно было бы выпустить целевой заем для акул «теневой экономики». Под скромный процент и на длительный срок. Пусть дадут государству взаймы в трудное время. У всех есть дети и, если дать гарантии, что хотя бы детям вернут долг с процентами, то подпольные миллионеры дадут денег, у них их много, 100 млрд руб. единовременно — как минимум. Если при этом разъяснить, что иначе возьмем в долг у иностранцев, пустим в страну инофирмы и вас они задавят конкуренцией — дадут еще столько же. Таким образом, по-деловому теневая экономика будет легализована без всяких там экспроприаций, отловов, ОБХССов и прочей малоэффективной машинерии. Убежден, что доморощенный воротила, если апеллировать к его патриотизму и вообще говорить с ним «по-хорошему», своим всегда даст.

Понятно, что второй сценарий прямо нацелен на решительный переход к рыночному хозяйству и, следовательно, на радикальное изменение источников финансирования. Он не предполагает снижения или стабилизации уровня жизни народа. О четвертом сценарии не хочется думать, хотя в случае распадения Союза он вполне реален. Однако, если пытаться финансировать программу наращивания промышленного потенциала страны по первому сценарию, то его трансформация в четвертый по ходу пьесы весьма вероятна.

●

Так что же делать? Ответа-рецепта, на наш взгляд, нет. Концептуальный совет таков — решения следует принимать ситуативно, оценивая эффективность разных стратегий в наиболее вероятных ситуациях. Методологию принятия решений именно таким образом можно изучать «по Ленину». Выбор момента Октябрьского переворота, Брестский мир, введение нэпа — все это непревзойденные образцы точных ситуативных решений. Могут возразить, что ввиду ленинской гениальности этот путь неповторим. Все верно. Но широте взгляда, принципиально «неэкстраполяционному» мышлению, умению аргументированно противостоять мнению большинства и, наконец, профессионализму в оценках ситуаций, добытому годами изнурительной интеллектуальной работы, научиться не грех. К чему, кстати, Владимир Ильич всегда призывал.

Е. Б. КИБАЛОВ,
кандидат экономических наук,
Новосибирск

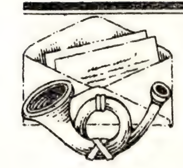
на статью К. Т. БАЙДАЛА «Блеск и нищета экспертизы» (ЭКО 10.89)

ОФИЦИАЛЬНОЕ МНЕНИЕ

Общественные организации института «Союзгипространом» заявляют, что «факты», изложенные автором в отношении бывшего сотрудника института т. А. В. Шатохина, не соответствуют действительности.

Никакой «невыносимой» обстановки вокруг т. Шатохина А. В. в институте не создавалось и взысканиями его не «засыпали». За его поведение при приемке Шедокского комбината взыскания вообще не налагались. Шатохин А. В. был освобожден от работы в связи с заболеванием и на основании заключения ВТЭК о его нетрудоспособности. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, его инвалидность наступила как следствие обострения хронического нарушения кровообращения сосудов головного мозга, а не каких-либо провоцирующих факторов. Изложенное подтверждено заключением прокуратуры Дзержинского района г. Москвы от 20 декабря 1988 г., которая следствием не установила «никаких доказательств преследования т. Шатохина А. В. за критику со стороны руководства института».

Директор института Е. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
секретарь партбюро В. Н. ШУЛЬЦ,
председатель профкома М. А. КУЧЕР,
председатель СТК И. Г. КРЕЙТЕЛЬ

Из писем в редакцию

Сколько стоит час технолога?

«Вспомогательные» подразделения на предприятиях промышленности надо непременно включать в цепочку хозрасчетных отношений. Это — отдел главного механика (с цехом), отдел главного энергетика (с цехом), отдел главного метролога, отдел главного технолога, отдел технической документации, отдел надежности и др. Предлагается нормативный принцип формирования фонда оплаты труда для этих подразделений. Необходимо на каждом предприятии (по отраслям) определить стоимость 1 часа работ, выполняемых этими подразделениями, для чего следует установить нормативы на отдельные виды работ.

Если все предприятия рассчитают стоимость работ по каждому вспомогательному подразделению, то можно определить их среднюю стоимость, которая затем будет предложена предприятиям определенной отрасли. В этом случае вспомогательные подразделения могут сопоставить свои материальные затраты, фонд зарплаты и другие

элементы стоимости работ и услуг с их средней или минимальной величиной, по отрасли.

Имея такие прейскуранты цен, можно строить свои хозяйственные отношения внутри предприятия, а также производить расчеты с другими предприятиями. Такой прейскурант даст возможность планировать работу вспомогательных подразделений в рублях и, в зависимости от объема выполненной работы, определить фонд оплаты труда. В принципе такая система позволит работать подразделениям предприятия при любой модели хозрасчета. Больше того, стоимость идентичных работ по отраслям позволит оптимизировать эти показатели, что исключит перекос в оплате труда за одну и ту же работу на различных предприятиях.

Предлагаемая система сразу высветит фактическое состояние дел во вспомогательных подразделениях, сама будет регулировать численность и контингент их работников.

Как она должна работать? Зная стоимость одного часа тех или иных работ, подразделение планирует свою работу в рублях, а затем за нее выставляет счет в виде чека, который должно «оплатить» (подписать) подразделение, которому были выполнены работы или оказаны услуги. В конце месяца составляется накопительная ведомость, в которой должны быть отражены все работы и сумма, заработанная подразделением за отчетный период. Из нее вычитаются материальные затраты и отчисления (в госбюджет, предприятию в ФЭС и др.), а оставшаяся часть будет составлять фонд оплаты труда подразделения.

Если работа подразделений носит сезонный или цикличный характер, администрация должна планировать их работу так, чтобы сохранить кадры специалистов: для оплаты можно предъявить не все чеки, а оставить некоторую сумму на следующие периоды, можно брать кредит у администрации предприятия под работы будущих периодов; можно выполнять работы на сторону по договорам и гарантийным письмам, при наличии трудовых ресурсов. Могут быть и другие варианты. Во всех случаях деньги, которые получат работники вспомогательных подразделений, будут заработанными.

Только при таком или подобном подходе хозрасчет предприятия будет истинным, будет поднят престиж рубля, заработанного работниками вспомогательных подразделений. Каждый будет знать, сколько он заработал за день, за час. Отношение к труду работников вспомогательных подразделений предприятий резко изменится, отпадет необходимость мелочной опеки.

М. С. ИВАНОВ,
Ленинград

От редакции. Подробные расчеты и дополнительную информацию можно получить по адресу: 195299 Ленинград, пр. Гражданский, 125-3-89 Иванов Михаил Степанович.

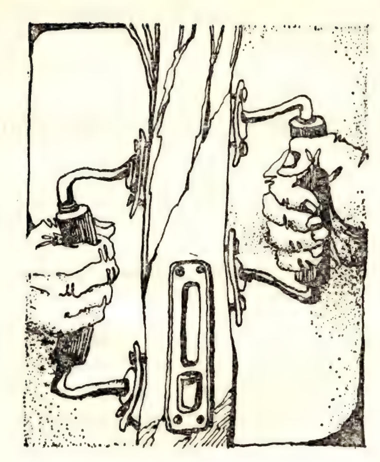
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ: ВЛАСТЬ ДЕЛА И ВЛАСТЬ... ЧЬЯ?

Пустив в обиход термин «демократизация управления производством», идеологи экономической перестройки уповали в основном на выборность руководителей и создание советов трудовых коллективов. Абсурдность выборности обсуждать не нужно. Она признана уже Н. И. Рыжковым. Предложивший ее М. С. Горбачев не высказывается по этому поводу. Но его молчание красноречиво. СТК, по сути дела, также не выполняют своих функций, да и непонятны эти функции. Кое-где администрация предприятий использует их для давления на вышестоящие организации, советские органы (это лучший вариант), но в основном они решают второстепенные вопросы.

Какие-то формы самоуправления и контроля за деятельностью руководства предприятий появились бы сами, если бы возникли народные акционерные предприятия. Но на нашей отравленной экономической почве не приживаются новые формы хозяйствования, несмотря на все усилия законодателей.

Организованная сверху демократизация не прижилась. Но через ее институты, особенно выборность, в сферу производственной жизни властями была «спущена» мощная волна народного недовольства — недовольства пустыми прилавками, пустыми обещаниями, подмоченными идеалами, всей нашей жизнью. Экономическая целесообразность, которая и раньше редко определяла выбор приоритетов на советском предприятии, вытесняется митинговым характером решения проблем. Положение усугубляется тем, что правящие органы страны не отказались от идей реформаторства, хотя реформы в рамках нашей хозяйственной системы, видимо, невозможны. Никогда, пожалуй, государственные предприятия, а следовательно, и экономика страны, не находились в таком критическом состоянии. На предприятиях не доверяют официозной демократизации. Все чаще мы слышим об инициативе снизу.

В качестве примера мы взяли ситуацию, сложившуюся в новосибирском объединении «Сибэлектротяжмаш», считая ее типичной. В следующем номере наш разговор будет продолжен.

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

М. ХЕНКИН,
многотиражная газета «Генератор»,
НПО «Сибэлектротяжмаш»,
Новосибирск

Нарисованный человек в рабочей блузе с засученными рукавами, уставившись вдаль радостным взглядом идиота, зовет аршинными буквами с багрового от натуги плаката: «Не ждать, а действовать — осуществлять революционное дело перестройки!» Мимо пробегают, увязая в снегу и подняв воротники, ненарисованные люди. Утром и вечером густым потоком они спешат к проходной и обратно. На плакаты стараются не смотреть, точно так же, как и на очередной долгострой, полузасыпанный снегом котлован для дома быта, на нелепое сооружение, похожее на птицу, с текстом колдоговора, к которому за всю историю существования так никто и не подошел, на новенькие «Тойоты» у заводоуправления и на многое другое. Ненарисованные люди растекаются по цеховым корпусам с ветхими прокопченными стенами, надевают грязную неудобную одежду и приступают к работе.

Они редко говорят о производственных успехах, чаще жалуются на холод, плохую вентиляцию, недоброкачественную столовскую еду. Закончив трудовой день, они расходятся по домам. «А как ты сегодня работал?» — строго вопрошает их нарисованный человек, многократно растиражированный и расклеенный по бытовкам. И тогда настоящий, из плоти и крови, в сердцах выводит на его девственно чистом бумажном лбу: «Не сыпь мне соль на рану!» Это — пассивная форма протеста, но наступает такой момент, когда протест становится активным, как раз в духе плакатных призывов.

14 февраля 1990 г. на заводе собралась конференция рабочих. У ее истоков стояли те, кто прочно связал свою судьбу с судьбой предприятия. Достаточно назвать бригадира токарей, члена парткома А. М. Воропаева. Три дня по два часа после смены он тратил на то, чтобы обойти предприятие. И по тому, как люди сразу же откликались на предложение собраться и обсудить свои дела, становилось понятным, что тревожные мысли беспокоили не только его одного.

А вот беспокоили ли они администрацию, партком и профком? Наверное, да, однако никаких конкретных шагов по предотвращению конфликта они не сделали. В результате на своей первой конференции рабочие вежливо, но настойчиво попросили покинуть помещение заместителя генерального директора по кадрам, заместителя секретаря парткома и председателя профсоюзного комитета. За это решение проголосовали почти все делегаты.

...Давно уже зал на третьем этаже заводоуправления, где проходят все заводские мероприятия, не видел столько народа. Люди заполнили проходы, подоконники, каждую клеточку свободного пространства, включая «предбанник», и при этом не шептались, не зевали, не лузгали семечек, а как бы заново переживали все сказанное очередным рабочим-делегатом.

В. А. ИСАКОВ: — Посмотрите, сколько у нас защитников: завком, СТК за нас борется, администрацию тоже сами выбрали. А на деле что? Завком занят дележкой сапог, в столовой цены, как в ресторане, компот — как гранатовый сок. И много таких болячек. А оплата? Почему ее нужно загонять в какие-то рамки? ИТР себе, конечно, подправили заработок. А почему мне, Исакову, с этими вот руками, из-за этой бестолковщины нужно платить столько-то, а не все сполна, что заработаю? И в то же время отчисляют, как с кооператоров — по 70 %. Предлагаю: раз профком и СТК не действовали, выбрать рабочий комитет. Поручить комитету разобраться с кооперативами на заводе и наказать виновных.

Г. Ф. ВАЛИУЛЛИН: — Все ждут, что выйдет в один какой-нибудь день самый главный, самый правильный указ, и все сразу наладится. Не выйдет такого указа. Наше тяжелое положение от равнодушия и к себе, и к руководству. Авторитетом руководство не пользуется. Я боролся один в цехе, когда шли выборы в нынешний СТК. Как выбирать: по способностям или по должностям? Мне доказывают — по должностям. Там сидят умные люди, они разработают настоящую стратегию. Где ваша стратегия, товарищи руководители? По понедельникам главный технолог, начальник ОТиЗа вместе с начальником цеха ходят по цеху. Что — технология улучшается от этих хождений или растет зарплата?

Н. В. АКСЮТИН: — Рабочие не верят администрации, дисциплина в цехе падает. Предлагаю «белый дом» не просто сократить, сделать их рабочими. Основные рабочие не хотят в одиночку махать кувалдой. К весне тех управленцев, кто собирается драпать, непременно загнать в цехи.

В. Г. ШАТАЛИН: — С сокращением согласен, но всех разогнать нельзя. Нужно так сократить, чтобы была отдача. К сокращению необходимо подойти творчески, например, провести фотографию рабочего дня ИТР и служащих. На работу всем предлагаю ездить на городском пассажирском транспорте. Служебные автобусы пусть стоят в гараже.

В. Г. КОБЕЦ: — Директор свою программу не выполнил. Он только учится, ездит в командировки, а завод в «промоте». Руководители лелеют кооперативы, а кооператоры растаскивают завод. Трансформаторная медь — в кооператив. Кто ее туда выписывает, ведь она же безотходная? Воруют все: электроды, маски, во вторую смену подметают все подчистую. Кроме рабочего, ответственности за брак никто не несет. Если рабочий допустил брак, то с него высчитывают, но не высчитывают с технологов, конструкторов, диспетчеров. Товарищи рабочие! Те, кто дал согласие войти в комитет, проникнитесь ответственностью. Вы идете на серьезное дело. Предлагаю выразить недоверие директору и начальнику производства с соответствующими формулировками, чтобы они еще где-нибудь что-нибудь не развалили. Предлагаю также выразить недоверие заместителю директора по быту...

Нет смысла приводить все выступления. Во многом они повторялись примерно с теми же эмоциональными перехлестами. Секретарь парткома, отметив плохую работу СТК и администрации, предложил переизбрать СТК и ввести в него вновь избранный рабочий комитет. Отвечая на вопрос, как партийная организация допустила такую работу на заводе, он пообещал в марте подать в отставку. Главный инженер не нашел положение дел на заводе критическим. Прибыль с 1976 по 1988 гг. возросла, по его словам, чуть ли не в четыре раза (только где она, эта прибыль?). Всему виной, по мнению руководителя, усиление конфронтации между инженерами и рабочими, мастерами и рабочими, заводом и НИИ. Выход из сложившейся ситуации он видит в переходе на арендный подряд, использовании простаивающего оборудования и доведении заработной платы до ее среднего уровня. На вопрос, почему на заводе растет конфронтация, ответил, что виновато руководство страны. Председатель профкома призвал не утверждать статус рабочего комитета, так как он не соответствует закону. Единственным, кому не дали выступить, оказался заместитель директора по кадрам: его сразу «захлопали».

Рабочий комитет выбрали открытым голосованием. Кандидаты вставали и торжественно, на виду у зала, давали свое согласие. Некоторым аплодировали. Все это выглядело немножко театрально, походило на какую-то старинную церемонию. Ну, что ж, провозгласить себя властью оказалось легко, но вот дальше...

«Не ждать, а действовать»,— призывают плакаты. Но как?

ДУМАЙТЕ, ЛЮДИ, ДУМАЙТЕ...

Л. ЩЕРБАКОВА, кор. ЭКО

Я приехала в объединение в знаменательный день: в цех к станку одного из рабочих прибыл первый секретарь райкома партии. Предшествовала этому длительная история. Кандидатура секретаря коллективом НПО была выдвинута в народные депутаты РСФСР. Рабочий возмутился, поскольку о выдвижении ничего не знал, и написал об этом в заводскую многотиражку. На публикацию ответил заведующий идеологическим отделом райкома КПСС. Ответ лишь подлил масла в огонь. Рабочий снова опубликовал в многотиражке письмо, теперь уже с острой критикой в адрес секретаря. В письме он выразил недовольство тем фактом, что ни разу не видел секретаря у себя в цехе. После третьего письма секретарь не выдержал: знаменательная встреча у станка состоялась.

...Вникая в суть событий на «Сибэлектротяжмаше», я все больше убеждалась в том, что они — точная копия происходящих в стране. Небольшая модель нашего об-

щества со всеми его язвами, столкновениями, борьбой за власть. О некоторых наиболее характерных и тревожащих тенденциях нашей демократизации — эти заметки.

СИНИЕ БЛУЗЫ БЕЗ СИНИХ ВОРОТНИЧКОВ

Когда мы будем иметь такой решительный и бескомпромиссный фактор, как рабочее движение, тогда перестройка будет обеспечена бесповоротно. Свои беды мы знаем лучше других, свои достоинства тоже. От помощи и совета отказываться грех, но решающее слово должно быть за нами.

(МАНУЙЛОВ,
токарь Московского
абразивного завода. Родина 11.89)

— В 60-е годы,— рассказывал мне **Олег Михайлович Верхозин** — мы выпускали ежегодно 32 турбогенератора. А в последнее время — всего 15, почти равных им по трудоемкости. В январе 1990 г. изготовлены 23 крупные электрические машины. Раньше делали по 40, даже больше. Что тридцать лет назад, что сейчас — в цехе четыре токаря, обрабатывающих валы, роторы. В то время они зарабатывали до 600 руб.— теперь сборщики получают до тысячи.

Олег Михайлович знает и помнит многое: на заводе он работает 38 лет, был токарем, мастером, теперь секретарь партийной организации цеха. Продукцию, завод, коллектив знает досконально. Обмануть его невозможно, как, впрочем, и тысячу других работников основных цехов завода. Все на глазах, все на виду. И то, что бригада сборщиков полгода мается без работы, а свои 500—600 руб. в месяц люди имеют. И то, что рядом, в соседнем цехе, передовая женская бригада тоже получает не меньше, но за десятичасовой рабочий день. И то, что проработавший семь лет станок с ЧПУ ценой 75 тыс. демонтировали и сдали в металлолом, а токарь-станочник Виктор Александрович Аксенов на своем двадцать четыре года отработал (пять капитальных ремонтов). Стоил же его станочек всего 2378 руб. И то, как ценную нихромовую проволоку приказывают порубить на куски, чтобы освободить понадобившуюся катушку. Нарубили на 26 тысяч... А кто приказал? Администрация. «Разве ей можно доверять судьбу завода? — скорее утверждает, чем спрашивает Виктор Александрович.— Поэтому и никакие новые формы орга-

низации труда не распространяются, несмотря на всю агитацию. Я, например, не вложу свои сбережения в акционерное общество, которое организуется у нас на заводе, пока кругом такая бесхозяйственность. Ну, собрали у нас 62 тысячи со всего коллектива на акции. Да на них не всякий станок сегодня купишь! Настолько много накопилось на душе, что возник вопрос: а как жить дальше?»

Того же мнения ИТР **О. М. Верхозин:** «Начальник первого цеха получил от одного из пятнадцати кооперативов, организованных при заводе для выпуска товаров народного потребления, полторы тысячи рублей. Эти данные были приведены на конференции трудового коллектива — и никто их до сих пор не опроверг. По сути дела это плата за то, что он развалил цех, так прямо надо и сказать людям. Почему я считаю, что развалил? Цех с удовольствием работает на кооперативы, а не на завод. Сорок сварщиков ушло оттуда в кооператив, поэтому другие цехи посылают людей на помощь. Один из заместителей главного инженера получил от кооперативов 2700 руб. за строительство эстакады в нерабочее время. Откуда оно у него, если его рабочий день не нормирован?! Парторг тоже погряз в кооперации. Все дела передал заместителю, самого на заводе не видно. Надоело все это людям». **В. А. Аксенов:** «Возмущает все это до глубины души. Что же творится вокруг?! Надо менять жизнь, дальше так нельзя...»

Так много говорится о кооперативах не случайно. На многих промышленных предприятиях сценарий возникновения конфликтных ситуаций таков. Стремясь выиграть в чем-то (например, выполнить с помощью кооперативов, имеющих право устанавливать свободные цены, планы по выпуску товаров народного потребления или оживить работу снабженческих отделов), руководство предприятий идет на создание кооперативов. Но таким образом кооперативы включаются в конкуренцию за материальные ресурсы, поступающие на предприятия. Имея возможности (финансовые), они добиваются того, что ресурсы из основного производства постепенно перетекают к ним. Туда же уходят лучшие квалифицированные рабочие. На заводе ничего не утаишь. И как только рабочие понимают: простои возникают из-за того, что ресурсы, в том числе фондированные, убегают в кооперативы, и по этой же причине они меньше зарабатывают — возникает возмущение.

Одинаково истощается терпение у людей из разных социальных групп. Поэтому трудящиеся завода поддерживают протокол рабочей конференции (хотя осознают нереальность некоторых требований сегодня), где говорится:

● Отмечена кабальная зависимость завода от министерства, которая не дает самостоятельно распоряжаться заработанными средствами. Большие отчисления в областные, министерские и союзные фонды (всего 70 %) делают коллектив предприятия нищим. Завод не имеет средств на социальное развитие. Подано предложение сократить отчисления в вышеперечисленные бюджеты до 40—50 %, 25—30 %.

● Поставлен вопрос о постепенном выходе из подчинения министерству (с 1991 г.) и установлении отношений с партнерами на хозрасчетной основе.

● Отмечена очень плохая работа администрации, парткома, профсоюзного комитета завода по выполнению госплана, а также планов экономического и социального развития завода.

● Решено убрать кооперативы с территории предприятия, поскольку они ведут к разбазариванию материальных ресурсов и моральному разложению коллектива.

● Не разрешать администрации, финансовым службам, бухгалтерии работать в кооперативах.

● Вывести газету «Генератор» из-под контроля администрации, партийного комитета, профкома. Финансирование проводить целевым назначением. Сотрудники редакции отчитываются только перед конференцией рабочих. Опубликовать в газете материалы конференции.

● Распределение дефицитных товаров, продуктов, машин и т. п. проводить только после утверждения рабочей конференцией.

● Определить дату и порядок перевыборов СТК.

● Всем председателям кооперативов, действующих на заводе, представить в рабочий комитет финансовый отчет: 1) сколько денег на счету; 2) за что, сколько и когда перечислил завод; 3) что сделал кооператив в 1989 г.; 4) кто и сколько получил денег.

Профкому предоставить в комитет следующие сведения: 1) кто получил автомобили в 1989 г.; 2) какие дефицитные вещи и кому распределялись.

● Начальнику транспортного цеха доложить, сколько стоит содержание всех легковых машин и микроавтобусов; как исполнена смета за 1989 г.

● Начальнику ПЭО предоставить экономическое обоснование выхода завода из министерства.

Но в том же протоколе есть положение: «Сократить аппарат администрации и ИТР(!) на 50 %». Такое отношение рабочего класса к технической интеллигенции не вызывает удивления. Сказываются низкие цена и престиж инженерного труда в государстве. Если рабочий (как и человек) звучит у нас гордо и в песнях, и в стихах, то инженер давно стал героем анекдотов.

«А кто нас не игнорирует?»

Е. Е. ТРИФОНОВ — ведущий инженер-конструктор отдела главного технолога. Его, единственного из ИТР, пригласили на рабочую конференцию. На заводе работает 40 лет. Десять лет — у станка.

— Евгений Егорович, как получилось, что конференция вполне осознанно, даже демонстративно, проигнорировала инженерный корпус? Современное промышленное предприятие представляет собой симбиоз экономической и инженерной мысли и рабочего умения. Только так можно добиться успеха...

— А кто нас не игнорирует? Мне 55 лет, до пенсии уже совсем немного осталось, и от завода никаких благ уже не надо. Но меня волнует будущее детей. У старшего все в порядке, закончил инженерный институт. А вот младший... Спрашиваю: кем ты хочешь быть? Отвечает: кооператором. Настаиваю: а чем ты хочешь заниматься? Что хочешь делать? — Деньги. У молодежи нет стимула становиться инженерами. Что за инженеры приходят к нам на завод? В основном это женщины. Ну какие из них специалисты? Возиться с железками с удовольствием может одна из тысячи. Мужчины-инженеры в основном пожилые, мы дорабатываем до пенсии. Умные, талантливые молодые ребята сюда не идут. Они делают деньги. К специалистам отношение и сверху, и снизу одинаковое. Все меры по поднятию нам заработной платы оказались липой. Но шуму было много, поэтому рабочие говорят, что эти тунеядцы ни за что подняли себе зарплату. Между тем у нас в ОГТ она упала, у меня, например, до 230 руб. И нельзя получить больше, даже выкладываясь. Была бы для инженера вилка от 100 руб. до 1000, например. Тогда пошли бы на завод умные, талантливые ребята. И западногерманский «Ватан» не отличался бы от громадин-станков, выпускаемых соседним заводом, которые сейчас конструируют девочки и старички-мальчики.

А с рабочими и администрация, и власть заигрывают, дают им неплохо заработать (до 800 руб. доходит). Конечно, они плюют на ИТР. Так почему я, инженер, оказался человеком третьего сорта? Отсюда и требование на 50 % сократить инженерно-технических работников, и то, что инженеров не допустили на первую конференцию.

— Но почему тогда вы поддержали рабочее движение?

— Все, что делается правительством,— делается необдуманно, выхватываются какие-то отдельные моменты. Кавардак в экономике усиливается двоевластием (реальной партийной властью и липовой со-

ветской). Пока народ не заберет у партии власть, не осудит ее за все, что произошло, в том числе в экономике, и не освободит экономику от идеологических пут, толку не будет. Я довольно много ездил и по стране, и по Восточной Европе. Видел, как живут, например, в ГДР. Говорю с ними, а они: у нас уровень жизни невысок, вот в ФРГ... А как мы живем? Горько, что многих такая жизнь устраивает, нет желания что-то требовать, менять. Парторг нашего отдела, например, уверяет меня, что партия привела нас к хорошей жизни (почитай, говорит, Толстого и Достоевского о том, как плохо люди жили). Ему уже за пятьдесят, носит, сколько его помню, дешевый серенький пиджак, имеет дачу на грязной речке, ездит на горбатом «Запорожце» и даже мысли не допускает, что может быть иначе. И это предел мечтаний уважающего себя человека?! Стыдно...

И на заводе нет порядка. Но здесь мы можем сами кое-что сделать. Именно поэтому я поддержал создание рабочего комитета. На первой рабочей конференции обрадовало то, что были поставлены конкретные задачи. Раньше на собраниях бывало так: выступает рабочий, возмущается плохими бытовками, холодом в цехах, бесхозяйственностью. А потом собрание принимает решение: ...повысить производительность труда к годовщине Октябрьской революции... Настолько мы убогие душой, нищие, несчастные, что не знаем, что спросить, чего требовать. А здесь, на рабочей конференции, все было конкретно.

— Конкретно-то конкретно. Но разве все требования обоснованы?

— Нет, не все, конечно. Пока беда в том, что все они «свалены в кучу». Рабочий комитет выдвигает три группы требований: к правительству; областным и городским властям; администрации НПО. Вот и надо их разделить по адресам. Наши соседи так и делают.

Сейчас все требования предъявляются директору. Ему рабочая конференция выразила недоверие. Но отвечать за все и вся он не может... Заводу, например, доведен невыполнимый темп роста товаров народного потребления. Неужели Н. И. Рыжкову, бывшему директору завода, неясно, что невозможно поднять выпуск ТНП в 1,5—2 раза за год? Пришлось директору создавать кооперативы, чтобы выйти из положения. А где товары? Их как не было, так и нет. Кого мы дурим? Но не обвинять же директора в том, что он пошел на создание кооперативов?!

«С нами считаться обязаны...»

В. В. ИНШАКОВ — бригадир обрубщиков, член парткома и обкома КПСС, в объединении 20 лет. Один из инициаторов созыва рабочей конференции и создания рабочего комитета.

— Виктор Владимирович, почему возникла идея организовать рабочий комитет как орган рабочего самоуправления?

— У нас во время революции были хорошие лозунги: земля — крестьянам, фабрики — рабочим. Прошло время, и оказалось, что земля не у крестьян, а власть не у Советов, рабочие отлучены от средств производства, от управления ими. Поэтому мы решили взять власть на заводе в свои руки и подумать, что делать дальше. Положение на заводе сложное. Администрация предпринимает что-то, но до рабочего места эти импульсы не доходят, гаснут на среднем уровне. Совет трудового коллектива свои функции не выполняет. Среди избранных туда рабочих мало инициативных людей. Работники управленческого аппарата со всем, что им там говорят, соглашаются. На СТК обсуждается распределение машин, квартир, обеспечение спецодеждой. Это нас не устраивает.

На одной из конференций трудового коллектива нам сказали, что 70 % прибыли отчисляется в госбюджет и в фонд вышестоящей организации. А с чем мы-то остаемся при нашем большом жилом фонде, поликлинике, детских садах, лагерях... Рабочий коллектив забурлил. Тем более нам известно, что в Москве отчисляется в среднем 40 %, в Ленинграде — 50. Возникли и другие вопросы: как работают администрация, СТК, партком, профком? Собрались представители цехов и решили создать рабочий комитет, который заменил бы неработоспособный СТК. Первой акцией рабочкома стало запрещение кооперативам вывозить за ворота завода свою продукцию. Руководство не пошло на конфронтацию с рабочим классом и выполнило это решение. Думаем вообще разобраться с положением в кооперативах. Представители администрации утверждают, что кооперативы помогают нам выполнять план по выпуску товаров народного потребления, что они уже производят их на 7 млн руб. Возможно. Но руководители завода, начиная с заместителей генерального директора, получают от кооператоров деньги. За что? Мы не против кооперации, но пусть там работают наши люди, используя излишки материалов, привозной материал. Квалифицированные рабочие побежали туда. В 1989 г. из нашего цеха ушло 40 человек, из них 12 квалифицированных сварщиков. Из-за цеха стоит завод. На любом собрании, кон-

ференции обязательно поднимается вопрос: почему тот или иной руководитель получает деньги в кооперативе?

На заводе катастрофически падает дисциплина, и производственная, и исполнительская, и технологическая не только среди ИТР, которые два года работают на голых окладах (мастер получает 170 руб.), но и среди рабочих. Какие найти рычаги, кроме слов, обращений? Ребята из рабочкома думают над этим, но пока не могут найти выход. Конечно, за все сразу хвататься нельзя, может ничего не получиться. А если не получится сейчас, то людей вообще ни на что больше поднять нельзя будет. Все разуверятся в возможности перемен.

— А почему вы настроены против участия ИТР в вашем движении?

— Действительно, на первую рабочую конференцию ИТР не приглашали, кроме Е. Е. Трифонова и бывшего заместителя директора по коммерческой работе (для консультаций по отдельным вопросам). На заседания рабочкома приглашались все желающие. Приходили рабочие, администрация, парторг. Цеховых инженеров не было. А ведь они — наш брат, в этой же грязи работают, с этими же трудностями сталкиваются. Мы их ждали, но не дождались.

— Может быть, это определяется их более зависимым положением?

— Вероятно. Существуют пресловутые первый и второй списки, которые предусматривают драконовские меры, ограничивающие свободу их действий.

— Я не говорю о заводоуправлении. Но конфронтация с инженерно-техническими работниками вряд ли приведет к чему-то хорошему. Видимо, надо искать сближающее, общее.

— Конечно. На рабочей конференции это прозвучало. Мы не против них. Но и они должны быть с нами. Уровень знаний не дает нам возможности размахнуться, особенно с экономической стороной дела. Но пока мы приняли решение создать рабочий комитет только из представителей рабочего класса. А вот в СТК включим и ИТР.

Конечно, на заводе с нами считаются, поскольку у нас есть хороший рычаг. Но мы и так сидим в яме, а если забастуем, то вообще из нее не выберемся. Администрация должна учитывать саму эту возможность и считаться с пролетариатом. Пока считается...

— Не кажется ли вам, что, разобравшись в реальном положении дел, вы поймете, что причины многих ваших бед — не только на уровне дирекции, но и на более высоком уровне? И окажетесь бессильными при попытке разрешить свои проблемы.

— Конечно, не все зависит от администрации. Поэтому один из пунктов нашей программы — подготовка расчетов для выхода из министерства. Сейчас мы отчисляем министерству более 10 % прибыли.

— Часть этих денег идет на содержание аппарата...

— Естественно!

— Но большая часть — на поддержание убыточных и отстающих предприятий, на финансирование каких-то отраслевых программ. Кстати, и ваше предприятие получает такие дотации.

— Надо посмотреть все цифры, привлечь экономистов. Мы понимаем, что после выхода из состава министерства может быть хуже.

— Полтора года назад коллектив, по сути дела, заставил уйти на пенсию старого директора. Прошли демократичные выборы, нареканий ни у кого не было на этот счет. А теперь и новый оказался плохим.

— Второй кандидат явно проигрывал. Поэтому как демократичны были выборы, судить трудно.

— Насколько я знаю, других желающих выставить свою кандидатуру, кроме этих двух, просто не было. И коллектив дружно поддержал кандидатуру нового директора. Может быть, за полтора года он просто не успел чего-то существенного добиться?

— Я считаю, что директор свою программу не выполнил. Он говорит, что его начинания увязли в административной прослойке. Но он был всего в двух или трех цехах, чтобы встретиться и поговорить с людьми. Да, он прошел все ступеньки — от токаря шестого разряда до первого руководителя. Но работать с простыми людьми не научился. Советуется только с заместителями, начальниками цехов, отделов. А они почти все сменились в последние два-три года. Им самим надо учиться. Сейчас старый механизм взаимоотношений, хозяйствования рушится, а нового нет. Мы в растерянности, может быть, директор и цеховая администрация тоже. Надо работать сообща, а коллективной работы нет. Не выполняется программа обновления. Мы мало видим директора на заводе. Народ бурлит, готовится конференция, а он уезжает в Москву на отраслевой совет директоров. «Круизы» эти его не украшают. Сумеет он доказать свою необходимость — хорошо, нет — будем искать другого. Все это накапливалось, и в феврале 1990 г. выплеснулось, может, излишне эмоционально.

— Виктор Владимирович, вам не кажется, что в СССР постоянно разыгрывается пролетарская карта? Руководство партии постоянно обращается к этому козырю в трудные для себя моменты. Получается: святые сверху, святые снизу, а все, кто, как вы говорите, посередине, виноваты во всех грехах. Это чревато осложнениями...

— Разобщать общество не надо. Я считаю, что совещание с представителями рабочего класса в ЦК КПСС — вообще безобразие. Кто выбрал этих представителей? С кем там беседовал Михаил Сергеевич? Я тоже рабочий и член областного комитета КПСС, но никого не выдвигал на эту встречу. Зачем играть на имени рабочего?

Принижение роли инженера — традиционно в нашей стране диктатуры пролетариата. Его пагубное воздействие испытывает на себе и зарождающаяся внутрипроизводственная демократия. «Мы не быдло»,— в запальчивости сказал на конференции трудового коллектива «Сибэлектротяжмаша» кто-то из рабочих. «А инженеры — быдло?» — донеслось в ответ из зала. Как же все это грубо и глупо... Чего вам делить, оболваненные, одураченные сограждане, не умеющие вести себя достойно?! Или послушание — или бунт. И как мгновенное озарение — слова одного из рабочих: мы тут сражаемся, спорим, а может, кто-то нас просто использует в своих целях...

ПОЙМАТЬ РЫБКУ ВО ВЗБАЛАМУЧЕННОЙ ВОДИЧКЕ

Поручите мне контроль кооперативов! Я это дело знаю... Я же говорю: поручите мне...

Из разговора бывшего заместителя
генерального директора НПО
с председателем рабочего комитета

«Полтора года назад мы выбрали молодого директора, молодых парторга, председателя профсоюзного комитета. Надеялись, что возьмемся за дела все вместе и положение на заводе начнет потихоньку выправляться. А получилось как у Крылова в басне: лебедь, рак да щука. Директор ведет свою линию, его не поддерживают парторг и председатель профсоюзного комитета...» Эти слова Е. Е. Трифонова снова и снова приходят на память. Пресловутый треугольник на производстве. Как показывает жизнь, не стянутый жесткими административно-командными обручами, он может дестабилизировать обстановку на предприятии. Особенно, если у каждой вершины треугольника — свои, далеко идущие планы.

— Почему рабочие не пришли к вам, Виктор Николаевич?

Этот вопрос я задала председателю профкома В. Н. Медведеву.

— Они считают, что профком бездействует и не защищает интересы рабочих. Это не совсем справедливо. Да, мы не можем сейчас сделать многого. В цехах холодно, в столовой нет горячей воды. Но и администрация обвиняет

нас в том, что мы только требуем от нее чего-то, а помочь не можем...

— Не получится ли с профсоюзами то же, что в Польше?

— Вряд ли. Пусть даже изменится состав нашего профкома, но от профсоюза рабочие не уйдут.

— Но вот теперь народ чуть ли не бунтует из-за того, что в столовой не моют вилки и ложки. Взять в руки их невозможно, такие они сальные. Почему их-то нельзя помыть?

— У нас есть заместитель директора по социальным вопросам и заместитель главного инженера по подготовке производства. Сантехники, подчиняющиеся ему, довели горячую воду до оборудования, а дальше, говорят, не их дело. Теперь должен подключить своих людей заместитель по социальным вопросам. Но два заместителя не могут согласовать свои действия. И мы ничего сделать не можем. Я-то вообще считаю, что профсоюз должен уйти из производства и заниматься лишь охраной труда и оздоровлением трудящихся. Оплата больничных листов должна вестись через Госстрах. Сейчас профсоюз нужен человеку для того, чтобы получить путевку и оплатить больничный. А если это заберут, придется, вполне возможно, доказывать свою необходимость.

Видимо, добиться чистых ложек в рабочей столовой действительно непосильная задача для «ожиревших» советских профсоюзов (с В. Н. Медведевым в этом смысле все в порядке — он строен, молод, энергичен). Поэтому они не прочь отказаться от обременяющих их существование направлений работы, вообще не иметь никаких обязанностей.

...Юрий Владимирович Гусев, секретарь парткома НПО, с которым мы долго не могли договориться о встрече, зашел на заседание рабочкома. Тут-то мы и встретились. По дороге в кабинет он рассказывал мне о том, что он против демократизации на производстве в нашем, советском,

ее понимании. Что каждый должен заниматься своим делом. Что он в свое время руководил цехом, который систематически не выполнял план, «создал теорию выхода из прорыва», рассчитанную на семь месяцев. Цех стал работать лучше. Но последователь ее, к сожалению, не развил. «Мне достаточно 15—20 минут, чтобы наладить контакт, а он работает иначе». Юрий Владимирович рассказал о своей идее — создать новую систему управления объединением, разбив его на самостоятельные предприятия. Особенно интересным, на его взгляд, было бы создание завода бытовой техники, занимающегося выпуском пресловутых ТНП на правах кооператива. Как я поняла, он не прочь был бы возглавить этот завод. Но идея не встретила поддержки у директора... «Поскольку я идеолог этого дела, я разработал комплекс мероприятий по созданию завода, привлек группу людей. Против нас в объединении развернулась кампания. Предложили поработать на арендном подряде. Моя идеология рухнула. Я пришел к выводу, что с моей должностью нельзя руководить производством». Вот так прозрение... Я представила себе завод, руководство которым осуществляется двумя соперничающими инстанциями... Становилось ясно, почему завод буквально наводнен слухами. Говорят, что в заводоуправлении организовано не то восемь, не то девять новых отделов, штаты раздуваются (спрашиваю, приняли ли новых работников, но собеседник не в курсе, ссылается на партком). Очень не нравится в коллективе и то, что их парторг возглавляет районную ассоциацию кооперативов. «Главный идеолог помогает грабить завод...» Что какие-то силы подыскивают нового директора... Что парторг пытается пристроиться к рабочему комитету, а сам метит в директора... Они, эти слухи, также влияют на настроение рабочего комитета.

«Я думаю,— говорил Гусев,— что парткомов на предприятиях не будет». «А чем вы занимаетесь сейчас?»— спросила я. «Моя главная задача как секретаря парткома — добиться от директора плана комплексного развития объединения. Второе — демократизация управления. Третье — плюрализм мнений. По этой программе я действовал». «А почему рабочие не пришли к вам со своими бедами»,— задала я свой «острый» вопрос. Гусев вскинул на меня карие «кашпировские» глаза и выдал «установку».

— Я же вам говорю, что по сути являюсь инициатором создания рабочего комитета. Я его идеолог. Я же не сижу

на месте, хожу по цехам. Мне жалуются то на одно, то на другое. Я им и говорю: мужики, что же вы жалуетесь, в ваших руках большой козырь...

После довольно длительной паузы я выдавила, наконец:

— Таким образом, вы добиваетесь своих целей через рабочий комитет? Ведь одно из основных требований рабочкома — противодействие директору. А почему нельзя было прямо это сделать, не скрываясь за рабочие спины?

— Потому что партия лишилась в последнее время авторитета! Я создал программу, рассказал о ней члену парткома Иншакову. Он поднял рабочих...

Больше с Юрием Владимировичем я говорить не могла. Но, каюсь, на следующий же день нашла В. В. Иншакова, спросила, какое отношение к созданию рабочкома имел парторг. Никакого,— ответил Виктор Владимирович.

После этого разговора еще больше утверждаешься в мысли: партийные организации следует убрать с производства. Пусть наши заводы, фабрики станут «беспартийными», пусть на производстве будет один бог для всех — хорошая работа и прибыль.

Спустя месяц после этого разговора Ю. В. Гусев стал-таки директором вновь организованного завода по производству ТНП. А настроение в коллективе хорошо выразил бригадир слесарей Б. А. Батуев: «Рассуждая здраво, нужно приветствовать решение рабочкома дать «добро» на дальнейшую работу генеральному директору, за полугодие он обязательно отчитается. Однако в душе остается какой-то осадок. Отчего это? Может быть, от мысли, что рабочком не выполнил в полной мере решения рабочей конференции и рабочие могут выразить ему недоверие, отозвав членов рабочкома из СТК? Или от того, что рабочком наделал немало ошибок, оказался малокомпетентным и малоинформированным, работал на эмоциях больше, чем на здравом смысле? Да, многие вопросы тревожат душу. Но как бы нас ни оценивали, надо признать: импульс администрации, всем общественным организациям завода дан хороший.

Члены рабочкома начали понимать: замена одного дидектора на другого в данный момент может не принести быстрого успеха, которого все ждут. Вопрос о выходе завода из предкризисного состояния более сложен, чем представлялось».

•

Я была на нескольких заседаниях рабочкома, всматривалась в лица его членов, которым очень хочется изменить к лучшему положение на своем заводе. Вероятно, принимая в сумятице наших буден то или иное решение, им нужно оглянуться и подумать, не подталкивают ли их чьи-то амбиции, не пьянит ли воздух свободы? Думайте, люди, думайте...

НА ПОТУСТОРОННЕЙ ТРАЕКТОРИИ

Беседа с Героем Социалистического Труда
А. Н. ШКУЛОВЫМ

Александр Николаевич Шкулов до недавнего времени был генеральным директором известного в стране бердского (Новосибирская обл.) объединения «Вега». Под его руководством объединение достигло значительных успехов. Сейчас он персональный пенсионер.

— Александр Николаевич, что, на Ваш взгляд, мог бы означать лозунг «фабрики — рабочим»? Ну, «земля — крестьянам», «мир — народам»— это еще хоть как-то понятно. Но не утопично ли требование отдать фабрики рабочим? И как такой лозунг претворить в действительность?

— Оговорюсь сразу. Я противник командно-административного стиля управления. В любом случае сухая команда не дает нужного эффекта, этот стиль, если можно так выразиться, не очень уважителен, он исключает человека из процесса выработки решения. Полагаю, мы многого бы достигли, если бы сумели привлечь к управлению фабриками и заводами широкие массы трудящихся. К сожалению, у нас на большинстве предприятий произошло резкое разделение: это — руководство, а это — рабочий класс. Там, где такому разделению воспрепятствовали, были довольно удачные эксперименты в области управления предприятием. Но таких экспериментов можно вспомнить немного.

— Почему же они не «пошли»?

— Сама система не позволила достичь в этом направлении больших успехов. Экономические результаты обезличивались, почти все забирали министерства, а уже потом распределяли из «общего котла».

Поэтому многое зависело от личности директора, его умения построить отношения с вышестоящим руководством. Сумеет он «вырвать» у министерства кусок побольше — предприятие живет хорошо, не сумеет — все лапу сосут.

Были на заводах люди, которые и в то время фанатически работали, сам процесс творчества был им важен. В основном это инженеры и конструкторы. Но если завод добивался хороших показателей, они получали свои 30 % премии, как и другие,— не более. У нас талант от серости, умный от дурака отличается на пять рублей. Так было так есть. Я недавно присутствовал на ученом совете академического института, где полчаса солидная компания во главе с академиком обсуждала, можно ли добавить пять рублей научному сотруднику.

— Есть мнение, его придерживаются некоторые западные ученые, что система сама по себе не делает человека плохим или хорошим, она только помогает ему быть таковым...

— Я думаю, что это убеждение возникло на довольно «бедном» опыте. Сразу видно, что его автор с некоторыми системами просто не знаком. Делает, да еще как. Впрочем, положение редко бывает столь безнадежным, и почти всегда что-то можно предпринять, чтобы его улучшить.

— Ясно, что ситуация в хозяйственной жизни была ненормальной и надо было менять ее. Могли ли Вы как руководитель поступать в соответствии со своими убеждениями!

— По крайней мере, у себя в министерстве мы пытались это делать.

— В Минрадиопроме!

— Сначала в Минрадиопроме, потом в Минпромсвязи, потом снова в Минрадиопроме. Как я уже говорил, немало людей отождествляют себя с предприятием, живут его интересами. Я всегда опирался на таких энтузиастов. Да и другие загораются, когда есть настоящее дело. Ведь сколько проблем возникает просто от безделья, от неосмысленности, порой ненужности выполняемой работы. А коллектив, который болел за свое дело, нам удалось создать на заводе уже в то время. Потому что настоящее дело у нас было.

— Достаточно вспомнить ваши схватки с рижской «Радиотехникой», выпускающей аналогичную продукцию.

— Да, это была замечательная борьба, в которой мы достойно победили. Там быоо все, даже идеи у нас воровали, создав в Таллинне отраслевой отдел, который должен был давать «добро» на выпуск нашей продукции. От Риги до Таллинна, как известно, недалеко. Вот когда мы загорелись общей целью обогнать рижан, работать мне стало легче. Люди взяли многое на себя. Когда бы я ни уходил с завода, в СКБ горел свет, кто-то работал. Увлеченность — не меньший

стимул, чем деньги. Они, в конце концов, на всех влияют одинаково. Но если к деньгам еще и увлеченность, талант, то человек может добиться поразительных результатов.

— А другие слагаемые успеха!

— Мы пошли по пути разработки программы, которая финансировалась бы практически неограниченно, как работы по науке и технике. Если взяться за хорошую перспективную тему, то можно было составить практически любую калькуляцию и за счет этой темы финансировать работы будущих периодов. Второй источник сносного финансового состояния — постоянная битва с Госкомцен за наименьшую розничную цену. Поскольку государство берет минимальный налог с оборота 18 %, а максимальный не установлен, то минимальная розничная цена была нам выгодна. Это сейчас она возросла так, что дальше некуда. А в 70-е годы этого не было. Именно цена определила в то время наши успехи и вывела предприятие из плачевного состояния. Но все это тогда (да и сейчас тоже) зависело от личности директора, а не от коллектива.

— Но ведь создание коллектива единомышленников — процесс сложный, не за одну же ночь он возникает и не на ровном месте!

— Конечно. С самого начала все основные поворотные пункты развития завода, его перспективы мы разрабатывали сообща и широко обсуждали. Начиналось все с инженерно-технических работников. Они изучали обстановку на рынке, перспективу сбыта изделий, рост потребности в них. В этой работе участвовал очень широкий круг людей. Конечно, мы вынуждены были действовать в рамках спущенных объемов производства. Но эти объемы мы сами наполняем содержанием. Работали напрямую с Министерством торговли. Потом ставили в известность министра о том, какие договоры с торговлей заключили. Все это было нелегко. Планируют, например, нам 700 тыс. приемников четвертого класса. Зачем, почему? Я до сих пор не понял. Приходилось сражаться во всех инстанциях. Директивное планирование принесло много вреда, отбив у людей охоту изучать рынок, работать на него. Правда, теперь говорят, что в то время рынка не было. Но он был, особенно рынок товаров народного потребления. И конкурентная борьба была.

Изучив рынки сбыта, потребности в продукции, мы стали смотреть, насколько она конкурентоспособна. Сразу искали пути решения технологических, организационных и других проблем. Широко обсуждалось социальное развитие коллектива. То есть сообща создавался план развития объединения на 5—7—10 лет. Он обсуждался во всех подразделениях, проводилась его общественная защита. Были случаи, когда она продолжалась по 6—7 часов. А однажды на защите обнаружили ошибку в технической документации. Пришлось предусмотреть расширение цеха по производству пластмасс вдвое. А потом этот

план утверждался на общезаводской конференции. Это было в большей степени формальным актом, так как любой план обогащают обсуждения специалистов. А на конференциях ситуация митинговая, побеждает зачастую тот, у кого речь послаще, или любимец публики. Но все-таки этот формальный акт необходим. Демократия это? Я думаю, да.

С момента утверждения плана наша демократия превращалась в директиву. Но в директиву конференции коллектива, а не в мою. Дальше директор выступал как единоначальник, которому надо выполнить волю трудящихся. Вот так я понимаю здоровую производственную демократию. Исполнительская дисциплина — ее оборотная сторона.

Аналогичным образом мы подошли к составлению творческих планов. Они составлялись, как правило, формально, но с нас требовали этого. Поэтому мы разработали оценочные показатели работы каждого инженера и каждого подразделения, но оценивали не технологию, а конечный результат. Так, от снабженческих служб, например, требовался материал того качества, которое заложено в технической документации, той цены, которая предусмотрена в калькуляции, и в нужный срок, отсутствие сверхнормативов. Остальные показатели нас мало интересовали. В случае экономии работники этих служб могли получить до 60 % премии. С тех пор, как мы перевели их на хозрасчет по конечному результату, горя со снабжением не знали.

Творческие планы каждый писал себе сам, сам определял себе и показатели работы. Но если он отнесся к этому недобросовестно и что-то важное намеренно не предусмотрел, лишался 25 % премии. В конце планового периода каждый подсчитывал, какую премию заработал. Начальник подписывал документ — и он направлялся в отдел труда и заработной платы. Это здорово всколыхнуло людей. По моим оценкам, люди, занимающиеся конкретными вещами, работали у нас не хуже, чем на Западе. Бездельничает тот, кто не имеет прямых обязанностей,— в основном работники вспомогательных служб — кладовщики, плановики, трудовики.

— Александр Николаевич, значит, Вы считаете, что участие трудящихся в управлении предприятием состоит...

— ...В том, что каждый точно знает свои задачи и хорошо исполняет их, отдавая себе отчет, что и для чего он должен делать. Это коллективная разработка перспектив предприятия по всем направлениям (научно-техническому, социальному и т. д.); контроль за исполнением принятых решений; коллективная оценка работы руководителя (а не администрации!). Администрация завода — это команда руководителя. Плоха она — смени. А если руководитель не выполняет программу — с ним надо распрощаться. Реальная демократия возможна лишь при коллективной собственности на средства производства, например в акционерных обществах.

— Когда говорят о демократизации, часто остается загадкой, что имеется в виду: то ли это намерение быть проще с подчиненными, то ли своеобразная форма «хождения в народ», которому все можно объяснить и который все поймет, то ли что-то третье. Что Вы можете сказать о процессах демократизации управления производством, которые происходят в последнее время? Насколько был обоснован упор на выборность руководителей, создание СТК в создавшихся условиях, при существующем хозяйственном механизме?

— Понять все, что было, мне очень трудно. Чего хотели те, кто все это предлагал, из каких умозрительных конструкций исходили, на что надеялись, чей положительный опыт копировали?.. Но уже ясно, что «приговор» выборности руководителей вынесен. Да и советы трудовых коллективов — надуманные органы. Ведь есть завком, который правомочен решать все проблемы предприятия. Потом сразу было объявлено: директор не может быть председателем СТК. Но если на заводе есть такой хороший руководитель — пусть он и будет директором.

— Но ведь тот человек или те люди, которые что-то хотят изменить на предприятии, должны отвечать за результаты своих действий.

— Да, и морально, и материально. Должны сами участвовать во внедрении новшеств, смотреть, что из этого получится. А СТК только принимает решения. Чем, за что и перед кем за эти решения, например, отвечает председатель СТК,— плохо понятно.

— Говоря о производственной демократии, нельзя, видимо, обойти «внешние условия» ее успеха. Вы уже говорили о том, что старая система во многом предопределяла и внутрипроизводственные отношения, сложившееся и сегодня очень многих не устраивающее разделение функций руководства и подчиненных. Так что изменений требовала сама жизнь.

— Все отношения у нас действительно были крайне запутанными. В капиталистических странах правительство не управляет промышленными предприятиями. Фирмами управляют те, кто ими владеет. Какие пертурбации ни происходили бы в правительстве — владелец фирмы все равно остается при своем деле. А у нас меняется что-то наверху — меняется и экономика.

Конечно, и мы уже говорили об этом, многое нужно было менять. Сложившаяся система номенклатуры вряд ли оправдывала себя когда-нибудь. Сегодня же это — просто анахронизм. Необходима была и экономическая реформа. Конечно, предприятиям надо давать широкую самостоятельность. Конечно, планировать надо лишь долю, отчисляемую в госбюджет. Но при всем том в переходный период следовало бы, исходя из здравого смысла, законодательно укрепить дисциплину поставок хотя бы на достигнутом уровне. А то экономика

разбалансируется все больше и больше. Надо было серьезно подумать о том, как пережить переходный период. А мы то ли думать отучились, то ли было недосуг. И вот рынок развалили, создали централизованную экономику. Потом вдруг весь аппарат управления этой экономикой разрушили и пытаемся создать планово-рыночную экономику, еще не поняв, что же это такое.

Сейчас, несмотря на все разъяснения руководителей, мы идем к обычному капиталистическому обществу. Кому-то это понравится, кому-то нет. Конечно, частная собственность — наилучший стимулятор роста производства, развития творческих потенций, хотя я — против частной собственности, использующей наемный труд. Но как будет расслаиваться общество? И наконец, если мы сегодня перейдем к капитализму, это не значит, что завтра у нас будет то же самое, что в Швеции, Австрии, других странах, где сильна социальная защищенность всех слоев общества. А многие, кажется, всерьез ожидают этого невозможного. Конечно, многое из того, что сделали за последние годы, сделать было нужно, куда бы мы ни стремились — к капитализму ли, к демократическому или какому другому социализму. Но в переходный период нужно было действовать осмотрительнее. Предприятия же сейчас все подряд срывают планы поставок. Связи рвутся в одностороннем порядке, и никто за это не хочет отвечать. Не создав взамен старого новый механизм ответственности в хозяйственной деятельности, мы, кажется, успешно создали довольно развитый механизм безответственности.

— Конечно, убери сейчас все министерства, месяц-другой предприятия будут работать как прежде. Но потом наступит сбой, поскольку регулирующий, контролирующий орган нужен.

— Пока не создан другой механизм управления, не работают аренда, акционерные формы, нет частной собственности на средства производства, эти центральные органы должны были контролировать состояние в народном хозяйстве и отвечать за него. Я не думаю, что инициатором этого хаоса явилось правительство. Но его руководители — интелигентные люди и не могут, вероятно, бороться с обрушившимся валом разрушительных идей.

— Любая перестройка, любой сложный процесс в экономике требует постепенности действий. В экономической реформе такая постепенность отсутствует. На этом фоне чего, на Ваш взгляд, хотели люди, объявившие развитие производственной демократизации!

— Мне кажется, здесь выявилась некомпетентность партийных и советских функционеров, людей, далеких от жизни. Они были выдвинуты на свои посты по какой-то потусторонней траектории. Институт — комсомол — райком КПСС — обком КПСС — ЦК. Претендуют на руководящую роль, в том числе и в экономике, а что это такое — не зна-

ют. Это всегда влияло на состояние производства, а теперь, когда там выдвигаются идеи, как перестраиваться — тем более. Правда, эта некомпетентность нередко сочетается с поистине удивительной «талантливостью» в добывании и использовании жизненных благ, устранении препятствий на пути к «сладкой жизни».

Приведу один пример. В начале 70-х годов меня чуть было не посадили на восемь лет. А все произошло потому, что я не угодил первому секретарю Бердского горкома того времени К. Г. Андрееву, который вел, мягко говоря, далеко не высокоморальный образ жизни, не стеснялся использовать в личных целях служебное положение. Я не мог потакать ему, удовлетворяя многочисленные претензии. Стал неугоден. Угодил в больницу с инфарктом. Пока я там лежал, против меня возбудили уголовное дело, обвинили в умышленной поставке бракованной продукции. Обком КПСС не нашел нужным разобраться в этом деле. После этого я еще раз попал в больницу. Учитывая то, что уже тогда я был награжден высшими орденами СССР, мне восьмилетнее заключение хотели заменить восемью тысячами штрафа. Это дела не меняло, поскольку таких денег у меня все равно не было. Битву ту я выиграл благодаря активной поддержке коллектива завода, пленума ГК КПСС и принципиальной позиции судьи. Секретарь горкома своего кресла лишился. Но ведь командовал же! При полной некомпетентности...

— Компетентные или некомпетентные, но почему они придумали демократизацию управления производством, а не усиление единоначалия?

— Я думаю, инициаторы этого дела в Политбюро не проанализировали обстановку в стране, не поняли, что такое принцип единоначалия в промышленности.

— А может, это сделано из боязни потерять власть?

— Ну, а финансовую систему тоже из-за этой боязни развалили? Причем целенаправленно. Ни с того ни с сего на предприятиях подняли зарплату. Никаких дополнительных усилий при этом от работников не потребовалось. Конечно, ИТР получали мало. Но повышение зарплаты не было обеспечено товарами. А что творится в проектных институтах? За ту же работу люди получают до ста окладов в год... Безудержный рост зарплаты пошел в кооперативах. Они откачали наличные деньги. Недавно один мой знакомый, молодой директор новосибирского завода, приезжал посоветоваться: что делать с кооперативом, организованным на заводе. В него объединились снабженческие и транспортные службы, склады. Я посоветовал немедленно убрать этот кооператив с завода. Но на заводе его заверили, что все будет хорошо, что члены кооператива стараются и т. д. и т. п. Через некоторое время завод остановился: нет сырья. Рабочие забурлили. Ока-

залось, что кооператив перепродает на сторону сырье и материалы, поступившие на завод, в 3—4 раза дороже, чем все это стоит. Они везде посадили своих людей — на металлобазе, в управлении. Дальше — больше. Просочились сведения, что заместитель директора по снабжению и общим вопросам тоже член кооператива. Он стал отказываться. Тогда рабочие ночью выкрали из его сейфа договор о приеме его на работу в кооператив и утром принесли директору. Месяца два завод избавлялся от этого кооператива. Стали мы смотреть, что он из себя представляет. Численность там 127 человек, но постоянных было всего пятеро. Всю технику и транспорт, купленные у завода, они продали после закрытия кооператива и деньги разделили между собой. К какому виду производства это можно отнести? Они же обогатились за счет завода, за счет других людей.

— Начав с обсуждения процессов принятия решений, мы невольно приходим к обсуждению того, как принимаются решения и на более высоких уровнях...

— А как же иначе? Разве эти вещи не взаимосвязаны? Трудно не отметить, что отсутствует аналитическая работа. Объявлен переход к рыночной экономике, теперь уже к планово-рыночной. Но рынок из ничего не создается. Надо было сначала подумать, чем этот рынок насыщать. Предположим, перестройка когда-нибудь даст отдачу. А как пережить этот период? Вообще рассуждения о немедленном переходе к рынку носят спекулятивный и вредный для страны характер. Чтобы создать свободный рынок, нужны свободные предприятия. У нас таких никогда не было...

А впрочем, что мы копья ломаем? Ведь принято решение о разгосударствлении 60 % промышленных предприятий. Частная собственность, конечно, поднимет активность. Но и опять — где же те коллективы (которых у нас немало) и отдельные лица, кто серьезно проанализировал все последствия и этого пакета принятых решений?

— Но это, так сказать, общая картина, на фоне которой идет демократизация. Чего у нас никогда не было, так это ясности: что надо делать и в какой последовательности. Что мог, имел право и должен был делать каждый участник производственного процесса, каждая из организаций. Как договорятся, так и действуют. Отсутствие структуризации системы приносит большой вред обществу.

— Перечень обязанностей руководителей и инженерно-технических работников есть. Но только этих категорий работающих. Я считаю, что неправильно трактуется у нас роль профсоюзов. Если мы говорим, что фабрики и заводы принадлежат у нас рабочим, то почему профсоюзы имеют только права? А как же с обязанностями? Уж если мы пытаемся идти по шведскому или австрийскому пути развития, так и в Швеции, и в Австрии предусмотрены и права, и обязанности профсою-

вов. Там они играют заметную роль. А уж контроль бытовых условий, обеспечение социальной защищенности трудящихся — их святая обязанность. Естественно, за итоги работы предприятия отвечает руководство. Но каждый член профсоюза должен же ответственно относиться хотя бы к своему труду. В противном случае получается какая-то односторонняя демократизация.

— В этой связи хотелось бы услышать Ваше мнение о социальной защищенности директора.

— Я проработал двадцать лет директором «Веги», еще двадцать лет на других должностях на производстве. Получал 500—600 руб. Часто ездил в командировки, сберкнижки не имел. Пенсию заработал 170 руб., а мои коллеги и по 120 получают. Вот и вся социальная защита. Работаешь не за страх, а за совесть, выкладываешься — и вот итог. А с выборностью положение директора еще усложнилось.

Кадрами у нас в стране сегодня вообще никто не занимается. Областные комитеты особо не вмешиваются в это дело. Министерствам ударили по рукам, они деморализованы. Кому захочется сегодня лезть в это дело? А последствия этого, как и много другого, что сегодня происходит, нам еще предстоит почувствовать.

Конечно, будь у нас акционерные общества — тут все встало бы на свои места: совет акционеров подбирал бы менеджера.

— В этой связи интересен зарубежный опыт управления собственностью по доверенности через трасты — доверительные или попечительные фонды. Собственник капитала (в нашем случае это может быть трудовой коллектив акционерного предприятия) передает управление им доверительному собственнику (в нашем случае им может быть директор предприятия, семья, банк и т. д.). Условия оговариваются заранее. Срок — тоже. За рубежом это можев быть 25, 50, даже 100 лет. Учредитель траста на это время отказывается и от контроля над передаваемым имуществом, и от доходов от этого имущества. Доверительный собственник осуществляет все права, вплоть до права отчуждения имущества. Он не отвечает за ущерб, причиненный действиями других людей. А что, по Вашему мнению, можно сделать в переживаемый нами переходный период, когда таких обществ еще нет!

— Думаю, следует пойти на организацию концернов по предметно-замкнутому циклу, частично используя акционерные формы.

— Но зарубежные обозреватели считают, что в этом случае возникнут мощные монополии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Внутри страны — да, возникнут монополии. Но мы же говорим об открытой экономике. Внутри страны могут существовать и несколько крупных концернов, производящих одну и ту же продукцию. Рынок большой. Опыт «Веги» и «Радиоэлектротехники» подтверждает это. Кон-

церны могли бы обеспечивать быстрое развитие технического уровня предприятия, объединяя конструирование, технологию. Вообще, по моему мнению, промышленность надо строить не по территориальному и даже не по ведомственно-функциональному признакам, а по предметно-замкнутому. А вся эта региональная экономика — дело несерьезное. В концерне должны вестись все основные разработки функциональных узлов, от которых зависит научно-технический уровень изделия, здесь сосредоточены наука, опытное производство при науке, основное производство; предприятия, определяющие технический уровень продукции. Конечно, будут возникать и побочные производства, важные для устойчивости концерна. На «Веге» мы немалую часть мощностей загружали оборонной продукцией. У нее рентабельность пониже, а забот с ней побольше, зато и технический уровень в оборонной промышленности выше. За счет этой продукции нам удавалось выходить из сложных ситуаций.

У нашего предприятия такие связи могли возникнуть лет десять назад с одним из калужских объединений Минэлектронпрома. Мы заключили было договор на двадцать лет. Нашими заказами они готовы были полностью загрузить один из своих заводов. Наш министр был за эту идею, но тогдашний министр электронной промышленности не позволил это сделать, а калужский директор даже вынужден был уйти из-за этого с работы. Мы хотели на основе общих интересов (организация совместного выпуска ТНП) объединить два коллектива в акционерное общество, с совместным участием в прибылях — общую прибыль делили бы по трудовому вкладу. Такое объединение позволило сгладить последствия непродуманных решений центральных органов, а также негативное действие несовершенной оплаты труда. Например, сейчас предприятия, выпускающие ТНП, могут увеличивать заработную плату при росте производства продукции, а те, кто выпускает комплектующие изделия,— нет.

Но это лишь первая стадия. А идти нужно по пути развития акционерных форм в полном их объеме.

— Значит, и в рамках административно-командной системы зрели какие-то ростки нового, но тогда их активно вытаптывали. А теперь все, что давили десятилетиями «под руководством партии и правительства» ретивые и некомпетентные администраторы, что не успели вовремя, вдруг оказалось столь неотложным, что нужно сделать, внедрить и т. д. быстро-быстро...

— Выходит, так. И демократизация, которую мы сегодня наблюдаем — или непродуманная, или целенаправленная акция, направленная на еще большее расшатывание экономики.

Правда, многое из того, что принесла перестройка, уже было. Были десятилетия, когда намеренно принижался авторитет компетент-

ных хозяйственных руководителей, умеющих мыслить независимо. Их сажали в тюрьму, расстреливали. В конце концов превратили большинство из них в мерзавцев. Разбалансировали экономику. Была уже и отдушина в 1965 г., когда с реформой впервые появились у предприятия фонды, были установлены довольно справедливые нормативы. В восьмой пятилетке за счет этого мы увеличили объемы вдвое. Появились деньги, которые сначала можно было тратить, как сочтет нужным коллектив. Промышленность стала бурно развиваться. Но в начале 70-х годов реформа начала сворачиваться. Почему? Что за силы стояли за этим? Положение становилось все хуже и хуже. И мы опять прочно обосновались на своей потусторонней траектории.

●

Процесс хозяйственного развития известный ученый Й. Шумпетер назвал «конструктивным разрушением», осознав, что это непримиримая борьба нового и старого за место под солнцем. Место, которого им обоим не хватит. Поэтому любая победа нового — это одновременно и поражение старого. Но всегда ли разрушение конструктивно и дает место новому, прогрессивному? Разлившаяся мутная волна митинговой демократии не затопила ли с трудом пробивавшиеся в старых условиях ростки демократии реальной?

На эти вопросы еще не время давать ответы. Но, видимо, пора эти ответы искать.

Беседу вели В. П. БУСЫГИН,
кандидат экономических наук,
кор. ЭКО Л. А. КОЛОСОВА

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

Н. Д. КОНДРАТЬЕВ

В эпохи глубоких массовых движений и сильных потрясений устоев общественной жизни интерес и внимание к судьбам отдельной личности падает. В такое время даже крупные люди выбывают из рядов жизни почти незаметно. Мало замеченной прошла и смерть М. И. Туган-Барановского. Между тем выдающаяся личность в действительности всегда представляет глубокий интерес для современников и последующих поколений; смерть выдающегося человека всегда причиняет значительную утрату для общества, в особенности для русского общества, столь бедного культурными силами. Вот почему кажется целесообразным предложить вниманию читателей этот краткий очерк, посвященный М. И. Туган-Барановскому.

Не являясь строгим последователем М. И. и расходясь с ним в очень многих вопросах по существу, автор тем не менее считает себя одним из ближайших учеников его. Поэтому он смотрит на предлагаемый очерк одновременно и как на свой долг в отношении своего покойного и любимого учителя.

М. И. Туган-Барановский родился в 1868 г., умер в 1919 г. Он ушел, когда ему было всего лишь 54 года. Умер полный сил, жажды жизни и порывов к деятельности. Смерть так преждевременно взяла его от нас, прервав содержательную, интенсивную, можно сказать, блистательную жизнь; и так неожиданно и жестоко: он умер по пути в Париж, между Киевом и Одессой, от припадка грудной жабы.

Остановимся же в общих чертах на той социальной среде и, в частности, на совокупности общественных идей и событий, среди которых М. И. выступил со своей как научно-идеологической, так и практической общественной работой.

М. И. Туган-Барановский родился в Харьковской губернии и по роду своему был наполовину украинец.

В молодости он проявлял уже серьезный интерес к естествознанию и философии. По окончании гимназии М. И. избрал своей специальностью естественные науки и поступил на физико-математиче-

ский факультет Харьковского университета. В 1888 г. получил звание кандидата естественных наук. Но уже во время изучения естественных наук он вполне осознал, что основной интерес его лежит в плоскости наук общественных. И почти одновременно с окончанием физико-математического факультета он экстерном кончает юридический факультет того же университета. С этого момента он всецело отдается социально-экономическим проблемам, всецело погружается в мир социальных идей и борьбу общественных течений эпохи, где развертывается, эволюционирует и крепнет его личность.

Доселе господствовавшее старое народническое мировоззрение с его верой в возможность «особого пути» общественного развития России, с его верой в «народные формы» мелкой кустарной промышленности, уступало, шаг за шагом, свои позиции перед новым течением — марксизмом. Народническим верованиям в «особые пути развития» России марксизм противопоставил факт роста промышленного капитализма в России. И так как этот факт не укладывался в рамки старого мировоззрения, то создавалась настоятельная необходимость в развитии новой системы мировоззрения. Эти новые методы, новые взгляды на прогресс и общественную борьбу русская интеллигенция и черпает из марксизма.

Необходимо, однако, отметить, что в области экономического мировоззрения наряду с марксизмом в это время чрезвычайно ярко выступает и теория предельной полезности, развитая в 70-х гг. Менгером, Джевонсом и Вальрасом почти одновременно.

В полосе таких-то условий и умонастроений оказался М. И. на университетской скамье и сейчас же после нее. Как натура интуитивно-увлекающаяся, быстро схватывающая существо явлений, М. И. не мог пройти как мимо многих фактов социально-экономической жизни, так и мимо новых уклонов общественной мысли и экономической теории.

М. И. в общем принимает как модное, быстро завоевывающее умы учение о предельной полезности, так и марксистское мировоззрение. Но совершенно ясно, что приняв основные положения двух враждующих школ, он должен был столкнуться с необходимостью того или иного синтеза их. Действительно, в 1890 г. он выступает со статьей «Учение о предельной полезности» в «Юридическом вестнике», где намечает синтез трудовой теории ценности (классиков) и теории ценности австрийской школы — синтез, который он разовьет полнее впоследствии.

Вот почему М. И., не принимая теории ценности Маркса, сохраняет целиком социальное содержание его учения. Он не находит, что учение австрийской школы противоречит идеям трудовой теории ценности классиков, выражением чего и явилось его упомянутое

стремление синтезировать их. Отдав должное новым экономическим учениям в области теории ценности, по общему характеру и социально-капиталистическому содержанию своего мировоззрения М. И. становится марксистом.

В 1891 г. он выпускает книжку «Прудон, его жизнь и деятельность», а в 1892 г. «Д. С. Миль, его жизнь и деятельность». В этих книжках он бесспорно обнаружил литературные способности, но самые эти работы являются более или менее случайным эпизодом его развития. Основная линия его внимания и интереса лежала в другой плоскости.

Основное направление научно-идеологических интересов М. И. в это время определяется, с одной стороны, фактом мирового подъема капитализма, с другой — его приверженностью к марксизму в указанном смысле слова. И свою первую крупную и выдающуюся теоретическую работу «Периодические промышленные кризисы» (1894 г.) М. И. посвятил одному из самых любопытных и своеобразных явлений капиталистического строя — проблемам рынка и кризисов. Она доставила ему огромную популярность, и он защитил ее в 1894 г. при Московском университете как магистерскую диссертацию.

Рынок при капиталистическом строе является как бы центральным узлом, где переплетаются сложные нити экономических отношений и стихийно подводятся итоги экономической деятельности отдельных хозяйств и предприятий. Характерной чертой капитализма служит то, что он порождает тенденцию к преобладанию предложения над спросом, откуда вырастает погоня за рынками, борьба за них.

М. И. подходит к проблеме рынка прежде всего пользуясь методом схематического построения народного хозяйства как целого — методом, зачатки которого можно видеть уже у Кенэ, а дальнейшее развитие у Маркса. И такое построение приводит его к ряду следующих оригинальных выводов. Размеры рынка товарно-капиталистического хозяйства отнюдь не определяются размерами общественного потребления, ибо общественный продукт состоит не только из предметов потребления, но также и из средств производства. Поэтому проблема рынка, проблема реализации товаров упираются не в размеры общественного потребления, а в пропорциональность производства по отраслям. При пропорциональном распределении производства никакое сокращение потребительного спроса не в состоянии вызвать превышения общего предложения над спросом, и нет никаких препятствий для победного развития капитализма.

Но капитализм — строй неорганизованный, в основе своей стихийный. Отсюда его поиски и порой бессилие разрешить проблему пропорционального распределения производства, то есть проблему рынка, отсюда необходимость кризисов. Итак, кризисы обусловливаются не-

способностью капитализма, в силу органических особенностей его, сохранить всегда достаточно пропорциональное распределение производства.

Капитал постоянно давит на производство, форсирует его и порождает тенденцию к перепроизводству. Но совершенно ясно, что перепроизводство возникает здесь уже в силу внутренних органических причин, связанных с самой природой капитализма. Перепроизводство, развиваясь, вызывает кризис и потрясение. Интенсивность этого потрясения усиливается здесь еще и благодаря системе кредита, который в капиталистическом строе получил особенно широкое развитие.

Сказанное вскрывает органические причины и общий характер необходимости кризисов. Но кризисы повторяются периодически, и ход экономической конъюнктуры дает картину очень правильного ритма трех фазисов — подъема, кризиса и депрессии. Чтобы уяснить кризисы до конца, необходимо указать причины этого ритма, причины периодичности кризисов.

Почему же подъем наступает периодически и заканчивается обязательно кризисом? Чтобы начался подъем и грюндерство, необходимо накопление свободных капиталов. Капитал накопляется не только в промышленности. Есть немало таких общественных групп, доходы которых стоят вне зависимости от колебаний промышленно-капиталистической конъюнктуры: это получатели земельной ренты, держатели государственных бумаг, чиновники, пенсионеры. В период застоя большими и малыми долями здесь накопляются в итоге значительные капиталы, которые помещаются обычно в банки и которые, накопившись в достаточном размере, как пар в паровой машине приводит в движение поршень, приводят в движение и промышленность, вызывают подъем ее — прежде всего в основных отраслях. Но чем далее идет подъем, тем более исчерпывается свободный капитал. Повышается процент. Прекращается повышательное движение биржевых курсов, разражается иногда, как предвестник общего промышленного кризиса, биржевой кризис, начинает давать трещины кредит, возникает паника, понижаются товарные цены, развивается общий кризис. Вот почему подъем неизбежно кончается крахом, за которым следует период депрессии. Но тогда начинается прежняя работа по накоплению капитала, начинают зарождаться признаки нового экономического подъема, и цикл движения конъюнктуры повторяется.

Ниже мы увидим, что М. И. не сомневался в грядущем крушении капитализма. Однако он не разделял учения о том, что капитализм может погибнуть естественной смертью, самопроизвольно. Он полагал, что учение о естественной, самопроизвольной гибели капитализма не учитывает действительных законов его развития. В основе

этого учения лежат два основных тезиса: во-первых, о нарастающем, хроническом недостатке рынка и, следовательно, о нарастании непреодолимых для капиталистического строя препятствиях к развитию производительных сил и, во-вторых, учения о падении нормы прибыли по мере развития капитализма, учения о нарастающей хилости этого режима. М. И. отвергает оба эти тезиса. И вследствие этого он должен был признать, что «капитализм никогда не умрет своей естественной смертью», что он внутренне способен к непрерывному развитию. Правда, его будут потрясать кризисы. Но эти кризисы — не симптом приближающейся смерти, а лишь острое самокорректирование пути развития со стороны капитализма.

Почти одновременно М. И. сближается с группой журналистов и общественных деятелей, объединившихся вокруг редакции журнала «Мир Божий», во главе которого стала будущая супруга М. И.— Л. К. Давыдова. На страницах «Мира Божия» М. И. выступает с пропагандой и развитием идей марксизма. В 1895 г. он помещает в журнале статью «Значение экономического фактора в истории» (№ 12). Выступление молодого, талантливого и образованного марксиста не проходит бесследно. Против статьи М. И. выставили свои возражения Н. К. Михайлов-Смит, Н. И. Караев и Оболенский. В 1896 г. (№ 4) М. И. поместил ответную статью — «Экономический фактор и идеи». Так он втягивается в полемику, защищая марксистское мировоззрение. Он участвует одновременно в журналах «Новое слово» (1897 г.) и «Начало» (1899 г.), где помещает ряд статей по различным вопросам.

Но М. И. жил в эпоху не только пышного расцвета капитализма и споров относительно общей конструкции в понимании общественной жизни. Он жил, вместе с тем, как указывалось выше, в эпоху первых ярких побегов русского капитализма и споров о путях развития России. И чисто научный интерес, и полемический энтузиазм, и приверженность к своей доктрине — все это толкало его к исследованию специально русского капитализма. На этой почве возникает его второй крупный историко-теоретический труд — «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898 г.), который он представил и защитил в том же году при Московском университете как докторскую диссертацию.

Это исследование имеет значение для уяснения путей развития как русского капитализма, так и капитализма вообще. Остановимся кратко на нем.

Русская крупная промышленность и промышленный капитализм вырастают в специфических условиях. Они вырастают на базе относительно развитого уже торгового капитала и при деятельной поддержке и зависимости от правительств, начиная с Петра I. Зависи-

мость от правительства падает лишь с начала XIX века. Крупная промышленность дореформенного времени — это вотчинная и поссесионная мануфактура, опирающаяся на несвободный труд, живущая в атмосфере напряженной борьбы дворянства и нарождающейся буржуазии. Дореформенная мануфактурная крупная промышленность не вытесняет кустаря, но и часто порождает его, иногда вытесняется им. Уже со второй четверти первой половины XIX века вотчинно-поссесионная мануфактура хиреет и разлагается, поссесионные рабочие в массе отпускаются на свободу. Падение крепостного права делает весь наемный труд свободным. Одновременно технический прогресс и расширение рынков дают более прочную базу для развития современной фабрики с ее механическим двигателем и массовым производством. Фабрика начинает быстро оттеснять кустаря и занимать все более и более господствующее положение. Но было бы ошибочно думать, что фабрика наносит быстрый и полный смертельный удар кустарю. Нет, отношения их более сложны. Фабрика частью вытесняет его, частью модифицирует кустарное хозяйство, раздробляя его, частью даже порождает новые кустарные промыслы.

Однако все же русская фабрика победно идет вперед, вплетая Россию все более и более в сеть мирового хозяйства.

Но это исследование М. И. о развитии капитализма ценно не только как исследование о развитии капитализма в России, со всеми его специфическими особенностями, но и как исследование о развитии капитализма вообще. И это исследование приводит прежде всего к тому заключению, что на определенной ступени исторического развития, по мере того как совершенствуется техника и создаются более свободные правовые условия, по мере того как растет экономическая свобода и конкуренция, по мере того как увеличиваются внутренний и внешний рынок и становятся более живыми торговые связи — в стране образуются капиталистические отношения и растет капитализм; рост его в свою очередь ускоряет технический и правовой прогресс общества.

Однако не только в силу создающихся условий внутреннего развития идет рост капитализма в стране. Нет. В других работах М. И. отмечает и иные факторы этого развития. Благодаря тому, что молодые и менее капиталистические страны дают возможность получения более высокой нормы прибыли, происходит международное передвижение капитала, происходит иммиграция капитала из развитых стран в страны молодой культуры и тем самым форсируется экстенсивно-пространственный рост капитализма.

Другой общий вывод, к которому приводит М. И. его исследование развития капитализма в «Русской фабрике», состоит в том, что капитализм в своем победном шествии не в состоянии овладеть всем

народным хозяйством. Поскольку фабрика обречена на длительное сосуществование — и на Западе даже более, чем в России — с ремесленником и кустарем, постольку далеко не всю ремесленно-кустарную промышленность можно считать капиталистической, постольку капитализм не в состоянии всецело овладеть даже сферой промышленности.

Еще меньше у него возможности овладеть сельским хозяйством. Здесь, в силу целого ряда специфических условий, мелкое трудовое хозяйство оказывается даже более живучим, чем крупно-капиталистическое.

Не может капитализм всецело овладеть народным хозяйством также и потому, что в недрах товарно-капиталистического хозяйства, на почве его и под его воздействием возникают новые формы хозяйства, которые враждебны капитализму, но которые обладают огромной силой социально-экономической живучести и возможности развития. Это кооперативные формы хозяйства.

Лишившись перед революцией любимой жены и мало приспособленный к задачам общественного вождя, М. И. остается в 1905—1906 гг. как бы в тени, сосредоточенный в себе и занятый своей работой мысли. Наступившие годы реакции побуждают вообще некоторый уклон к теоретическим вопросам, к проблемам идеализма, религии, искусства. И мы видим в это время М. И., с одной стороны, за попыткой более или менее систематически изложить свои социально-экономические воззрения, в результате чего появились его «Основы политической экономии» (1909 г.), с другой стороны, он выступает с рядом статей по вопросам общественной морали и общественного идеала. Эти статьи затем вошли в сборник «К лучшему будущему» (1912 г.). Среди них необходимо в особенности отметить «Три великих этических проблемы (нравственное мировоззрение Достоевского)», «Русская интеллигенция и социализм» (по поводу сборника «Вехи»), «Кант и Маркс».

М. И. жил в эпоху обостренной борьбы теории ценности австрийской школы и теории трудовой ценности. Он попытался дать свою синтетическую теорию ценности и сочетать теорию Рикардо с теорией предельной полезности. В своих построениях труд и предельную полезность благ он рассматривает как объективный и субъективный факторы ценности. Он принимает, что ценность блага равна его предельной полезности. Но по его мнению, предельная полезность благ зависит в свою очередь от трудовых затрат на это благо: она прямо пропорциональна трудовой стоимости благ.

Это приводит нас к категории стоимости. Большинство экономистов не признает стоимости как самостоятельной категории хозяйства. Наоборот, М. И. решительно настаивает на необходимости такого при-

знания. Ценность для него — одна, а стоимость — другая сторона хозяйства. Хозяйство, с одной стороны, преследует известную цель, интерес, выгоду, и этой стороне его соответствует категория ценности; с другой стороны, хозяйство прибегает к известным средствам, затратам, усилиям, и этой стороне его соответствует категория стоимости. Поэтому под стоимостью М. И. понимает хозяйственную затрату, совершенную ради приобретения того или иного хозяйственного блага. М. И. различает стоимость абсолютную и относительную. Абсолютная стоимость — а именно о ней идет речь, как о самостоятельной логической категории хозяйства — есть иначе трудовая стоимость, есть затрата человеческого труда. Трудовая стоимость абсолютна, ибо она означает затрату труда человека, затрату человеческой личности, как естественно активного деятеля хозяйства. Это последнее признание базируется у М. И. в конечном счете на идее абсолютной ценности человеческой личности. Здесь политическая экономия при установлении своих понятий, по его мнению, опирается на этику.

Из сказанного ясно, что если хозяйственные блага имеют ценность, то далеко не все они имеют стоимость. Ясно также и то, что установленная М. И. синтетическая формула ценности не имеет общего значения и, во всяком случае, простирается только на те хозяйственные блага, которые имеют стоимость, т. е. на которые затрачен труд.

Как мы уже видели и видим вновь, М. И. не принимает теорию ценности Маркса. Он полагает, что Маркс вместо теории ценности развил, собственно, теорию стоимости; но что, не признавая последней категории, он пришел к непримиримым противоречиям с действительностью. Привлекательным и правильным в теории ценности Маркса М. И. кажется ее социальное содержание, тот яркий свет, который она бросила на капиталистические отношения эксплуатации. М. И. представлялось, что, не принимая Марксову теорию, как теорию ценности, но беря ее как теорию стоимости, и одновременно, вводя стоимость как самостоятельную категорию, он выходит из противоречия с действительностью и в то же время сохраняет все верное социальное содержание теории Маркса. Это верное содержание он видел в том, что путем глубоких анализов Маркс вскрыл существо капиталистических общественных отношений эксплуатации. И это верное, по мнению М. И., содержание учения Маркса он целиком сохраняет благодаря введению самостоятельной категории трудовой стоимости. В этом смысле М. И. остается марксистом.

То же стремление — сохранить социальное содержание построений Маркса — находим мы у М. И. и при конструировании исторических категорий хозяйства.

Историческими категориями хозяйства М. И. считает для режима товарного строя народного хозяйства товар и меновую стоимость,

а для капиталистического строя, который служит завершением товарного, сверх того еще капитал и прибавочную ценность. В конструировании понятий товара и капитала М. И. целиком стоит на почве учения Маркса, но совершенно ясно, что, выдвинув свою теорию ценности, он должен был дать уже иное истолкование понятию меновой ценности и прибавочной ценности, чем это делал Маркс. Действительно, с точки зрения М. И., меновая ценность является не соотношением трудовых ценностей обмениваемых товаров, а просто абстрактной возможностью получить в обмен на данный товар известное количество других товаров,— абстрактной возможностью, конкретным и непосредственным выражением которой служит цена (чего не было у Маркса). Таким образом уничтожается пропасть между ценностью, в частности меновой ценностью, и ценой. В связи с этим, и прибавочная ценность представляется М. И. не частью ценности (как кристаллизованного в товарах общественно необходимого труда), присвояемой капиталистом, а ценностью прибавочного продукта, присвояемого капиталистом. Отсюда очевидно, что понятие прибавочной стоимости, как показателя капиталистического отношения, как выразителя общественного отношения эксплуатации, у М. И. сохраняется. Природа же ее сводится к тому, что при капитализме известная категория людей вынуждена уступать собственникам капитала часть созданного ее трудами продукта, который имеет, конечно, определенную ценность. Иначе говоря, основа проблемы переносится из области категории ценности в область категории абсолютной стоимости. И, с точки зрения М. И., правильнее было бы поэтому говорить не столько о прибавочной ценности, сколько о прибавочном продукте, имеющем, конечно, ту или иную ценность. Это положение станет для нас более ясным, когда мы обратимся к проблеме распределения общественного дохода по воззрениям М. И.

Над проблемой распределения М. И. потрудился немало, и здесь он выставил ряд оригинальных положений. Прежде всего он пытался методологически вскрыть специфическую природу распределения и пришел к таким выводам. Распределение не есть процесс наряду с производством и обменом. В общественном хозяйстве не происходит какого-то особого процесса дележа. Поэтому и проблема распределения есть проблема того же производства и обмена, но лишь рассматриваемых с особой точки зрения. А именно, учение о распределении рассматривает экономическую действительность с точки зрения образования и размера доходов трех основных классов капиталистического общества, т. е. наемных рабочих (заработная плата), капиталистов (прибыль) и землевладельцев (земельная рента). Речь идет лишь о трех, а не о всех классах общества в силу того, что именно эти три класса предполагаются самим существованием капи-

талистического строя, и именно их доходы стоят между собой в тесной связи и зависимости. Такова методологическая природа проблемы распределения.

Все указанные доходы М. И. делит на трудовые (заработная плата) и нетрудовые, т. е. возникающие в результате присвоения прибавочного продукта (прибыль и земельная рента). В области учения о ренте М. И. стоит всецело, с очень незначительными оговорками, на точке зрения теории дифференциальной ренты Рикардо-Тюнена. В отношении же заработной платы и прибыли он выдвинул свою особую социальную теорию распределения. Согласно этой теории проблема распределения независима от какой-либо теории ценности: решение проблемы распределения невозможно вывести из какой-либо теории ценности.

Распределяется чистый национальный продукт или доход, т. е. весь общественный продукт, за вычетом затраченных в процессе производства средств производства. И поскольку речь идет о заработной плате и прибыли, уровень их определяется, во-первых, производительностью общественного труда, во-вторых, относительной социальной силой класса рабочих и капиталистов. Отсюда ясно, что чем более производителен общественный труд, чем более идет вперед технический прогресс, тем выше прибыль и заработная плата.

Однако единственным творческим агентом экономической жизни М. И. считает в силу понятных нам оснований (его учение о категории абсолютной стоимости) только человека, только человеческий труд. Правда, капитал в виде орудий и средств производства, благодаря усовершенствованию последних, служит фактором повышения производительности труда, следствием чего, в свою очередь, является повышение национального дохода. Но из этого не следует, что мы должны считать и капитал творческим агентом экономической жизни. Это противоречило бы идее категории абсолютной стоимости. И сам капитал должен рассматриваться нами, прежде всего, как продукт труда.

Вместе с широкими общественно-интеллигентскими, настроенными более или менее демократически кругами М. И. увлекается кооперативным движением. И, как всегда, М. И. привносит в эту область своей работы энтузиазм. Он связывает кооперативное движение с проблемой общественного идеала и социализма и дает чрезвычайно выпуклую теоретическую концепцию кооперации. Результатом его работы явились «Социальные основы кооперации» (1916 г.), «В поисках нового мира» (1913 г.) и ряд статей по кооперации.

Кооперация зарождается в недрах капиталистического общества. Она ставит своей задачей защиту интересов объединяемых ею трудящихся масс. Она борется за эти интересы теми же методами, теми

же средствами, какими борется и любое хозяйственное предприятие — методами конкуренции. В этом смысле — она плоть от плоти современного строя. Кооператив — хозяйственное предприятие. И тем не менее душа кооперации устремлена в будущее, к лучшему, к идеальному строю хозяйства. Кооперативы в массе своей — не капиталистические хозяйственные предприятия, они не имеют в виду получение наибольшей прибыли. Они стремятся лишь охранять трудовой доход своих членов, они опираются в основе не на эксплуатацию, а на объединение трудящихся. Отсюда вытекает определение кооператива: «Кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение благодаря общему ведению хозяйства трудовых доходов своих членов или уменьшение их расходов на потребительские нужды». Реальное кооперативное движение — движение классовое. По характеру защищаемых им классовых интересов оно может быть разделено на пролетарское, крестьянское и мелкобуржуазное. Но именно потому, что кооперация есть сознательное и свободное объединение трудящихся масс на почве их борьбы за свои интересы в виде организованного протеста против попрания этих интересов капиталистическим строем, кооперативное движение в основе своей проникнуто известным воодушевлением и идеализмом, являясь мощным потоком современного общественного идеализма в целом и, в конечном счете, преодолевая замкнуто-узкий круг классовых интересов, на базе которых оно зарождается.

Война направила общественный интерес к некоторым новым вопросам. Среди них видное место занял вопрос о природе денег и денежной политике. Со свойственным ему увлечением М. И. берется за этот вопрос и издает «Бумажные деньги и металл» (1917 г.). Но война не уничтожила настойчивого интереса к проблемам общественного идеализма, общественного развития и кооперации.

Начавшаяся революция еще более обострила эти проблемы. Она поставила снова также вопрос о земельной реформе. М. И. вновь и вновь возвращается к этим проблемам, продолжая развивать принципы своего идеалистического мировоззрения. И предпоследними словами М. И., как ученого-идеолога, были его работы «Социализм как положительное учение» (1917 г.) и статьи «О кооперативном идеале» («Вестник кооперативных Союзов». 1917, № 1) и «Русская земельная реформа и кооперация» (вошла отдельной главой в 3-е изд. «Социальных основ кооперации»).

Еще в работе 1906 г. «Современный социализм в своем историческом развитии» особенно рельефно чувствуется перелом и сдвиг в мировоззрении М. И. С одной стороны, он еще не порывает с марксиз-

мом и в критике капитализма основывается на этом учении. С другой, не следуя марксизму, в значительной мере вопреки его обыкновению, он уже во многом солидаризуется с социалистами-утопистами. «Действительно,— писал он даже в 1906 г.,— какой другой общественный идеал может вдохновлять в наше время людей?» Таким вдохновляющим и высшим общественным идеалом ему казался, повторяем, идеал социалистический. И «социализм как учение для М. И. есть учение прежде всего о новом социальном идеале». Он определяет социалистический строй «как такое хозяйственное устройство общества, при котором, благодаря равной обязанности и равному праву всех участвовать в общественном труде и таковому же праву всех участвовать в пользовании плодами этого труда, невозможна эксплуатация одних членов общества другими». Из этого определения может показаться, что М. И. сводит социализм исключительно к хозяйственному переустройству общества, к уничтожению хозяйственного неравенства и хозяйственной эксплуатации. Однако это не так. Признавая за хозяйством примат среди других социальных явлений, М. И. в действительности думал, что социалистическое переустройство экономического строя общества явится лишь отправным пунктом для социалистического переустройства и всей духовной культуры общества, для расцвета этой культуры, для развития гармонической человеческой личности. «Мне кажется,— писал он,— что можно составить себе представление о строе интересов людей социалистического общества по описанию жизни итальянских городов эпохи Возрождения. Светлое, радостное и гармоничное миросозерцание этой эпохи со своим глубоким и захватывающим интересом к искусству и познанию должно вновь возродиться в будущем. Опять появятся люди той поразительной душевной красоты и той умственной мощи, которые характеризуют эту чудную раннюю весну современной истории, люди вроде Леонардо да Винчи или Микель Анджело — люди, перед которыми наше время кажется таким грубым, варварским и жалким».

В связи с этим социалистическое устройство общества рисуется ему при наличии необходимых условий и предпосылок только как прогрессивный этап общественного развития — этап, который в зависимости от типа своего устройства может лишь более или менее приближать нас к идеалу. М. И. делит социализм на ряд видов:

А. Социализм в узком смысле

1) Государственный социализм.
2) Коммунальный.
3) Синдикальный.
4) Анархический.

В. Коммунизм

1) Государственный коммунизм.

2) Коммунальный коммунизм.

3) Анархический коммунизм.

Какой из этих видов социалистического общества нужно признать желательным и более всего приближающим нас к общественному идеалу? В идее — таковым является, несомненно, анархический коммунизм.

С точки же зрения ближайших возможностей и конкретного пути осуществления социализма он мыслит себе путь сочетания различных видов его с конкретными условиями места, времени и уровня развития культуры личности и общества.

Поэтому конкретное социалистическое общество по своему устройству неизбежно будет сложным и в разных своих частях должно быть организовано по принципу различных типов социализма. Несомненно, однако, что в первую очередь и в основу социалистического общества ляжет централистический коллективизм, как наиболее соответствующая достигнутому уровню культуры система. Главнейшая организующая роль при нем падет на государство — правда, преображенное, правда, лишенное присущих ему при капитализме недостатков.

Изменились также и взгляды М. И. на отношение кооперации к социальному идеалу. Первоначально М. И. был склонен рассматривать кооперацию просто как путь к социализму в смысле централистического коллективизма.

Теперь он существенно изменил эту свою точку зрения и решительно признал, что кооперация далеко не просто путь к социализму. Нет, она кладет основание для социализма самого высшего типа — для анархического социализма, и в этом смысле кооперативная организация общества стоит значительно выше организации по типу централистического коллективизма. Централистический коллективизм, уничтожая эксплуатацию и неравенство современного строя, все же предполагает принуждение над личностью — пусть принуждение большинства над меньшинством, но все же принуждение. Кооперативная организация не имеет в себе и этого принуждения, ибо всякий, не желающий мириться с мнением большинства, может свободно выйти из кооператива. Итак, кооперация в недрах своих несет одну из высших форм социализма и значительно приближает нас к идеалу свободного общества. Это, правда, не относится к тем видам кооперативов, которые основаны на наемном труде. Но такие кооперативы не могут и найти себе места в социалистическом обществе. Что же касается других видов кооперативных организаций, то о них нужно сказать существенно иное. Если социалистическое общество в первое время будет организовано в основе своей по типу централистического коллективизма, если значительнейшие отрасли труда будут организованы все же на началах принуждения — правда, не со стороны частных лиц, а государства,— то необходимо оставить простор и для свободного кооперированного

труда, необходимо оставить простор и для трудовых производительных артелей в промышленности и для земледельческих кооперативных общин, которые будут обязаны доставлять государству лишь установленное им количество продуктов и будут иметь право получать в свое распоряжение остальную часть продуктов.

Мы не будем входить в подробности возможностей организации социалистического общества, как оно рисуется М. И. Заметим лишь в заключение следующее. М. И. приветствовал социализм в силу его прогрессивного значения, в силу того, что он приближает нас к высокому общественному идеалу общества свободных людей.

Революция, начавшаяся с таким общенациональным подъемом в 1917 г., очень скоро выявила огромной мощи стихийно центробежные силы, таившиеся в стране. М. И. приветствовал революцию. Но любопытно, что в первый период он опять остается как-то в тени. Лишь затем, когда начался период коренного социального перелома в центре и взрыв национально-сепаратистских устремлений, он увлекается потоком славянодвижения.

На Украине, хотя и занятый общественной деятельностью в узком смысле слова, он не прекращает своей научно-идеологической работы.

Все мимолетное умрет и покроется пеплом. Но тем ярче будут гореть искры подлинного вдохновения и творчества, своеобразия и одаренности, которыми была так богата личность М. И.; тем значительнее будет представляться нам то научно-идеологическое наследие, которое он оставил для грядущих поколений. М. И. умер, но память о нем и его духовное влияние не умрет.

Петроград, 1923 г.
(Печатается с сокращениями)

„ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ" КУХОННОЙ НАУКЕ

Говорят, что важнейшие политические решения Голда Меир принимала на кухне. Может, это и так. Знаем точно, что в нашей стране сколь-нибудь серьезное обсуждение общественных проблем долгие годы было возможно только на кухне.

Поэтому простым смертным до простых истин приходилось доходить совсем не простым путем, совершая маленькие и большие, но, в основном, личные открытия. Не исключение и две статьи, которые мы предлагаем сегодня нашим читателям — возможно, лучшие из написанных непрофессионалами. Публикуем их в память о «добрых старых временах» с надеждой, что жанр исчерпал себя, и, наконец, уступает место профессиональной науке, отсутствие которой мы все так больно ощущаем.

ЧТО ДЕЛАТЬ НА КРАЮ ПРОПАСТИ?

И. Л. КОТЛЯРЕВСКИЙ,
доктор химических наук,
Новосибирск

Страна находится в сложном положении. Это непосредственно касается каждого из нас и любого заставляет задумываться: как же действовать лично ему, чтобы помочь нормализовать обстановку. Я так же, как Рыжков, сознательно употребил слово «сложное» вместо «кризисное». Действительно, настоящего кризиса нет. Планы выполняются на 98—100 %. Наши шахты не завалились (кратковременные забастовки не могли сыграть серьезной роли), заводы работают на полную мощность, стали мы выплавляем больше всех на свете, наши нефтепромыслы дают больше нефти и газа, чем любая нефтедобывающая страна мира. Наши железные дороги в основном функционируют. Сфера обслуживания, наука, культура и органы управления работают не хуже, чем раньше. Самая больная отрасль нашего народного хозяйства — агропромышленный комплекс — также не в катастрофическом состоянии. Достаточно вспомнить, что в истекшем году мы собрали хлеба около 13 млрд пудов. Я еще помню, как до войны Сталин мечтал о семимиллиардном урожае (на 170 млн жителей), имея только 5, и часть продавал за валюту.

ТАК ЧЕГО ЖЕ И ПОЧЕМУ НАМ НЕ ХВАТАЕТ!

С 1924 по 1929 г. наше сельское хозяйство процветало. Никакие погодные условия не могли повлиять на высокую производительность полей и хозяйств, продукции было в избытке и по вполне доступным ценам.

Коллективизация разрушила сельское хозяйство, и несмотря на ежегодные победные реляции, положение становилось все хуже. Не помогли и драконовские законы о длительных сроках тюремного заключения за невыполнение 150 трудодней или за мелкие хищения.

Крестьяне попали в более тяжелую зависимость, чем при крепостном праве. В результате к 1953 г. сельское хозяйство оказалось в катастрофическом положении и, если бы не умер Сталин, вымер бы поголовно русский народ, который обнищал до крайности, но и не помышлял о бунте. Все прекрасно знали, что в тюрьмах и концлагерях «самой свободной страны в истории человечества» томятся миллионы ее граждан. Вся страна после войны была опута-

на колючей проволокой. Народ, который освободил Европу, сам попал в полное рабство.

Положение резко изменилось при Хрущеве. Он освободил миллионы людей из лагерей и тюрем. Ликвидировал машинотракторные станции и передал всю технику в собственность колхозам. И потребовал обязательного возделывания кукурузы, которая стала основной кормовой культурой. Уже через два года в Иркутске впервые за его 250-летнюю историю был построен молочный завод, и в магазинах появились молочные продукты, которые раньше можно было купить только втридорога на рынке.

Вместе с Брежневым и его командой в нашу жизнь вошло повальное воровство: рабочий тащил гайку, крестьянин — зерно или молоко с фермы, служащий — бумагу, солдат — шлемофон. Однако о наиболее крупных ворах мы узнавали, когда они впадали в немилость. Дворцы, капиталы и привилегии им давала должность. Одним из видов воровства, процветавшего в коммунистической верхушке, была пронизывавшая всю страну коррупция.

Падение трудовой дисциплины, повальные коррупция и воровство стали первой причиной развала нашей экономики. На втором по важности месте была так называемая доктрина Брежнева — безудержная гонка вооружений и захват как можно большего количества стран насаждением всевозможных антинародных режимов.

Все силы великой страны, все ее оставшиеся неразворованными ресурсы были брошены на осуществление этой доктрины с единственной целью — во что бы то ни стало удержать власть номенклатуры. Это она определяет цели и действия всех звеньев народного хозяйства, управляет культурой. Она же — настоящий собственник всего народного хозяйства страны и всех его активов, которые принадлежат ей на основе не частной, а коллективной собственности. При этом большая часть прибыли направляется на сохранение режима (вооруженные силы, милиция, КГБ, средства подавления, производство оружия, международные провокации и т. д.). То, что остается, делится в соответствии с иерархией. Вот в каком состоянии получил страну Михаил Сергеевич Горбачев. Смелость, с которой он бросился в эту пучину, внушала огромные надежды, однако, по мере совершения им ошибок, неизменно ухудшавших положение народа, эти надежды тускнели и к сегодняшнему дню привели к полной дискредитации партии и руководства страны. Мероприятия Горбачева ограничивались непродуманными до конца декларациями, которые подвели страну близко к кризисной черте.

В результате недальновидной антиалкогольной политики за по-

5 ЭиОПП № 8, 1990 г.

следние четыре года преступность в стране выросла более чем вдвое, мы достигли небывалого уровня инфляции, резкого роста нарко- и токсикомании. А 49 млрд руб. в год от продажи алкогольных напитков Горбачев своими руками передал самогонщикам.

Чтобы уберечь от пьянства неискушенную молодежь, вместо запретов нужно что-то гораздо более привлекательное. Главное, в чем нуждается молодежь, это отдельная квартира, а если она дается за 15—20 % стоимости в долгосрочный кредит, причем без очередей и хлопот, то любая девчонка удержит своего парня от водки ради того, чтобы собрать деньги на первый взнос. А там нужно будет выплачивать кредит, покупать мебель, белье и посуду.

Тем, кого одолевает страсть к путешествиям, надо предоставить такую возможность, организовав бесприбыльные предприятия и перебросив сюда средства, которые тратятся на рекорды и чемпионов. Можно организовать и дешевый заграничный (почти безвалютный) туризм, используя во время отпусков пассажирский и каботажный флот в качестве плавучих гостиниц с питанием. Не надо только стремиться наживаться на этом: моральное здоровье нового поколения стоит того.

Сейчас стала доступной политическая деятельность. Не надо бояться дать молодежи политическую свободу. Да мало ли на свете занятий, более привлекательных, чем пьянство. Людям надо только разрешить... Был бы выбор, и результат не заставит себя ждать. Перестала же Америка курить и резко сократила потребление спиртного, хотя оно абсолютно доступно.

На основании беглого анализа состояния нашей экономики я утверждаю, что физического дефицита в стране практически нет. Пожалуй, немного не хватает мяса, но виной тому неоправданно низкие государственные цены.

Общие сбережения нашего народа порядка 400 млрд руб. Не так уж много. Американские трудящиеся не только не стараются превратить свои сбережения в стиральный порошок, сахар и плохие ботинки, но наоборот, всю жизнь наращивают их, чтобы обеспечить безбедную старость и помочь в случае нужды попавшим впросак потомкам. Значит, дело не в свободных деньгах и не в нехватке товаров, а в кризисе доверия к власти, кризисе уверенности в завтрашнем дне, который труднее всего преодолеть.

Но выход все же есть...

Земля,

которая является нашим самым главным национальным достоянием, при любых реформах и обстоятельствах должна оставаться всенародной собственностью, а землепользование регу-

лироваться всенародно избранным правительством.

Землепользование должно быть предметом развернутого законодательства, утвержденного альтернативным референдумом, и неотъемлемой частью входить в Конституцию страны. На этой основе должен быть издан развернутый кодекс законов о земле. Я считаю, что земля ни в коем случае не может быть частной собственностью. Исключение — небольшие приусадебные участки, купленные у государства за достаточно высокую цену.

Вся остальная земля остается собственностью государства и может быть сдана в аренду. Арендаторами на совершенно одинаковых условиях выступают все без исключения землепользователи: заводы, совхозы, колхозы, кооперативы, горожане и фермеры.

Поскольку земля является основой народного благосостояния и доходов государства, арендная плата должна быть ощутимой и передаваться в государственный и частично местный бюджет.

При царе было две системы арендной платы за землю:

1) испольная, когда крестьянин получал от помещика землю, семена и тягловую силу и отдавал за это 50 % урожая,

2) спятка, когда крестьянин имел свои семена и тягло, а за землю отдавал 2/5 урожая, т. е. 40 %.

В некоторых странах, например в Голландии, где земля является частной собственностью, кроме подоходного, существует поземельный налог, дающий уверенность, что земля будет обработана. Аналогично с землепользователя должна взиматься разумная арендная плата и прогрессивный (но тоже разумный) подоходный налог — в первые годы в натуральном виде, а в дальнейшем (после стабилизации финансовой системы и перехода на конвертируемый рубль) в денежном выражении.

Арендную плату можно дифференцировать по районам страны в зависимости от ее кадастровой ценности. Плата за гектар будет одинаковой с фермера, колхоза, совхоза, завода, гостиницы, стадиона и т. д. Различие заключается лишь в подоходном налоге, и то только в его прогрессивной части.

Опыт последних пятидесяти лет показал, что фермерская система сельского хозяйства более прогрессивна, чем колхозная. Для стабильной переориентации сельскохозяйственного производства на фермерский принцип нужно полностью отказаться от жесткого плана и первые три года дать фермеру для адаптации. В дальнейшем фермер обязан получать урожай не ниже среднего с учетом условий данного региона. Увеличение плодородия почвы — также одно из условий аренды и закладывается в повышении арендной платы. При невыполнении условий банк может продолжить кредитование

арендатора, если сочтет это перспективным, или продать с молотка его хозяйство.

Колхоз (совхоз) сам решает, что ему выгоднее: раздать землю арендаторам либо оставить ее за собой. Государству это безразлично, так как и арендная плата, и налог для всех едины. То, что будет получено сверх указанных требований, поступает в полное распоряжение арендатора и реализуется по его усмотрению.

Техника фермерам-арендаторам передается в долгосрочный кредит. Срок кредитования равен средней продолжительности функционирования техники. Государственные инвестиции в сельское хозяйство в первую очередь нужно направить на организацию производства запасных частей для сельскохозяйственной техники и оснастки для ее ремонта.

Кстати, заметим, что как арендная, так и колхозная системы могут быть достаточно прогрессивными. Дело лишь в четкой регламентации отношений государства и хозяйства. Сразу после войны все пахотные земли в Японии были выкуплены государством у помещиков и переданы крестьянам в аренду. В Израиле, напротив, почти все сельское хозяйство коллективизировано. В обеих странах сельскохозяйственное производство функционирует великолепно.

Запретить следует только одно — куплю-продажу земли, иначе, кроме номенклатуры, мы посадим себе на шею ловких спекулянтов, которые быстро завладеют большинством земельных угодий, что вновь привело бы к обнищанию народа и упадку всей экономики.

И наконец: поскольку государство создается народом для обеспечения безопасности и надежности своей жизни, оно должно навечно сохранить за собой примерно 50 млн га самых плодородных земель с наилучшими климатическими условиями, создать там ультрасовременные государственные хозяйства для гарантированного ежегодного получения 60—70 млн т товарного хлеба на самый непредвиденный случай.

В этих хозяйствах, функционирующих по самым современным методам, будет самый дешевый хлеб, что и продиктует доступные для всего населения цены на продукты питания. Мне кажется, что эти несложные организационно и не требующие больших затрат мероприятия решат главную проблему страны — продовольственную.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И НЕФОРМАЛЫ: ЧЬИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЛУЧШЕ

Впервые за всю свою жизнь я безоговорочно поддерживаю программу правительства. Для выполнения этого грандиозного

плана, рассчитанного всего на год, нужны усилия всего народа, который должен четко осознать, что впервые в истории советского государства это делается для него. Государственный контроль за выполнением этого плана в этом случае можно доверить административной системе. Но осуществляться он должен не приказами, а проверенной и отлично действующей в демократических странах системой кредитов, налогов, инвестиций и цен.

Ограничение роста зарплаты пределами роста производительности труда в этих условиях представляется наиболее разумной мерой. Если не соблюсти это условие, инфляция окончательно развалит экономику. За счет сокращения производства группы А и военно-промышленного комплекса по расчету оказалось возможным нарастить за год производство группы Б на 30 %. Если удастся этот план выполнить, он приведет к благотворному перелому не только в обеспечении населения продуктами и товарами, но главное — к позитивным переменам в сознании народа и возвращению его доверия к правительству.

Очень важны инвестиции в перерабатывающие отрасли (13 млрд руб. за 1990—1992 гг.). На мой взгляд, главное внимание здесь следует уделить не заграничным автоматизированным линиям, выпускающим продукты питания в красивой упаковке (нам пока не до этого), а срочному строительству стоящих гроши ледяных и надувных хранилищ для скоропортящихся продуктов. Тогда 30 % продуктов, которые к февралю сгнивают, будут поступать на прилавки вплоть до нового урожая.

Нужно срочно построить (или оснастить имеющиеся) заводы по производству дубленых бараньих и оленьих шкур, миллионы штук которых ежегодно сгнивают. Технология есть, она проста и легко поддается автоматизации. В крайнем случае ее недорого можно купить в Болгарии.

А вот насчет увеличения инвестиций в сельское хозяйство, в том числе и в социальную сферу, я с правительственной программой не согласен. Колоссальные средства, которые мы вкладываем уже 30 лет в сельское хозяйство, дали мизерный эффект.

Конечно, производят весьма благоприятное впечатление меры по оздоровлению финансовой системы. А вот продажа квартир людям, которые в них уже живут, не свидетельствует о мудрости предложивших эту меру. Надо продавать новые квартиры и во много раз расширить кооперативное строительство, обеспечить его стройматериалами, построить кооперативные кирпичные и бетонные заводы. Позволить этим кооперативам заключать взаимовыгодные договоры с леспромхозами

и металлургическими заводами на поставку необходимых лесоматериалов и готовых лесных изделий. Пусть зарабатывают тысячи, лишь бы конечный результат подтверждался строгими государственными комиссиями.

Что же касается предложений неформалов, которые наиболее четко изложены в выступлениях на съезде Г. Попова и Б. Ельцина, надо сказать, что к ним вполне подходит ставшее уже поговоркой выражение: «Борис, ты не прав».

Конечно, я, как и большинство интеллигенции, за перестройку народного хозяйства и нормальную, демократическую, регулируемую экономическими рычагами рыночную экономику. Тем не менее, переходить к ней нужно не на грани кризиса всей производственной и финансовой системы, а на фоне хотя бы скромного товарного и продовольственного достатка, который вполне достижим при выполнении разумных предложений правительства. И это необходимое условие. Пример 1922 г., когда переход на рыночную экономику за 2—3 года дал потрясающий эффект, привлекателен, но надо помнить, что терять нам тогда было нечего — Россия находилась на грани вымирания. Так же обстояли дела с конвертируемой валютой — тогда любой путь вел наверх, так как мы находились на дне пропасти.

Сейчас нам есть что терять: народ худо-бедно сыт, одет, обут и живем под крышей. Наше народное хозяйство дает совокупный национальный продукт, который стоит триллион рублей. Но поскольку мы уже подошли к опасной границе, выбор пути имеет первостепенное значение. Путь, предлагаемый неформалами сегодня, я подчеркиваю,— сегодня, ведет не просто вниз, а к катастрофе. На нашем дефиците вырастут спекулянты, которые скупят все до нитки и потом нам же продадут втридорога.

Никакая карточная система, которая абсолютно уничтожит все стимулы для плодотворной работы, не сможет вывести нас из экономического тупика. Карточная система хороша за колючей проволокой и с автоматчиком из КГБ за спиной. Так же непродуманно выглядят и другие предложения — вернуться к сталинскому или монархическому режиму, исходящие от представителей блока патриотических сил России.

МОБИЛИЗАЦИЯ СРЕДСТВ

Для всех преобразований, предлагаемых правительством, нужны деньги и ресурсы. И чем больше, тем вернее можно будет выполнить программу.

Во-первых, конверсию военной промышленности нужно проводить более глубоко и более решительно, чем это предлагает

правительство. 10 000 атомных зарядов на ракетах, по официальным данным, могут охладить пыл любого бесноватого фюрера, а когда они подкреплены 60 тыс. танков, 80 тыс. бронетранспортеров и парой тысяч современных истребителей и бомбардировщиков, это выглядит очень убедительно.

Военная наука нужна, чтобы не отстать, однако надо строго ревизовать ее тематику, что позволит снизить расходы на эту статью с 13 до 5—6 млрд в год.

Я имею отношение к фундаментальной и прикладной науке и знаю, какие здесь могут быть злоупотребления. Достаточно вспомнить, как к полиоксиэтилену добавляли горелые ацетилены и уверяли военных моряков, что при этом существенно увеличится скорость подводных лодок. За это с моряков 5 лет брали по 1,5 млн, которые использовались в основном для увеселительных поездок из Томска в Севастополь под видом научных экспедиций. Я думаю, что у нас можно обнаружить немало аналогичных «научных» исследований.

Производство оружия нужно решительно и полностью прекратить, а с бесплатными поставками покончить немедленно, кому бы они ни предназначались.

Я как-то слабо верю в этом отношении и Горбачеву с Рыжковым и еще менее Министерству обороны. Мы помним, как три года назад уничтожение двух тысяч зарядов на РСД и РМД характеризовалось как 3 % от ядерного арсенала, что соответствовало его величине в 60 000 зарядов. Неужто втихомолку в одностороннем порядке уничтожили 50 тыс. ядерных боеголовок? Горбачев на 1 Съезде народных депутатов заявил, что у нас в вооруженных силах 5 млн человек, и пообещал за два года сократить их на 0,5 млн. И вот не проходит года, как Министерство обороны официально извещает нас, что численность вооруженных сил стала около 4 млн. В такой встречный план я не верю. Думаю, что выигрыш от прекращения производства вооружения будет минимум 100 млрд в год. Не производить вооружение выгодно уже даже тогда, когда рабочие на военных заводах будут получать свою зарплату и вообще ничего не делать, так как останутся «неиспорченными» колоссальные ресурсы, энергия и не будет изнашиваться оборудование. Само собой разумеется, что все эти мощности должны использоваться в производстве товаров группы Б или для оборудования заводов для этой группы.

Еще один крупнейший финансовый резерв — это решительное сокращение армии до размеров, необходимых для обороны (примерно до 2 млн, как в США).

Нам надо спасать команду Горбачева, а для этого необходимо оздоровить экономику и сбалан-

сировать финансы. Иначе найдутся силы (они ждут подходящего момента), которые организуют народный гнев и сбросят Горбачева. И это сделают не левые...

Я искренне убежден в том, что в нынешней критической ситуации ученые, обладающие наибольшим творческим потенциалом, на 1—1,5 года должны прекратить фундаментальные исследования и в пределах своей компетенции направить все усилия на выручку страны. Они смогут вернуться к своим изысканиям, как только народ вздохнет спокойнее.

●

Трудно предсказать ход событий. Это зависит главным образом от решений правительства. Я вижу два выхода из создавшейся ситуации: либо пустить в ход танки, либо пойти на полный развал империи.

В первом случае это конец перестройки, конец гласности, конец Горбачева и его команды с установлением ультрасталинского режима в стране и огромном регионе. Во втором случае болезненная операция, после которой наступит благоденствие всех народов и мир на Земле, во всяком случае на ближайшие 15—20 лет.

Судя по тому, что наш верховный законодательный орган, отражающий волю большинства партии, состоит из сталинистов, он склоняется к первому варианту...

Имя Раисы Львовны Берг — автора предлагаемой читателям статьи — хорошо известно в кругу биологов. Пройдя вместе с советской генетикой тернистый путь непризнания, гонений, и даже полного отвержения, она открыла для себя политэкономию социализма.

4 марта 1968 г. Ученый совет Института цитологии и генетики СО АН СССР вынес резолюцию — осудить Р. Л. Берг за политическую безответственность — подписание письма 46 сотрудников Сибирского отделения с требованием пересмотреть дело Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Ляшковой, процесс над которы-

ми хорошо отражает официальные нравы того времени, густые обвинениями в очернительстве самого справедливого строя.

Подобный вердикт ставил человека в положение изгоя. И в конце 1974 г. она выехала за пределы СССР. Много путешествуя по всему миру, Р. Л. Берг выступала на международных конференциях, симпозиумах, но на Международный генетический конгресс в Москве в 1979 г. ее не допустили.

В 1983 г. в США вышла книга Раисы Львовны «Суховей», подробно рассказывающая о становлении «ее политэкономии социализма» в сложных переплетениях судьбы генетики с ее личной судьбой. Предлагаемый читателям фрагмент этой книги не вошел в издание на руском языке и был напечатан в журнале «Континент».

В 1982 г. осуществилась давняя мечта — выставка ее картин в Париже.

МОЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА*

Раиса БЕРГ,
университет Сант Луис, США

Время рождения моей политэкономии социализма — 1957 год. Колыбель — диетическая столовая в Пятигорске, где я в одиночестве обедала каждый день все то время, пока длилась экспедиция. По счастливому стечению обстоятельств столовая почти пуста. Подавальщицы бездельничают. Вы долго не попадаете в поле их зрения. Но вот, наконец, заказ принят. Наступает долгое-долгое ожидание. Оптимизация трудовых затрат в соответствии с мизерной зарплатой? Но трудовые затраты ничуть не больше, если сначала принести вам поесть, а потом уже кейфовать. К сожалениям о потерянном времени и муках голода присоединяется раздражение. Очень хорошо. Преодоление преграды рождает мысль...

Действие переносится из Пятигорска в Москву. Год все тот же, 1957-й. Лето. Международный фестиваль молодежи. В парке около Крымского моста тысячи москвичей переполняют павильоны художественной выставки. Перед каждой из многочисленных столовых стоит очередь. Становлюсь. Вход в столовую преграждает справная баба в белом. Халат, мундир, мантия, ритуальные одежды — все то, что позволяет одним людям вмешиваться в частную жизнь других, превращая насилие в порядок. Женщина в халате следит, чтобы без ее санкции в зал не вхо-

* «Континент». 1985. № 46.

дили. Столики внутри здания и на веранде за колоннами. На веранде не обслуживают. Я приблизительно пятая в очереди. Обращаюсь к женщине в халате:

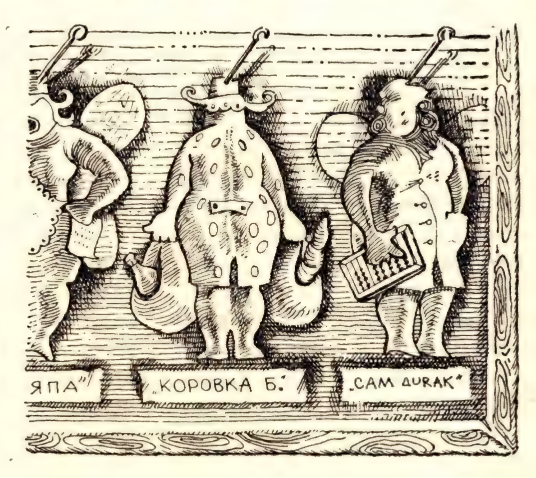
— Ленин сказал: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством». Почему же вы стоите здесь, а не управляете государством? — говорю я весело. Халат недоуменно настораживается и молчит.— Я вижу, вы не хотите заняться управлением государством. Тогда рассадите нас вон за теми столиками и накормите.— «Пройдите»,— говорит халат мне, не трогаясь с места. Я обращаюсь к первым, стоящим в очереди:

— Оказывается, место есть. Пройдите.— Мужчина и женщина проходят.— Извините меня,— говорю я халату,— но не могу же я идти без очереди.— Моя очередь подходит. «Идите к нам,— зовут меня совсем незнакомые мне люди,— вы почему не боитесь так себя вести?»— Надоело,— говорю я.

1962 год. Я с целым выводком молодежи в Одессе. Наш путь лежит из Тирасполя через Одессу, Сухуми в Дилижан. Прекрасная столовая в центре города. Большая веранда уставлена столиками, и на этот раз посетителей, сидящих за ними, обслуживают. Несколько столов свободны. Стоит длинная очередь. Ждать не менее полутора часов. Медленно-медленно происходит смена обедающих. Подходит группа молодежи. Туристы. Снимают рюкзаки. Постояли, ушли. «Пойдем отсюда, это безнадега»,— говорит Вика Горбунова — участница экспедиции.— Давайте постоим,— говорю я.— Практические занятия по курсу политэкономии социализма.

Партийное, профсоюзное и прямое мое университетское начальство, преграждая мне путь к докторской степени, не так уж сильно уклонялось от истины, написав в характеристике, что я развращаю молодежь.

Наконец, мы сменяем тех, кто отобедал. Мы идем мимо неприкасаемых столов. «Стол для шахматистов»,— гласят надписи на каждом из них. Мы простояли свои честные полтора часа. Шахматисты не появлялись. Только мы уселись, как за один из

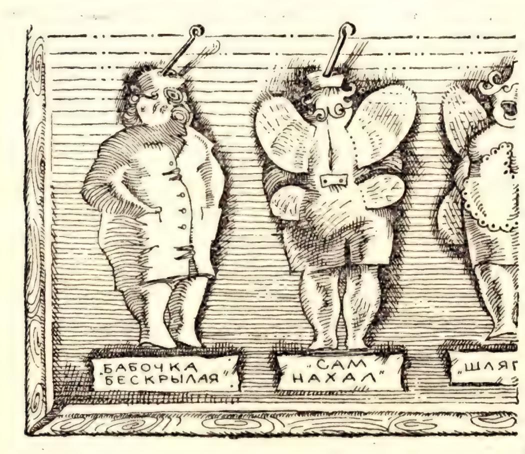

столиков уселись два «шахматиста» — здоровенные детины откровенно пролетарского вида. Подавальщица подпорхнула к ним мгновенно. И мгновенно на столе появились две бутылки столичной и две бутылки пива. Вполне привычными жестами детины отправляют бутылки в карманы брюк. Четыре бутылки, четыре кармана. „Шахматисты", расплатившись, уходят.

— И много шахматистов понаехало в Одессу? — спрашиваю я подавальщицу. Она понимает, что я понимаю. Мы обслужены первоклассно. Не знаю, как насчет шахматистов, но в магазинах Одессы нельзя было в те дни достать ни капли спиртного.

Уж не помню, какой год. Гостиница аэропорта в Ташкенте. Мест нет. Можно вложить в паспорт пятерку и протянуть паспорт и пятерку администратору. Можно показать администратору диплом доктора наук, многие так делают, и, говорили мне, помогает. Я не применяла. Стою, жду. Приходит огромная казашка или узбечка, на спине несет мальчика лет десяти. Ей отказывают. Она кладет мальчика на пол и собирается идти хлопотать. Я предлагаю ей пойти вместо нее. Терпение администраторши лопается. И узбечке с мальчиком, и мне дали места в гостинице.

В гостинице аэродрома, где места предоставляются по предъявлении билета и паспорта, вы, в отличие от столовой, не можете изображать полнейшую личную незаинтересованность. Иначе — зачем вы здесь? Никто не верит, конечно, в ваш альтруизм. Вас принимают за кляузника или за подставное лицо, накапливающее по заданию какой-то там инспекции материальчик. Вы производите впечатление личности, с которой лучше не связываться. А узбечка, та, что положила на пол у кассы мальчика лет десяти, по-видимому, парализованного, и отправилась было в путь к начальнику вокзала за разрешением провести ночь в гостинице, такого великолепного впечатления не производит и произвести никак не может. Беда — попасть в ее положение.

Моя концепция политэкономии социа-

лизма уже полностью, как мне казалось, сложилась, когда я попала в положение этой узбечки и тогда только поняла природу барьера, возведенного между аккуратно застеленными кроватями в ташкентской гостинице и ее больным мальчиком.

ОТКРОВЕНИЕ

Оно снизошло ко мне на крошечном аэродроме на Алтае, в Турочаке, в 1964 году. Один раз в моей жизни я отправилась в увеселительную поездку, с единственной целью наслаждаться красотами природы в изысканном обществе. Нас трое. Мы выехали из Новосибирска. До Алтая — рукой подать.

Красоты природы открывались нашим восхищенным взорам, но не одни они. Чудовищная нищета обитателей цветущего края хватала за сердце. Увеселительная поездка подходила к концу, когда оба моих спутника заболели. В кассе аэродрома выяснилось, что самолет будет только завтра, билеты можно заказать, они есть, гостиницы нет... Больные лежали на разостланном брезенте палатки, на лугу под пихтами, а я собирала землянику и кормила их. Когда настало время лететь, оказалось, что билетов уже нет. Нам предстояло двое-трое суток ждать следующего рейса.

Мы улетели благодаря счастливой случайности. Оплошность начальника аэродрома. Не будь ее, не видать нам билетов как своих ушей. Жаловаться начальству? Чтобы до него добраться, нужен вот этот самый билет!

Тут-то и снизошло на меня откровение. Я поняла, зачем мы нужны начальнику аэродрома! И почему больному мальчику-узбеку надлежало лежать на полу у кассы ташкентского аэропорта. Я поняла назначение авиасервиса!

Вы думаете, начальник аэродрома в Турочаке продает билеты с помощью своего рода подпольного аукциона — кто больше? Вы правы только отчасти. Дело обстоит куда более сложно. Ваше страдание — важнейшая компонента системы. Причиняя его вам, ни начальник аэродрома, ни директор столовой, ни подавальщица не нарушают закона, не пятнают свою совесть. Они не вымогают взятку, они обеспечивают для себя и для вас единственно возможный способ существования при социализме.

Создавая мою политэкономию социализма, я пыталась понять не природу человека и тем более не преступные ее проявления, а экономический строй, порожденный взаимодействием природы человека и навязанной человеку системы.

Общественный строй складывается стихийно в соответствии с природой человека, в каких

бы условиях ни находился человек, будь он хоть академик, хоть зэк.

Когда в 1962 году «Новый мир» опубликовал «Один день Ивана Денисовича», студенты математики, которых я тогда обучала генетике, говорили мне, что мое понимание стихийных процессов в обществе совпадает с тем, что пишет Солженицын. Они читали повесть, а я еще нет. Журнал был нарасхват.

Согласно общераспространенному на Западе мнению, экономическая система Советского Союза — государственный капитализм. Мнение это правильное, только если, во-первых, сузить определение капитализма и, во-вторых, если признать, что экономика Советского Союза не социалистическая. Начнем с первого. Определим капитализм как эксплуатацию большинства правящим меньшинством. Раз так, экономический строй Советского Союза — государственный капитализм. Капитализм, однако, характеризуется не одной эксплуатацией. С равным правом государственный уклад Советского Союза может быть назван государственным феодализмом. Феодальному строю России нанесен решительный удар в феврале

1917 года, но Октябрьская революция восстановила его.

В Советской России нет капитализма, потому что нет свободного рынка с его автоматически действующими регулирующими системами обратной связи. Деньги не играют той роли, которая им принадлежит в капиталистическом обществе. Нацело ликвидирована регулирующая роль банка. Цены определяются планирующими органами, исходя из политических, а не экономических соображений, и ничего общего не имеют ни с количеством затраченного труда и материалов, ни со спросом и предложением, ни с потребностями. Хлеб, бензин, жилплощадь чрезвычайно дешевы. Зарплата и штаты так же не определяются политическими соображениями, как и цены. Колоссальная разница между наивысшей и наинизшей зарплатой колоссально увеличена системой привилегий. Свободный спрос и предложение рабочей силы отсутствуют.

Восстановление капитализма предотвращено законом. Целая система запретительных мер преграждает путь к личному обогащению. Обитатель Советской России не имеет права воспользоваться тем, что он произвел своими собственными руками. О наемной силе и говорить не приходится. Зарабатывать деньги помимо государственной службы практически невозможно. Запрещено давать частные уроки, шить на заказ, чинить обувь, производить для продажи произведения искусства. Налоги, которыми облагают кустарей-одиночек, намного превышают их потенциальные заработки. Уклонение от налога, тайные источники обогащения выслеживаются тщательно и караются сурово. И все же подпольный рынок существует. Страх разоблачения диктует его законы, определяет цены, количество и ассортимент товаров и услуг. Потребитель, заказчик, клиент черного рынка платят не только за товар, но и за риск. Чем больше опасность попасться, тем выше цена.

Тот зачаток капитализма, о котором пойдет речь,— дикое, примитивное исчадие планового хозяйства, ничего общего с подпольным рынком не имеющее. Вступая в новые экономические отношения друг с другом, советские граждане используют государственные учреждения для личного обогащения. Они не нарушают при этом законов, не срывают выполнение плана, «спущенного» сверху каждому учреждению, будь то завод по выплавке стали, парикмахерская или издательство. Этот зачаток капитализма — страшный зачаток. У него нет будущего, но его последствия ужасны. Свободный рынок, его стихия коренится в плановой системе хозяйства — нет, в системе, претендующей на плановость. Эмбрион этот питается неспособностью системы урегулировать спрос и предложение.

Хронически не хватает самого необходимого: пищи, одежды, жилья, книг, зрелищ, бумаги (любой: писчей, туалетной, оберточной, копирки), самых необходимых лекарств, больничных коек, любого транспорта, мест в гостиницах, в ресторанах и столовых. Учетом потребностей никто не занимается. Никому нет дела до бесконечной траты времени в очередях. Те, кого власть выделила в качестве привилегированных, избавлены ею прежде всего от стояния в очередях. А прочие часами стоят не только за молоком и мясом, но и чтобы оплатить счет за квартиру и за электричество.

Новая экономическая система, складывающаяся в Советском Союзе, основана на экономическом хаосе, на нищете, на необходимости затратить колоссальные усилия и убить необъятное время, чтобы раздобыть насущное. Учреждения сферы обслуживания: магазины, почта, парикмахерская, железнодорожная или театральная касса, больница, издательство, суд — находятся в ведении персонала, работающего в каждом из них. Их дело — торговать, лечить, обслу-

живать. Но тех, кого надлежит снабжать, лечить, учить и всячески обслуживать, слишком много, а зарплата от числа обслуженных не зависит. Выбор — продать или не продать, обслужить или отказать — предоставлен персоналу учреждения. Ни в малейшей степени не нарушая закона, в строгом соответствии с производственным планом, осуществляется отбор желательных клиентов. Распределение товаров и услуг вводится в определенное русло, основой чего является взаимная выгода. Услуга за услугу. Можешь помочь в тяжкой жизненной борьбе — получи, не можешь — катись подальше. В условиях общей нехватки сведения, что там-то, в такое-то время объявится, будет «выброшено» желаемое, приобретают гигантскую ценность. Обмен информацией о товаре становится могучей экономической силой. Формула «товар А — деньги — товар Б»— заменяется новой: «товар А — информация о товаре А — информация о товаре Б — товар Б». Вы думаете, что ж тут особенного? — реклама. И никакая не реклама, а в некотором смысле нечто противоположное огласке.

Вожделенный товар спрятан от взора нежелательного покупателя под прилавком. Информация о том, что товар прибыл, будет продана желательному клиенту, тому, кто принесет информацию о товаре, необходимом продавцу. Какая уж тут реклама. Нет самых обычных вещей, ни в какой рекламе не нуждающихся. В аптеках нет ваты, термометров, горчичников, нет витаминов, рыбьего жира, отвара шиповника. В магазинах канцелярских принадлежностей — культтоваров, как они называются на советский манер, нет бумаги для пишущей машинки, не говоря о пишущих машинках, нет лент, нет копирки. Купить полотенце, зубную щетку, шампунь, мыльный порошок — неразрешимая проблема. Эмалированный чайник — недосягаемая мечта. Чтобы купить книгу, выхода в свет которой вы дожидались годами, нужно иметь знакомого продавца в книжном магазине. Если это поэзия и поэт был сперва запрещен, а потом разрешен, его книгу легче получить из-за границы, вот эту самую, прошедшую через горнило цензуры, обкарнавшей поэта до неузнаваемости, и изданную наконец в своем отечественном издательстве, чем купить в лавке напротив вашего дома.

Легко жить тем, кто имеет что предложить на рынке натурального обмена информацией. Мученья тех, кто не имеет ничего, неописуемы. Но люди — это люди.

Порой вас обслужат бескорыстно, просто потому, что искра симпатии пробежала между вами и хранителем недосягаемых для вас сокровищ. Термометр мне нужен был. Пошла в знаменитую аптеку на улице Дзер-

жинского. Это одна из лучших аптек Ленинграда. Зовется она почему-то аптекой ГПУ. Она помещается поблизости от дома, где была главная ставка ЧК. Дом, зеленая лавка, вывеска, кровью налитые буквы — все, что Гумилев запечатлел в стихотворении «Заблудившийся трамвай», находилось тут, рядом с этой аптекой.

— Нет термометров.

— Вот, моя бабушка мерила мне температуру, а я не могу измерить температуру моей дочери, ее правнучке. Моей дочке восемь, и она говорит: «Будь Ленин жив, спутник давно бы запустили, а теперь были бы термометры!»

Продавщицы смеются.

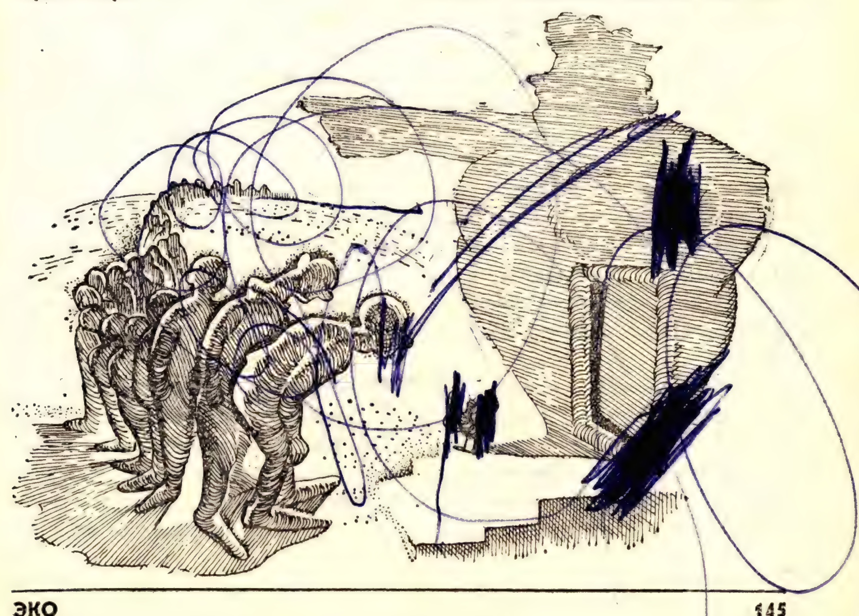
— Приходите завтра.

На следующий день я купила термометр.

ВЫВОДЫ

Если нет нехватки, она создается искусственно, иначе обладание товаром не принесет никакой выгоды.

Ценность информации о наличии товара зависит от количества товара и от насыщенности рынка данным товаром, но зависимость эта не прямая. Возьмем картофель. Информация о том, что картофеля нет и не будет, гроша ломаного не стоит. Но ничего не стоит и информация о том, что все овощные магазины ломятся от картофеля. Максимальную ценность имеет информация при определенной степени нехватки. Какова эта сте-

пень? Соотношение между насыщенностью товаром и ценностью информации о товаре можно изобразить в виде кривой. Насыщенность рынка — в процентах от потребности на оси абсцисс. Ценность информации — на ординате. Кривая пересекает ось абсцисс дважды — в нулевой точке и при стопроцентном насыщении рынка — ешь, не хочу! Мне кажется, что формула, выражающая зависимость явлений, связанных со случайными процессами, здесь та же, что и формула энтропии $H = -p \log P$. Если это так, ценность информации о наличии товара максимальна при 35-процентном насыщении рынка товаром. Продавец картофеля извлекает максимальную выгоду из своей должности, когда приблизительно две трети покупателей вынуждены обходиться без картофеля. Возникает вопрос — кому хуже всего в силовом поле циркуляции информации? Ответ ясен — рабочим и ученым, тем, кому нечего предложить на свободном рынке циркуляции информации. Неутоленность одних — источник обогащения других. Жалкое обогащение, не сравнимое с наживой привилегированных, но много больше, чем ничего.

Теперь вернемся к началу. Почему так бездушно обходились со мной подавальщицы диетической столовой в Пятигорске? Я была неугодным клиентом. Чаевые — пустяк по сравнению с тем, чего ждет официантка от клиента желанного. Мне уготована роль — демонстрировать контраст. Действия белого халата, ведающего впуском в столовую, носили другой характер. Стратегия халата относилась к той же категории, что и стратегия кассира гостиницы Ташкентского аэропорта и начальника аэропорта в Турочаке. Цель — создать видимость дефицита. Я и мои спутники демонстрировали то, чего на самом деле не было,— превышение спроса над предложением. Одесские столы для шахматистов убивали одним ударом двух зайцев: канализовали обслуживание и демонстрировали дефицит. Никто из персонажей не переступал грани, отделяющей закон от беззакония. Невинность соблюдена, капитал приобретен. Ни малейшего стимула выражать недовольство режимом у людей, вовлеченных в сферу информационного рынка, нет и быть не может. Люди эти — не спекулянты, не взяточники, их рынок ничего общего с черным не имеет. Они спят спокойно. То, что их действия отбрасывают тень на жизнь всего общества,— им и померещиться не может.

Рынок натурального обмена информацией — явление не только экономическое, но и морально-этическое. Каждый становится жертвой его разлагающего влияния. Новые экономические отношения, в которые граждане вынуждены вступать, вносят свою долю в деморализацию обще-

ства, вместе с лживой пропагандой, вместе с философией, согласно которой цель оправдывает средства, а этика, как и научная истина, носит классовый характер. Свободный рынок информации — маленький добавок к ржавчине, разъедающей души людей Большой зоны, наряду с тайной слежкой, стукачеством, с жестокостью наказаний, со смертной казнью.

Отдаете ли вы себе отчет в том, что значит антисервис? Нет, не отдаете, если не жили там. Неугодного клиента надо не просто отстранить. Его надо уязвить. Зачем? Чтобы угодный оценил тот сервис, который ему оказан. Чем грубее отказ, полученный неугодным, тем выше цена услуг.— «Вам подавай одну мякоть, а другим — чтобы одни кости достались?» — обучает вас человеколюбию мясник, обвешивая вас на костях. Подобно гоголевскому Носу, антисервис уходит с того места, где он выполняет свою функцию, и жизнь переполняется взаимными оскорблениями, ссорами, драками, уж вовсе никакой функции не несущими, кроме разрядки, утверждения своего превосходства хоть когда-нибудь, хоть перед кем-нибудь.

А по улицам США гуляет оторвавшийся от своих корыстных корней сервис. Вы ищете дощечку с названием улицы, и тут же раздается привычное: «Can I help you?» А в Москве на Земляном валу, в сквере перед домом, где жил Эфроимсон и где я стояла, глядя на его окна,— специально пошла, только чтобы посмотреть,— пожилой человек мутно посмотрел на меня и сказал: — «А пошла-ка ты на...»,— точь-в-точь, как сосед-пожарник у меня дома, в коммунальной квартире...

Time pattern, распорядок действий официантки в столовой в Пятигорске, столы для шахматистов в Одессе, инцидент на аэродроме в Турочаке относятся к базису, служат целям повышения реальной заработной платы, а ее надо повышать, иначе не проживешь. Матерщина человека, прервавшего мое благоговейное созерцание в московском сквере, относится к надстройке.

Теперь вернемся к размышлениям об экономическом укладе Страны Советов. В утверждении, что уклад этот — государственный капитализм, содержится утверждение, что экономика Страны Советов не социалистическая. Это вредное и опасное заблуждение. Оно зиждется на романтической вере в социализм, в строй, лучше всякого другого соответствующий истинной природе человека.

От многих людей в США я слышу, что вот произойдет в США социалистическая революция, и американский социализм будет истинный, а общество будет переустроено на разумных началах. И я вижу этих людей стоящими в очереди за картошкой на колхозном рынке, где продаются излишки того, что ручным трудом добыто на приусадебных участках.

Социализм России — настоящий, единственно возможный, и никакого другого социализма в природе нет, не было и не будет. Единичное наблюдение? Да, единичное, но и тень, которую Земля отбрасывает на Луну,— единичное явление. Однако Аристотель знал, что Земля — шар, глядя на ее тень на Луне. Есть единичные явления, достоверность свидетельств которых не меньше достоверности статистически насыщенной совокупности явлений. Статичность заключена в них самих, они — интегрированные множества, как круг, как шар, как обреченные на страдания двести шестьдесят два миллиона советских граждан.

Рис. Н. ОЛЕШКО

В оформлении использована декоративная графика Р. БЕРГ

Из писем в редакцию

Еще раз о привилегиях

В решениях XVIII съезда КПСС говорится о ликвидации любых незаконных привилегий и льгот. Но, во-первых, что такое законные привилегии, во-вторых, смешаны в одну кучу привилегии и льготы. Хотя это и родственные понятия, но разные по существу.

В академическом словаре русского языка льготы трактуются как формы исключения из общих правил для отдельных категорий людей в силу специфических условий труда и жизни (специальное питание для работающих во вредных условиях), для инвалидов, детей, больных. А привилегии — категория сословных отношений — типичны, главным образом, для феодального общества. В словаре синонимов сказано следующее. Привилегия — «исключительное право государственного лица». Иначе говоря, привилегии распределяются в соответствии со служебным статусом или титулом.

Сталин преследовал вполне конкретную цель: с помощью угроз и привилегий воспитать послушный аппарат управления. Он этой цели добился: создал тоталитарную систему управления, в которой привилегии заняли основополагающее место. Итогом такой политики «кнута и пряника» явилась диктатура посредственности на всех уровнях, и сейчас мы больше всего страдаем от нехватки управленческого ума. Чтобы преодолеть эту нехватку, надо быстро разрушить всю систему номенклатурных привилегий. Номенклатура, по существу, никогда не была полезным кадровым инструментом.

Номенклатурный привилегированный слой сопротивляется любым решениям, которые представляют угрозу их власти (это видно по работе нашего парламента). В комиссии по ликвидации привилегий решают сложную задачу — как разделить их на законные и незаконные. Скажем, ездить министрам на «Чайках» стало незаконным, а вот на государственной «Волге» — пожалуйста.

В свое время С. М. Киров приучал к хорошей работе транспортных начальников Ленинграда тем, что принуждал их ездить к нему на прием к установленному часу на общественном транспорте.

Убежден: если лишить городских начальников персональных машин хотя бы на определенный срок, то городской общественный транспорт через 1—2 месяца преобразится. Возможно, и проблема остального дефицита решилась бы, если бы все руководители стали в общую очередь за благами. Конечно, человек быстро привыкает к жизненным удобствам и редко добровольно от них отказывается. Нужна принудительная сила в виде соответствующего закона. Хочется верить, что прогрессивное крыло народных депутатов сможет решить задачу по искоренению сословных привилегий — явления противоестественного для общества, пытающегося быть цивилизованным.

Г. БОЧКОВ,
Краснодар

Памяти ученого

Тимофей Павлович ТИМОФЕЕВСКИЙ

Есть горькая шутка. Ее смысл состоит в том, что у многих жизнь — это всего лишь черточка между датами рождения и смерти. Но, в похвалу роду человеческому, все же не всегда! Не только черточки, но и многие страницы, которые можно было бы написать в память и за упокой души Тимофея Павловича Тимофеевского, не могут дать адекватного представления о его трудной и полноценной 87-летней жизни и о его личности.

Тимофей Павлович был разносторонним специалистом. Почти всю жизнь он занимался организационными и техническими средствами управления. Но мог быть и инженером, и руководителем. Последние два десятилетия значительное время он посвящал методам активного обучения управлению. Этот его интерес и свел нас. В 1975 г. в Звенигороде проводилась первая советская школа по деловым играм. Одному из организаторов этой школы В. М. Ефимову удалось разыскать в Ленинграде М. М. Бирштейн — пионера этого направления (первая деловая игра была сконструирована и проведена в СССР в 1930 г.). И вот, поздним вечером «дня заезда», в комнатку оргкомитета вошли пожилые люди. Это были М. М. Бирштейн и Т. П. Тимофеевский. Они воспользовались электричкой, местным автобусом и от остановки прошли порядочный путь пешком... Это очень характерно для них — ни у кого не одалживаться, не искать привилегий и рассчитывать только на собственные силы. Надо ли говорить, что Тимофей Павлович стал одним из самых энергичных участников школы!

...В конце 20-х годов (ему тогда не было и 30) Тимофеевский стал организатором и руководителем группы пуска новостроек при Ленинградском инженерно-экономическом институте. Эта работа породила идею организационно-производственных испытаний, впоследствии названных деловыми играми. В 30-е годы он возглавляет секцию оргтехники в ленинградском отделе ВНИТОМАШ и участвует в создании книги «Оргатехника», изданной в 1940 г. И все это — на фоне того, что Тимофей Павлович — сын крупного военоначальника, «врага народа», от отца отречься отказался...

В начале Великой Отечественной войны Т. П. Тимофеевский формирует группу народного ополчения из инженеров и преподавателей вузов. Были созданы подвижные авторемонтные мастерские, занимающиеся восстановлением моторизованной военной техники. Разработаны и приняты на вооружение Краснознаменным Балтийским флотом минометные установки для мелких морских и речных судов («москитный флот»).

В 50-е годы Всесоюзный Совет научно-технических обществ выдвигает Тимофеевского на Ленинскую премию за проект шпалорезного цеха без рабочих. Но Комитету эта идея показалась фантастической.

В 60-е годы Тимофеевский возвращается к проблемам оргтехники. Он организует научно-техническое и производственное объединение «Ленэлектронмаш», которое и поныне создает и внедряет на объектах народного хозяйства страны сотни автоматизированных систем. Начиная с этого периода и до конца жизни, Тимофей Павлович — неутомимый организатор союзных и международных выставок по организационной, информационной и системотехнике.

В 70-х годах он принимает творческое участие в разработке АСУ опытного завода ВНИИ телевидения. Входит в совет ленинградского Клуба экономистов НИО СССР. С 1978 г. Тимофей Павлович — бессменный (действующий!) заместитель председателя оргкомитета девяти научно-технических школ-семинаров по методам активного обучения. До последних дней был он и членом научно-методического совета по активным методам обучения Госкомобразования СССР. Впрочем, всех постов и должностей его не перечислить.

Как сказал о нем профессор Лифшиц: «...самое поразительное в его работе было то, что он добивался объемных широкомасштабных свершений, не занимая высокого официального положения, покоряя людей силой и логикой мысли, заражая их своим примером. При этом он никогда не искал личных выгод, был совершенно бескорыстен».

Тимофей Павлович был прирожденным предпринимателем и организатором. Но только теперь (будем оптимистами) наступает время, дающее таким людям возможность развернуться в полную силу.

Ю. В. ГЕРОНИМУС, Л. И. КРЮКОВА

ГОРОД ПРЕДЪЯВЛЯЕТ СЧЕТ

Ю. М. МОРИН,
заведующий сектором НПО «Горсистемтехника»,
Киев

Приток желающих жить в Киеве регулируется недостаточно. За последние 18 лет 700 тыс. киевлян приехали из других городов или из сельской местности. Такой прирост населения не сопровождается гармоничным приростом достойного для человека жилья и социально-культурно-бытового шлейфа.

КРУГ ИНТЕРЕСОВ И РЕСУРСОВ

В будущем поток иногородних работников в города не иссякнет. С развитием товарных отношений, отменой полицейского паспортного режима и развитием рынка трудовых ресурсов всерьез встают вопросы социального проектирования.

В Киеве, как и в других городах, произошли некоторые позитивные сдвиги по регулированию стихийного процесса миграции. Создается система трудоустройства, переобучения и профориентации населения. Принято новое Положение о распределении и использовании в народном хозяйстве выпускников высших и средних специальных заведений на основе хозрасчетных отношений между вузами и предприятиями. Введена единая плата предприятий за специалиста — 3 тыс. руб., хотя действительная цена гораздо выше. Скоро будут введены договора — контракты между предприятием и молодыми специалистами с обозначением прав и обязанностей сторон.

Однако комплекс мер по социальному проектированию не решит всех экономических и социальных проблем, стоящих перед регионами. Возможности регулировать хозяйственные, социальные, экологические и демографические процессы на своей территории еще невелики. Экономические регуляторы немногочисленны и слабы.

При использовании трудовых и материальных ресурсов отраслевые организации, как правило, используют отраслевые нормы и нор-

мативы, среди которых значительное место занимают технически обоснованные и опытно-статистические нормы. Плановые комиссии городов пользуются синтетическими показателями нормативного развития региона. Однако показатели подобного типа не всегда достаточно обоснованы и систематизированы, не определен порядок их обновления и уточнения.

Все потребляемые городские ресурсы могут быть условно сгруппированы следующим образом:

1) природные: территория, вода (питьевая, хозяйственная), окружающая среда (вода, воздух, почва, флора, фауна);

2) инженерно-коммуникационные: дороги и транспортные средства, трубопроводы, воздуховоды, электросети, водопроводы, теплотрассы и т. д., средства связи;

3) энергетические: электроэнергия, тепловая энергия (водный агент, пар), топливо;

4) трудовые ресурсы;

5) социально-экономические ресурсы: жилье, культурно-просветительные учреждения, объекты здравоохранения, коммунального и бытового обслуживания, предприятия торговли и общественного питания, детские дошкольные учреждения, школы, спортивные сооружения, учреждения социального обеспечения, объекты санитарно-культурного назначения;

6) информационные ресурсы;

7) научно-технический потенциал.

Постоянное усложнение систем управления, повышение требований к их надежности и обоснованности, необходимость автоматизации процесса управления городским хозяйством вызывают поиск более совершенных методов и форм регламентации использования ресурсов города.

СКОЛЬКО СТОИТ НОВЫЙ РАБОТНИК?

В среднем введение одного рабочего места в промышленности страны стоит около 17,6 тыс. руб. По промышленности Киева оно составляет (без стоимости земельных участков) около 8,0 тыс. руб., в том числе для предприятий союзного подчинения — 6,9, союзно-республиканского — 10,6, республиканского — 3,4 и местных Советов — 12,3 тыс. руб.

Опыт развития крупных городов свидетельствует: привлечение тысячи иногородних работников увеличивает численность населения

за счет переезда членов семей еще на столько же и численности занятых в обслуживающей сфере — еще на 500—600 человек. Таким образом, общий минимальный рост населения при этом составит 2500 человек.

В Киеве со 2.01.87 г. за привлечение к работе по лимиту каждого иногороднего работника вносится в городской бюджет 12,4 тыс. руб. Этот размер платежей был установлен до разработки земельного кадастра, а также без учета затрат города на строительство и расширение объектов социальной инфраструктуры города. В других городах платежи значительно выше, например, в Липецке — 14,6 тыс. руб., Днепропетровске — 18,45, Риге — 20,0, Барнауле — 22,4 тыс. руб.

Введение платы за привлечение иногороднего работника, даже в размере 12,4 тыс. руб., уже значительно снизило прирост населения. На отдельных предприятиях потребность в дополнительных трудовых ресурсах оказалась в 2—3 раза ниже, чем намечалось первоначально. Например, производственное объединение «Большевик» просило разрешения привлечь 150 иногородних работников, но после соответствующих расчетов ограничились 80. За них было заплачено почти миллион рублей; 250 тыс. руб. заплатило производственное авиационное объединение, приняв на работу 20 иногородних работников вместо первоначально намечавшихся 250.

Естественно, привычка жить не задумываясь чуть не подвела и многие предприятия, например производственное объединение реле и автоматики, объединения по производству стройматериалов и «Киевский радиозавод», мотоциклетный завод и так далее. Некоторые из них пытались решить вопрос не мытьем, так катаньем — через свои министерства, ходоков в горисполком и другие инстанции. Однако, в конце концов, руководители переориентировались на изыскание внутренних резервов, укрепление контактов с киевским городским центром по трудоустройству, переобучению и профориентации населения, целенаправленное комплектование учащихся профтехучилищ выпускниками киевских школ и т. д.

Одновременно город получил и дополнительный источник финансирования своего развития. В 1988 г. в городской бюджет впервые поступило 7,5 млн руб. таких платежей. Они были направлены на развитие социальной инфраструктуры города — сети предприятий торговли и общественного питания, больниц, школ, детских садов. Причем некоторые предприятия и организации — объединение «Изумруд», Главречфлот Украины — заплатили валютой, которая пошла на приобретение оборудования для коммунального хозяйства.

ЗЕМЛЯ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Если мы не хотим только играть в хозрасчет, следовало бы более активно создавать экономический механизм, который бы делал невыгодным расточительство и порчу природных ресурсов города — атмосферы, водоемов и земли. И городских земель — в первую очередь.

Земля дороже золота. Эта мудрая крестьянская истина в наше время понимается буквально. Еще бы, в Нью-Йорке один квадратный фут земли (размером это меньше половины газетной страницы) стоит 2500 дол., а в Токио еще больше — 20 000 дол.

В целом земля в Японии тоже дороже, чем в США: стоимость территории Японского архипелага определена экспертами в 1638 триллионов иен, в Соединенных Штатах — 403 триллиона, хотя их площадь превышает японскую в 25 раз.

А сколько стоит земля нашей страны? Пока — нисколько. И поэтому с землей обращаются по-варварски. Принятый Закон о земле должен изменить ситуацию. Особенно остро данный вопрос стоит в крупных городах, которые, разбухая под давлением отраслевых министерств и ведомств, превращаются в городские агломерации, постоянно стремящиеся перешагнуть городскую черту. А всегда ли это оправдано? Не является ли это следствием того, что земля не имела цены?

По нормативам иркутского филиала Гипрозема, предприятие в случае отвода ему колхозных земель должно, как минимум, платить по 74 тыс. руб. за гектар. Эта сумма состоит из стоимости продукции, которую можно было бы получить с данного гектара за сто лет — время жизни четырех поколений людей и время восстановления гумуса.

При отводе городских территорий критерии оценки ее ценности будут несколько иные: размер города, определяющий размер произведенных в прошлом капитальных вложений; функциональная ориентация города и его народнохозяйственная значимость, обеспеченность города резервными территориями; развитие социально-культурного и бытового обслуживания населения.

Отраслевые министерства стремятся создавать предприятия в пределах крупных городских промышленных комплексов, где высок уровень прошлых затрат. При размещении новых объектов в крупном городе сокращаются расходы на инженерные сооружения, объекты социально-культурного и бытового назначения. Но такая «экономия» — сугубо отраслевая, а не народнохозяйственная, ибо государству (за

счет местных Советов) все равно приходится нести дополнительные затраты по обеспечению предприятий водой, электроэнергией, теплом и т. д.

Отрасль ведет себя как транснациональная компания, если речь идет о выборе места строительства нового предприятия — в городе с населением менее 10 тыс. жителей, где прошлые затраты на 1 га территории составляют несколько десятков тысяч рублей, или в крупном городе, где они достигают 200 тыс. руб.

Отрасли желают создавать предприятия в пределах города в значительной мере из-за отсутствия компенсационной системы выплат. Строительство завода тяжелого машиностроения с выпуском продукции в объеме 250 тыс. т в год означает дополнительное привлечение около 30 тыс. чел., изъятие 300 га земли, увеличение водопотребления на 30 тыс. куб. м в сутки; а обувной фабрики, производящей 11 млн пар в год — 6 тыс. чел., 3,4 га и 0,1 тыс. куб. м в год.

Платежи за пользование городскими землями представляют собой экономические нормативы длительного действия, через которые должна изыматься городская дифференциальная рента — дополнительный доход, возникающий у предприятий вследствие их расположения на территориях с более высокой градостроительной ценностью. Дополнительные доходы изымаются с помощью разовых платежей, имеющих компенсационный характер и взимаемых при размещении новых предприятий, а также очередных ежегодных платежей рентного характера, устанавливаемых при долгосрочной аренде предприятиями и при краткосрочной аренде строительными организациями в зависимости от местонахождения землепользователя в городе. Разовые компенсационные платежи введены с 1.01.89 г. для использования при определении долевого участия строящихся и реконструируемых предприятий и организаций в развитии социальной сферы города.

Ставки разовых платежей устанавливаются на срок реализации генерального плана (20 лет) и могут корректироваться каждые пять лет. Ежегодные рентные платежи предлагается ввести с 1.01.91 г., после доведения до предприятий долговременных нормативов на 13-ю пятилетку.

Это позволит, помимо изъятия дополнительного дохода, возникающего у предприятий не за счет трудовых усилий, а благодаря расположению на территориях более высокой ценности, рациональнее размещать объекты различного назначения. Например, перевести из центральной части города промышленные и складские объекты, мастерские и т. д. в более подходящие для них районы, а при распространении рентных платежей на другие организации и учреждения — переместить различные конторы и ведомства из помещений,

представляющих архитектурную или историческую ценность, в обычные здания.

Необходимо более последовательно ориентироваться на превращение Киева в город точного машиностроения и ресурсосберегающих производств. В частности, приоритетом при определении размера платежей должны пользоваться показатели профильности предприятий и организаций для города, технической вооруженности, наукоемкости и социальной значимости.

РВЕМСЯ В ТУЗЫ, НЕ УСВОИВ АЗЫ

В. СОБОЛЕВ, И. СОБОЛЕВ,
кандидаты экономических наук,

Н. КАСЬЯНЕНКО,
инженер-экономист,
Днепропетровск

На металлургическом заводе имени Петровского мартеновцы варят каждую тонну стали дешевле, чем их соседи, конверторщики. К тому же снижают свои издержки, в то время как в конверторном цехе себестоимость растет. И вот вместо, казалось бы, естественного поощрения экономно работающих мартеновцев, конверторщики в течение целого года получали премии в 2 раза большие, чем у мартеновцев!

Получают хорошие премии на этом заводе и руководители нового прокатного цеха, загнавшего завод в «долговую яму». В этом цехе себестоимость проката в 1,5 раза выше, чем в старом! Миллионные убытки — вот «подарок» заводу и обществу от этой технической нови.

Аналогичная картина и с премированием ремонтников. Удельные ремонтные затраты (затраты на рубль реализованной продукции) растут, но оказывается, растут и премии ИТР ремонтной службы завода.

Итак, в самом «низу», на цеховом уровне, управляют далеко не лучшим способом. Даже «азы» экономики не усвоены там, где закладывается основа государственного благополучия. Системы стимулирования иногда просто поощряют рост издержек!

Поднимемся на ступеньку выше. Отраслевой хозрасчет — наша надежда на лучшее. Почему она — эта надежда — до сих пор призрачна? По бумаге задумано так: предприятия в погоне за прибылью будут снижать свои расходы, а им за это (за «погоню») посыплются вознаграждения в так называемые фонды предприятия. Из фондов же денежки могут быть использованы заводами и фабриками на собственные нужды. Здесь и премии, и надбавки к окладам, здесь и новое строительство — от детских яслей до новых цехов. Все

«гладко на бумаге». Однако в основе отраслевых положений о хозрасчете — те самые «овраги, по которым ходить». Вот они.

Увеличивать прибыль, не пошевельнув при этом пальцем, можно и за счет цен — привычное увеличение. Этот метод довольно широко используется не только кооператорами или на рынке. Второй «овраг» — «вымывание» дешевых вещей из заводского ассортимента продукции. Сколько там прибыли получишь на продаже копеечных и даже рублевых изделий? И третий, более глубокий «овраг». Наращивая выпуск изделий, мы можем получить больше прибыли, чем ее было, даже несмотря на рост собственных издержек. Лишь бы рост объемов производства опережал рост затрат.

Авторы отраслевого хозрасчета думают спасти нашу экономику по-прежнему с помощью Его величества вала. Увеличение выпуска продукции как самоцель — во всем. Помимо непосредственной связи с объемом прибыли «вал» сидит в показателе так называемого «роста производительности труда» (целый фонд отдан на откуп ему!). Чем больше товара «на одну среднюю голову» работающих, тем выше «рост производительности труда» — свидетельство убожества нашей мысли (что будем делать-то при безлюдной технологии?). А ведь из этого фонда — квартиры, ясли, детские садики и прочие «соцкультурные» блага.

Такое же и с не менее важным фондом заработной платы. Чем больше «вал», тем больше шансов повышать оклады и заработки. И фонд премирования в основном также пополняется в случае роста объемов производства.

Такая же картина и с условиями непосредственного премирования работников предприятия. Десятки громких, весомых условий и только одно стоит на страже экономики, которая не должна быть расточительной! Но именно к расточительству зовут как отраслевые положения о хозрасчете, так и инициатива на предприятиях.

Победителем среди сталеплавильных цехов Министерства черной металлургии страны не раз в эти годы был конверторный цех металлургического комбината имени Дзержинского (Днепродзержинск). За что столь высокая честь? За выполнение графика выплавки стали, за выплавку сверх задания, за экономию металлошихты, топлива, электроэнергии, за снижение себестоимости стали. Кто же лучший в экономике? Тот, кто выполнил график, или тот, у кого самые низкие затраты? Ведь выплавлять сталь мы, пожалуй, научились. Сегодня этого добра у нас столько, сколько чуть ли не во всей Европе. Убыточный цех — победитель!

В «побежденном» же мартеновском цехе металлургического комбината «Запорожсталь» тонна такой же стали выплавляется с издержками на 34 (!) руб. меньшими, чем у «победителя».

Может быть, территориальные органы управления являют собой образец умелой организации соревнования? Увы, не являют. Достаточно лишь взглянуть на нашу областную Доску почета, чтобы убедиться в этом. Там 48 победителей. Бывает ли в году 48 чемпионов страны, скажем, по футболу или хоккею? Очевидно, нет. Есть чемпионы «золотые», есть «серебряные», есть «бронзовые». В искусстве называют лучшего исполнителя или лучшее произведение. Но вот аж 48 победителей-«чемпионов» в экономике одной области — не много ли?

Желтые Воды — город-победитель, как и Кривой Рог. По удельным затратам он не лучший, хотя его товар даже по общим затратам — рентабельный. Но увеличились общие затраты в сравнении с годом 1985-м. Не лучше и у главного областного образца для подражания — Кривого Рога. Продавая на рубль, предприятия этого города в среднем расходуют около 120 коп.! Экономным такой город трудно назвать, тем более что в Днепропетровске проданный рубль приносил почти три копейки дохода.

Правда, криворожцы могут гордиться тем, что они понизили свои затраты. Это несомненный успех. Но и Днепропетровск, и чуть меньше убыточный, чем Кривой Рог, Днепродзержинск также понизил расходы. Тем более что темпы сокращения удельных затрат у промышленных предприятий Павлограда более чем в 4 (!) раза выше, чем у победителя, да и удельные затраты здесь ниже, чем в Кривом Роге. Однако всем городам области далеко до Новомосковска. Почти 11 коп. действительной прибыли на каждом проданном рубле и темпы снижения такие же, как в Кривом Роге.

Еще хуже обстоят дела с предприятиями, попавшими на областной Олимп. Здесь — что ни «передовик», то транжира. Вот список таких транжир из числа «победителей». Днепропетровский коксохимический завод имени Калинина, Днепропетровский комбайновый завод, Днепропетровский кислородный, СевГОК, ПО «Кривбассрудоремонт». Есть и предприятия-банкроты — тот же комбинат «Криворожсталь» (полные издержки — 109,9 коп. на рубль реализованной продукции).

Если считать все затраты, то из 251 обследованных промышленных предприятий области 95 (38 %) — банкроты, они тратят больше средств, чем выручают от продажи. Вот как мы «умеем» учитывать расходы! Ведь привычно сравнивая свои текущие затраты (т. е. себестоимость), мы считаем, что убыточных в нашей области 4—4,5 % (по стране — 13—15 %). Однако самое печальное то, что 90 (36 %) предприятий увеличили свои расходы. Не сократили, а увеличили, нанеся ущерб только за год более чем в 120 млн руб.! Только за один год, будь эти деньги, выброшеннные на ветер, да использованы

для строительства жилья — отпраздновали бы новоселье в области свыше 53,5 тыс. новоселов!

Мы забыли упомянуть, что на областной Доске почета победителем назван и финансовый отдел облисполкома. Это тот самый орган, который, по мыслям В. И. Ленина, и должен контролировать экономику предприятий, не допускать скатывание их к убыточности. Пожалуй, рановато осыпать знаками признательности наших финансистов.

Нынче как-то потеряли мы интерес к «серому», «будничному» уменью управлять, хозяйствовать. Разговорившись после десятков лет немоты, мы решили, что то самое, ради чего трудимся, а именно: одежда, пища и жилье — придут теперь не в результате самосовершенствования, а путем политических преобразований. Напрасны ожидания. Никакие даже «р-р-е-волюционные» преобразования не заменят нам высокого искусства управления, хозяйствования. С такими знаниями экономики, какими мы «блещем» сегодня, никакой, даже иной строй не поможет.

Что же нужно для того, чтобы быстро овладеть хотя бы азами управления нашей несчастной экономикой?

Два условия. Прежде всего — поставить во главу угла удельные затраты и темпы их сокращения. Что сулит подобное? Промышленность в значительной мере избавится от пороков показателя прибыли, ее массы, толкающего предприятия на поиск решений, идущих вразрез с интересами общества («вымывание» дешевых изделий, снижение рентабельности в угоду массе прибыли и др.). Усилия предприятий сосредоточатся только на снижении издержек. Естественно, что в результате исчезнут предприятия-транжиры, прекратятся бесполезные затраты.

И второе, к сожалению, требующее детализации. Общепризнано, что успех всегда зависит от подбора кадров. Чем талантливее руководитель, тем успешнее решается проблема. Но оказывается, что одним подбором людей проблемы прогресса не решить. Нужен еще и отсев худших («прополка» — как иногда называют такой отсев). Причем отсев, замена худших — решающее условие процветания, прогресса. Нет его — деградация обеспечена, несмотря ни на что.

Наши экономисты стремятся позаимствовать у Запада в первую очередь почему-то не основу, не причины, а инструментарий, надеясь при этом на получение аналогичных результатов. Главное в конкуренции — не материальная заинтересованность, не собственность на средства производства, а отсев худших. Из 49 мультимиллиардеров США, по сведениям «АиФ», за 35 лет в этой экстра-группе осталось лишь двое! Остальные пропустили вперед более способных делать бизнес.

Сравнивая районы, города, а внутри них предприятия по удельным затратам и темпам сокращения последних, всегда можно установить, кого нужно поощрять, славить, и кто, напротив, должен уйти, уступить свое место. Только заменяя, вернее, отсеивая, избавляясь от услуг малокомпетентных и поощряя таланты, мы добьемся так долго ожидаемого прогресса во всем.

Механизм управления, выходит, чрезвычайно прост (отсеивает худших и поощряет лучших). Но эта простота нуждается в безошибочном определении «кто есть кто». Для этого нам следует прежде всего научиться считать затраты, избавиться от унижающего нас измерителя — роста производительности труда, присмотреться к прибыли, выбросить из положений о хозрасчете все то, что не связано с экономией, т. е. с удельными затратами и темпами их изменения. Всевозможные «успехи» или «неудачи» должны лишь отражаться в затратах, но не быть мерилом для оценки.

Это азы экономики. Но, как уже было сказано, есть в ней (экономике) и своя «теория относительности», овладение тайнами которой может вскружить голову любому. Сегодня, до овладения азами, просто не ко времени начинать разговор о «высших тайнах экономики». Придет время — присмотримся и к ним, этим тайнам. Сегодня же нужны азы, нужны, чтобы появилось то самое изобилие, о котором мечтали наши отцы и деды в 1917 г. и которого заждались мы и наши дети.

Поражают своими успехами наши шахтеры, представители того производства, которое непрерывно «углубляется» и, следовательно, «обязательно», по мнению некоторых специалистов, ухудшает свою экономику. Оказывается, такое не обязательно. ПО «Павлоградуголь» на 23,8 % снизило свои удельные затраты! Обществу сэкономлено 106,4 млн руб. (одно объединение чуть-чуть не погасило убыток всех областных транжир)! Снижает издержки и старейшее в стране объединение рудокопов — «Кривбассруда».

Ведь наша область — край железной и марганцевой руд, чугуна, стали, проката. Так вот, среди предприятий «большой металлургии» (рудники, ГОКи, заводы полного цикла) нет ни одного, кто не был бы иждивенцем у общества. У всех расходуется больше ресурсов, чем выручается средств!

Среди передельных заводов одно металлургическое предприятие в Днепропетровске (завод имени Коминтерна), одно в Никополе (завод ферросплавов) и одно в Новомосковске (трубный завод) — еще сводят концы с концами.

И немудрено, ибо в металлургии уже десятилетиями — как новый цех, так «оглушающая» стоимость сооружения такой нови. А отсюда и высокие издержки. Так было на «Криворожстали» (домна

№ 9 стоила столько, сколько стоит сегодня целый металлургический завод имени Петровского), на заводе имени Дзержинского, на той же «Петровке».

Металлурги постепенно заменяют даровой лом (лом — на свалку или на экспорт) дорогим чугуном. Наши же добрые, но, извините, наивные защитники природы все стремятся очистить атмосферу от копоти, а землю и воды уберечь от загрязнения отходами. Слишком дорогое и малоперспективное занятие! Не очищать дымы и отходы, а не производить их — вот иной путь, не строить предприятий, цехов-расточителей ресурсов, ибо за ними тянется целая цепь заводов-поставщиков таких ресурсов, изделий. Изделий не для человека непосредственно, а для все тех же машин, агрегатов, цехов.

Используй мы в сталеплавлении вместо чугуна металлический лом, отбросы, утиль, чем покрыта уже вся наша земля,— закроются вместе со своими дымящими трубами и очистными дорогостоящими сооружениями электростанции, угольные и рудные шахты, горно-обогатительные комбинаты, агломерационные фабрики, доменные цехи! А машиностроительные заводы, снабжающие их оборудованием и запасными частями, станут выпускать для нужд человека все то, что ему необходимо. Вот что нам мешает стать богатым, а не отсутствие «базаров» основных средств и прочих иных признаков «рыночного социализма»— новой иконы наших легкомысленных экономистов.

В первую очередь мы должны отдать дань уважения тем, на чьи средства мы существуем и развиваемся. Речь идет о тех предприятиях, где доход от продажи не только покрывает общественные издержки, но и приносит весомую прибыль. Чтобы в какой-то мере устранить влияние цен, остановимся на предприятиях только союзного подчинения, где «хозяин» цен один и тот же — Госкомцен.

В Кривом Роге это электрозавод — действительная прибыль на каждом рубле его продукции 19,4 коп. В Павлограде завод «Химмаш» дарит нам 14,9 коп. прибыли соответственно на каждом рубле. В Днепродзержинске (город предприятий-банкротов) одно из двух только и рентабельных предприятий союзного подчинения — завод «Днепрохимэнерго», действительно образец для подражания — 45,18 коп. прибыли на каждом рубле!

В Днепропетровске среди высокорентабельных предприятий союзного подчинения следует назвать: ПО по вычислительной технике и информатике (прибыль — 60,88 коп.), центр по техническому обслуживанию станков с программным управлением (50,15 коп.), ПО «Вторцветмет» (30,06 коп.), завод газовой аппартуры (26,07 коп.).

Среди городов области самый рентабельный — Новомосковск: на каждом рубле проданных изделий и услуг — 10,9 коп. прибыли!

И это в условиях «затратного механизма», отсутствия «базаров» основных средств, в условиях отраслевого монополизма, без «свободно конвертируемых рублей» и даже в условиях (страшно только подумать) общественной собственности на средства производства.

Суммируем. Если «рыночный социализм» требует помимо политического переустройства еще и усилий всей страны для проведения экономической реформы, основные положения которой пока что не видны, то наши предложения могут быть осуществлены в результате даже местных инициатив.

Для этого следует лишь... направить общие усилия на сокращение издержек! Это цель. С помощью же средств, т. е. удельных затрат и темпов их сокращения в сочетании с заменой, отсевом худших — можно будет и повернуть производство к экономике, не ожидая общесоюзных решений. Кому-то все-таки следует проявить инициативу?

СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ — НА ХОЗРАСЧЕТ

«круглый стол» ЭКО

Широко известна бедность сельсоветов, райисполкомов, горисполкомов. Часто они ходят с протянутой рукой, вымаливая средства для того, чтобы гражданам на их территориях жилось лучше. Между тем эти органы по статусу своему — государственная власть, имеющая право принимать свои территориальные законы, устанавливать любые местные налоги, налагать любые штрафы, производить любые «поборы». При поддержке и с согласия, естественно, Советов народных депутатов. Известно и то, что местные органы власти во многих странах не испытывают недостатка в наличных деньгах и доходах разного рода.

Видимо, поэтому ведущий «круглого стола», заместитель главного редактора ЭКО, кандидат экономических наук Ю. П. Воронов был озадачен, когда первый его вопрос вызвал некоторое замешательство среди участников:

ЭКО: — **Какие новые налоги действуют в сибирских городах?**

Реплики: — А мы не имеем права их вводить... Такие же, как везде... Верховный Совет затягивает...

«ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ»

Самостоятельность местных Советов «спас» заместитель председателя **горисполкома** А. С. Овчаров, Кемерово: — Полтора года назад **мы ввели новые** платы в городской бюджет, не называя их штрафами или налогами. Из депутатов городского Совета 450 приняли первый пакет решений. «Против» были всего два депутата, мы не ожидали такой поддержки. Речь шла прежде всего о плате за выбросы в воду бассейна реки Томи и в воздух, а также о дорогах, мостах и пешеходных переходах. В городском бюджете на эти цели предусмотрено было всего 4 млн руб. Сумма мизерная. И еще добывали на предприятиях до 15—20 млн руб.

ЭКО: — **Каким способом!**

А. С. ОВЧАРОВ: — Принималось совместное решение бюро горкома и горисполкома, а затем давили. Или просили. Или некоторые предприятия добровольно вносили деньги. Естественно, после Закона о госпредприятии стало меньше возможностей получать средства таким способом. А городу надо как-то жить и в новых условиях. Подсчитали, сколько же мы в городе получаем доходов. Никогда этого не делали раньше, потому что жизнь от нас этого не требовала. Выяснилось, что на территории города получаем 950 млн руб. прибыли и разных других платежей. Тратил же город (городской бюджет, фонды предприятия, другие источники) 450—500 млн руб. Остальные деньги уходили в вышестоящие бюджеты, инстанции. Это несправедливо. Вот мы и ввели дополнительные платежи в пользу города.

Реплика: — Но ведь это незаконно.

А. С. ОВЧАРОВ: — Это совершенно законные действия. В любом законе, где слабо учтены интересы местных Советов, даже в Законе о госпредприятии записано, что предприятие обязано принимать участие в социально-экономическом развитии территории. И этого в принципе достаточно, а дальше пошли закон о Совете народных депутатов, два-три партийно-правительственных постановления... Все они позволяют нам такие решения принимать.

ЭКО: — **И не только платежи за всякие выбросы. В некоторых областях отчисляют деньги на содержание милиции, на расширение ее личного состава.**

А. С. ОВЧАРОВ: — Мы в Кемерове тоже пошли на такой шаг — создали новую милицию, не называя ее муниципальной. Она входит в состав МВД, но содержится за счет средств предприятий. Это — 300 человек. И предприятия добровольно вносят деньги. За счет этих же средств приобрели технику (прежде всего автомобили, видеоап-

паратуру) через предприятия, торгующие с Японией. Проблема обеспеченности милиции, конечно, осталась, но не такая острая, как раньше.

ЭКО: — И, конечно, у вас есть плата за трудовые ресурсы. В Москве некоторые специалисты предлагают брать за каждого нового работника налог 100 тыс. руб.

А. С. ОВЧАРОВ: — У нас плата за трудовые ресурсы берется только с тех, кто содержит сверхлимитную численность. Нам предоставлено право согласовывать эту численность. Кроме этого права, никакого механизма для регулирования нет. За «лишнего» человека получаем почти 40 тыс. руб.

А. А. ВИНОГРАДОВА, **заместитель председателя горисполкома, Якутск:** — Мы тоже приняли решение о такой плате. Но не знаю, как практически к его выполнению приступить. Многие предприятия не согласовывают с нами численность. Как вы добились, что они ходят и согласовывают?

А. С. ОВЧАРОВ: — Не все и у нас ходят. Но я не сказал про существенный момент: все такие платы не вносятся добровольно. Финансовый отдел имеет право снимать деньги безакцептно. И снимаем деньги, иногда без согласия предприятий.

Реплика: — Повторяю, это незаконно, и есть органы, которые могут защищать предприятия.

А. С. ОВЧАРОВ: — Были обращения по этому поводу во все прокуратуры, начиная с городской. Но пока удается доказывать, что эти действия законные. Никто наших решений не отменил. При рассмотрении хода выполнения постановления Совета Министров по Кемерово даже одобрили экологические платы.

Ф. М. БОРОДКИН, **доктор экономических наук, вице-президент Ассоциации сибирских городов, Новосибирск:** — Анатолий Сергеевич Овчаров из Кемерова не все рассказал. У них выбросы не ограничиваются. Выбрасывайте, сколько хотите, только платите. В прошлом году впервые за много лет замерзла местная речка, раньше по ней жир полз. Они по решению облсовета стали изымать платежи в бесспорном порядке со счетов предприятий. Предприятия обратились с жалобой к Генеральному прокурору СССР, тот — к областному прокурору, а он ответил, что было решение облсовета. Генеральный прокурор сказал: «Как они решили, так и будет». С этого момента и пошло. Тогда считали это незаконным, теперь считают, что все законно. Прокуратура закрыла разбор всех жалоб на «самоуправство» горисполкома.

ЭКО: — Долго ли готовились к введению платежей? Ведь все нужно обосновать, рассчитать.

В. Г. КОПТЕЛОВ, **заведующий отделом горисполкома, Кемерово:** — Чуть больше четырех лет. При Политехническом институте создали

СКТБ «Природа», которое потом стало самостоятельным. Одно из крупнейших химических объединений финансировало примерно по 1 млн в год. В СКТБ написали шесть томов. Данные проанализировали на машине. И так был установлен взнос в зависимости от ингредиентов, выбросов, направления ветров, концентрации и т. д. Или внедряй мероприятия, или вноси плату за то, что сбрасываешь вверх или вниз. Например, плату за выбросы в воздух берем по 13 ингредиентам.

Г. Я. ЦИБИН, **заместитель председателя горисполкома, Мегион Тюменской обл.:** — А не индульгенция ли эти ваши платы? Плати — и продолжай выбрасывать!

В. Г. КОПТЕЛОВ: — Плата значительная: в 1989 г. собрали около 30 млн руб. Причем эти средства расходуются строго целевым порядком, только сессия горсовета может решить, сколько брать и куда расходовать.

ЭКО: — **Предприятиям выгодно или невыгодно платить?**

А. С. ОВЧАРОВ: — Конечно, выгодно. Из суммы этих плат одному из предприятий дали возможность построить очистные сооружения. Своих денег оно не смогло найти.

Г. Я. ЦИБИН: — А стало ли чище в Кемерове?

А. С. ОВЧАРОВ: — Судите сами: в 1988 г. стационарные источники выбрасывали 170 тыс. т, в 1989 г.— 110.

ЭКО: — **Куда зачисляют экологические штрафы, ведь в местный бюджет эти деньги не идут?**

А. С. ОВЧАРОВ: — Эти деньги ни в коем случае нельзя зачислять в местный бюджет. Как только они туда попадут, на следующий год мы их уже не получим. Зачисляем в фонд дополнительных финансовых ресурсов.

А. А. ВИНОГРАДОВА: — По положению эти деньги должны отчисляться природоохранным учреждениям. В Якутске тоже взимаем, но 50 % идет в республиканское общество охраны природы и 50 — в городское общество, а в фонд развития города ни рубля не попадает, хотя исполком утвердил нормативы за загрязнение окружающей среды.

А. С. ОВЧАРОВ: — Все 100 % экологических платежей идут в фонд дополнительных финансовых ресурсов горисполкома.

Реплика: — Ведь инструкция типовая есть.

А. С. ОВЧАРОВ: — Инструкции нет, есть методика, не утвержденная, но согласованная с Госпланом СССР и Госкомприродой, по выбросам в воздух, а методика по выбросам в воду — утвержденная. Ею мы и пользовались.

А. П. БУТАКОВ, **заместитель председателя горисполкома, Ангарск Иркутской обл.:** — Сейчас нет безотходных технологий, в частности у ТЭЦ есть предельно-допустимые концентрации (ПДК) выбросов. Вы

взимаете у них из доходной части, но город заинтересован в развитии ТЭЦ, значит, увеличивается и количество выбросов. То есть город берет и за развитие мощностей (за счет прибыли), и плату за загрязнения. Так как быть руководителю ТЭЦ, как и любому другому руководителю?

А. С. ОВЧАРОВ: — Город заинтересован в развитии ТЭЦ. Мы взяли с них деньги, но когда выяснилось, что ТЭЦ разваливаются, мы им деньги вернули. Хотя и принято решение о взимании платы. Пошли другим путем — добились снижения зольности, т. е. и уменьшения выбросов. Была зольность 24—26 %, теперь не более 17... Откуда будет предприятие эти деньги платить, это не наше дело. Нет своих денег — возьмите кредит. Возьмите в министерстве. Где хотите, там и берите. Нас это не волнует, любые деньги нас устраивают.

ПРОТИВОЯДИЕ ПРОТИВ ЯДА ЦЕНТРАЛИЗМА

ЭКО: — **Из кемеровского опыта ясно главное — каждому городу надо искать и находить свои дополнительные источники доходов. Послушаем, как это происходит в Новосибирске.**

И. И. ИНДИНОК, **президент Ассоциации сибирских городов, председатель горисполкома, Новосибирск:** — У моих коллег, мэров американских городов-побратимов, бюджет формируется так: одна треть — из федерального бюджета, треть — налоги и треть — всевозможные поборы. В бюджете Новосибирска дефицит — 26 млн руб. Надо чем-то покрывать, а директора предприятий говорят: «Мы перешли на хозрасчет и ничего сделать не можем, совет трудового коллектива запретил...»

Между тем территориальные проблемы надо решать, но денег нет. Наша трагедия в том, что все бесплатно. То, что дешево дается, то не ценится. А платить надо за все друг другу. И вот мы, учитывая отечественный и зарубежный опыт, начинаем вводить платы. Проблема в том, что я заплатил и продолжаю травить воздух, воду, птиц, людей. Плачу не из своего кармана.

Какие платы имеем право устанавливать, а какие не имеем? У нас есть административный кодекс, и там написано, что имеешь право взять пятерку с гражданина за гараж, который он установил в неотведенном для этого месте. Мы теперь будем брать плату за услуги, оказанные тому, кто нарушил: перенесем его гараж в другое место.

Плату за нового работника мы установили 22 тыс. руб., насчитав 30 тыс...

Г. Н. МОСТОВЩИКОВА, **председатель горисполкома, Кяхта Бурятской АССР:** — И в Кемерове, и в Новосибирске пытаются применить

финансово-экономические методы, а я думаю, что могут быть и чисто административные. С каждого нового жителя я беру расписку, что он не будет иметь жилищных претензий, и лишь после этого человек может прописаться. Подхожу индивидуально: с кого-то можно взять, с кого-то нет.

И. И. ИНДИНОК: — Я считаю, что прописки не должно быть. Но при одном условии: забота о жилье должна стать личным делом каждого, а не исполкома или местных Советов. Вот мне говорят: «В этом году приехало 500 инвалидов войн». Я сразу мрачнею: вся очередь на жилье сдвигается. Или такая проблема. Цементный институт привозит из Красноярска 150 специалистов и появляется ВНИИцементпроект. Мне все равно, НИИ или ГНИИ, но 150 человек надо обеспечить жильем, теплом, дорогами, школами.

Я сопротивляюсь всеми силами, чтобы Новосибирск не разбухал больше. Он и так трещит. Местные Советы бессильны что-либо решить. И начинаем идти путем налогов, платежей. Никакой градации прав, обязанностей и ответственности нет. Где начинаются права и обязанности местных Советов, где — коллективов, предприятий, организаций и отдельных граждан? Оказалось, что не так просто ввести новые налоги и платежи.

В Новосибирске создан комитет по борьбе с преступностью. Набирали туда не функционеров, а по территориальному принципу: часть руководителей предприятий, часть председателей трудовых коллективов, часть профсоюзных деятелей. Они внесли предложение — давайте будем отчислять по 3—5 руб. с работающего на содержание милиции.

Нас пытаются обвинить в том, что мы много берем отчислений с долевиков. Мы брали 50 %, сейчас берем 60 %. Министр говорит: невыгодно строить. Секретарь обкома партии отвечает: «Давайте посчитаем. На ваших предприятиях работают 60 тыс. человек, я умножаю на четыре, потому что нужен обслуживающий персонал для ваших работников, так как у них есть семьи. И получается 240 тыс. человек. Город! Вот и стройте свой город!»

Наша система, когда все забирают наверх и сверху распределяют, заставляет искать противоядие на этот яд.

Г. Я. ЦИБИН: — И мы выкручиваемся так же, как все. И свободных денег в горисполкоме нет. Рассчитали норматив платы за новых работников, он у нас получился 25—27 тыс. руб. Но мне непонятно, что значит платить за приезжающего? Предприятие заплатило за все его удобства-блага. Он где-то живет в общежитии. И будет ждать жилье, и неизвестно, дождется ли того, за что уже заплачено. Обоснованность этих платежей для меня сомнительна. Да и толку от них немного: у нас эти платежи не действуют.

ЭКО: — **Безусловно, нет похожих городов. А нам кажется, что могут быть единые для всех налоги и платежи. Какова точка зрения руководителей молодых тюменских городов на реальное положение!**

Г. Я. ЦИБИН: — Удивляюсь оптимизму товарищей из Кемерова. Как смогли кемеровчане 30 млн руб., четверть своего бюджета, получить из этих отчислений? У нас это дело не пошло. Все утонуло в словопрениях, судили-рядили, но так ни к каким нормативам и не пришли. Мы договариваемся с руководителями предприятий о целевых взносах. Не просто взнос, а на определенную цель. И мы реализуем эти средства. А по регулированию численности единственный рычаг — административный. Правовой базы пока нет. В Законе о госпредприятии сказано, что предприятие строит отношения с исполкомом на договорной основе, и все. Никакое наше предприятие не подписывает договор, где предусмотрены отчисления с его банковского счета. Все хотят распоряжаться своими деньгами сами, и никто их никогда не отдаст. Сегодня я приветствую то, что в Кемерове и Новосибирске хороший источник пополнения наших тощих дефицитных бюджетов. Эти деньги очень нужны, но не у всех все получается. И все же это пока самодеятельность.

Н. А. ЛУКЬЯНОВА, **заместитель председателя горисполкома, Ноябрьск Тюменской обл.:** — Мы тоже пока работаем на административных началах, и нам кое-что удалось. Если в город в 1986 г. приезжало 17 тыс. человек, то сегодня — до 6—7 тыс. У нас существует система приглашений. Приглашение означает, что человек получает и прописку, и жилье. Нам удалось сделать программу по сносу ветхого жилья. Если предприятие не выполняет ее, то лишается права приглашать новых людей. Что касается платежей, я смотрела практику в Томске, там это тоже не пошло. Единственная реальная возможность — целевые программы. Мы договариваемся на уровне первых руководителей предприятий. Три этапа встреч: с первыми руководителями, руководителями СТК и руководителями экономических служб. Метод убеждения. Допустим, мы решили увеличить расходы на питание больных. Или приобрести компьютеры для школ. Считаем, сколько получается на одного работающего. И привлекаем средства на внебюджетный счет. Не все получается. Самостоятельные предприятия дают, а с убыточных — что взять?!

ЭКО: — **В некоторых городах пытаются дифференцировать подобные взносы в зависимости от вклада предприятия в городские дела...**

Н. А. ЛУКЬЯНОВА: — Мы от этого и пошли. В северных городах есть генеральные застройщики — единые заказчики по строительству города. Содержание города «висит» на них. Остальные — нахлебники. У кого деньги, тот и хозяин. Было решение сессии — привлечь всех.

А. А. ВИНОГРАДОВА: —У нас разработаны в расчете до 2000 г. временные нормативы социальной инфраструктуры города — 1275 руб. на одного работающего, на 1990 г.— 491 руб. А когда мы эти нормативы начали внедрять, обнаружили, что нет ни одного законодательного акта. Только 74-я инструкция Минфина, да и то единственная. Начало инструкции дает право исключить плату из фактической прибыли. Поэтому необходим какой-то законодательный акт для местных Советов. И к тому же сейчас некому заниматься структурой этих платежей предприятий на всей территории. Финорганы берут все, что можно взять, только с местных предприятий. А союзные, республиканские предприятия вообще не признают исполком. Я глубоко уверена в тех правах, которые будут даны работникам исполкомов. В бюджете 1990 г. только 5 % средств — отчисления союзных и республиканских предприятий. Срочно нужны законодательные акты: то ли от человека считать, то ли от сверхплановой численности, то ли от сверхчисленности? Иначе мало что изменится в финансовом обеспечении жизни городов.

ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ

ЭКО: — **Специфика и тюменских городов, и Якутии в том, в частности, что вахтовики летают, добывают нефть и газ, золото и т. д. Как сказывается такая организация труда на бюджете городов!**

Г. Я. ЦИБИН: — Мы за то, чтобы вахтовиков вообще у нас не было. До последнего времени на них не выделяли фонды; они съедали то, что выделялось нашим жителям. Сегодня выделяют половину. В результате резкого снижения финансирования падают объемы работ у геологов и строительных организаций. Конечно, вахтовики — квалифицированные кадры, которых нам недостает. К тому же численность их сокращается.

ЭКО: — **Можно ли применить разовые платежи!**

Н. А. ЛУКЬЯНОВА: — Можно, но руководители предприятий хотят, чтобы все такие суммы были заявлены до утверждения расходных смет.

Н. Ф. ЛИСОТА, **заместитель председателя горисполкома, Тында Амурской обл.:** — Мы делаем так: в начале формирования годовых смет определяем объекты, которые остро необходимы городу. Например, в 1989 г.— реконструкция взлетно-посадочной полосы, строительство терапевтического корпуса. Набрали на 2,5 млн руб. Собираем руководителей, обсуждаем в советах трудовых коллективов, опреде-

ляем, кому сколько платить. На декабрьской сессии отчитались за истраченные средства. То, что остается, перешло на 1990 г.

ЭКО: — **Легко ли добывать такие средства!**

Н. Ф. ЛИСОТА: — Нет, приходится неоднократно собираться в низовых организациях. Противодействует больше администрация, чем бригады, рабочие. Чем выше по лестнице, тем больше сопротивление. Администрация считает, что это нужно исполкому или еще кому-то, но не жителям города. И в результате очень долго приходится уговаривать.

В. Г. БАСАРЕВА, **старший научный сотрудник Института экономики и ОПП СО АН СССР, Новосибирск:** — Проблема не в том, что денег в горисполкомах мало, а в том, что кадры там слабые и они не умеют использовать даже имеющиеся средства.

И. И. ИНДИНОК: — Дело не в слабости наших кадров, а в слабости народного хозяйства. Пусть каждый решает свою проблему. БМВ, фирма в ФРГ, привозит на работу и увозит домой всех на автобусе бесплатно, завтрак и обед бесплатные. Ее работников не мучают многие проблемы наших предприятий. Конечно, нам далеко до муниципалитетов, оказывающих услугу тому или иному предприятию. Как продавать землю? Готовить все инженерные коммуникации и затем продавать уже по другой цене. Вот это была бы услуга тому предприятию, которое будет строить. Но мы к этому не готовы. Пока мы лишь функционеры, которые пытаются что-то через кого-то организовать, оживить или угробить какое-то дело.

Г. Н. МОСТОВЩИКОВА: — Думаю, мешает мысль, которая уже мелькнула в нашем разговоре: «Не для наших работников, а для города». Лучше оставят у себя неиспользованные средства, чем отдадут городу.

И. И. ИНДИНОК: — Да, есть такая идеология —«это для города, а не для себя». И эта странная идеология в связи с созданием СТК укрепляется. Что начала творить легкая промышленность?! Договорные цены, изделия особо модные. С индексом «Н»! Стали меньше выпускать швейных изделий, а производительность и объемы в деньгах растут. Качество не улучшается. Повышается зарплата. На некоторых предприятиях выпускают более 60 % изделий с этими индексами. А мы кричим: надо для стариков, для молодежи! Энергетики требуют срочно повысить тарифы на горячую и холодную воду, на электроэнергию и особенно на тепло. В несколько раз, так как тепло убыточно. Транспортники говорят — надо сделать автобусный билет в Новосибирске 12 копеек, тогда будем работать с прибылью. Каждая отрасль, каждое предприятие ведет страусиную политику. Вот цены поднимем, будем жить великолепно, а другие будут лопухами ходить. Но другие не желают быть лопухами, тоже накручивают цены. Навер-

ху же собираются все стабилизировать. И пока там стабилизируют, цены все растут. Спрашивают: «Почему такая цена? Почему хлеб плохой или его нет?» Спрашивают, предположим, транспортники. Но ведь вы же сами и не привезли народ на хлебозаводы!

ЭКО: — **Цепочка длинная, одним концом к городу, другим к предприятию. Но, может быть, есть звенья, за которые можно ухватиться и вытащить... здравый смысл.**

А. П. БУТАКОВ: — Можно кое-что и по уму делать. У нас единое подсобное хозяйство. Ежегодно собираем около 6 млн руб. на него. Создано специальное РСУ, которое осваивает эти деньги. А кто не желает вносить, говорим: придется вам ограничиться талонами на мясопродукты. Биологические очистные сооружения тоже единые и созданы так же. ДСК мощностью 180 кв. м. Это крупные мероприятия. А для более мелких мы нашли такой путь: выдаем предприятиям почетные поручения. Совет директоров выдает поручение — благоустроить уголок, площадку. С трудом, но все же большинство добросовестно относятся к таким поручениям. Или дефицит бюджета у всех органов власти. Совет директоров решает, сколько кому покрыть, расписываем по количеству работающих и частично, процентов на 60—70, возмещаем этот дефицит.

А. А. КОЗЛОВ, **начальник горфо, Иркутск:** — Есть порядок — налоги вводит только государство, на местах вводить нельзя. А вводить платежи в местные внебюджетные источники — тут возможности большие. Если вводить налоги, то каждый год будут расти и расходы, сам себе петлю накинешь. Ни один грамотный финорган на это не пойдет. Чем больше в бюджет мобилизуешь, тем больше тебе отрегулируют этот бюджет.

Мобилизацию денег можно вести, например, через лотерею для предприятий. В 1989 г. мы выпустили 1000 билетов по 5 тыс. руб. каждый. Они продаются по безналичному расчету. Разыгрываются три трехкомнатные квартиры, 375 денежных выигрышей, которые освобождаются от налога на фонд оплаты труда. Предприятие, купившее 15 и более билетов, получает право на внеочередной договор на получение жилья, независимо от того, есть у него лимит подрядных работ или нет. Выигрыши до 10 тыс. руб. заменяются автомашинами, которые в коллективах распределяются, как и квартиры. С каждого проданного билета распространитель получает 50 руб. Заключили договор с НТЦ горисполкома и дали им 40 тыс. руб. на рекламу. Дали всем финансистам-ревизорам билеты под отчет, и они их реализовали за месяц на 1 млн руб.

Другие средства: отчисления базе УКСа на укрепление его подразделений, на научные исследования. За землю платежи ввели. Предприятие не может сразу заплатить ту цену, которая установлена. При-

ходит в горфинотдел, мы ему даем отсрочку на год, разбиваем на кварталы и плати, пожалуйста, хоть два года. Заключаем договор, и платежи идут во внебюджетный фонд.

В. М. АЛФЕРОВ, **кандидат экономических наук, доцент новосибирской высшей партийной школы:** — Главное, даже глядя на иркутско-ангарский опыт,— платежи за трудовые и природные ресурсы. Ставки платежей могут быть различны «в зависимости от структуры доходов местного бюджета и социальных нормативов». Если перевести этот «бюрократизм» на нормальный язык — в зависимости от потребностей местных Советов. Нужны убедительные аргументы, хорошо рассчитанные размеры отчислений, чтобы Советам выиграть эту экономическую «битву». Многие исполкомы, особенно в Сибири, только-только к этому приступают. Набиты первые «шишки».

Небольшие города с населением меньше 50 тыс. человек, кроме разве Стрежевого в Томской области, к такой работе практически не приступали. В этих городах на долю местных Советов приходятся крохи социально-бытовой инфраструктуры. Чисто сибирская проблема. И на хороших отношениях, об этом говорили товарищи из Мегиона и Ноябрьска Тюменской области, можно заработать-получить больше, чем с хорошим законом в руках.

В большинстве сибирских городов есть налог на уже имеющихся работников в размере 300—500 руб. с человека. Плата за новых работников, хотя и не везде это получается, колеблется от 15 тыс. руб. в Канске и Усть-Илимске до 35 тыс. руб. в Кемерове и Стрежевом. Правильнее называть эту плату «кредитованием» местных Советов предприятиями. Обязательным кредитованием! И Совет должен вернуть кредит жильем или деньгами с процентами. Можно и пора вводить такое понятие, как «долг городского бюджета».

Лидерами по экономической работе являются плановые комиссии горисполкомов в Иркутске (введена плата за землю и другие природные ресурсы), Кемерове (платы за трудовые ресурсы и экологические платежи), Усть-Илимске, Юрге. Но в бюджетах даже лидеров слишком много «дыр». И дело не в латании их, а в развитии совершенно иных отношений между органами советской власти и предприятиями, организациями и отдельными гражданами.

Записал В. ЛАВРОВ,
кор. ЭКО

Как пройти на внешний рынок

НА ПУТИ К СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КООПЕРАЦИИ

А. БЕМ, ФРГ

В фирме «Зальцгиттер», занимающейся строительством промышленных предприятий, я работаю с 1959 г., и уже с первых дней мне пришлось столкнуться со строительством промышленных объектов в СССР: наряду с фирмой Круппа, наша была одной из первых строительных фирм Запада, заключивших договоры с советскими организациями. Пройдя путь от инженера-проектировщика до руководителя договорных проектов с СССР, я в 1972 г. стал одним из директоров компании и несу ответственность за капитальное строительство объектов химической промышленности. С ноября 1959 г. я посетил Советский Союз более 250 раз, работая в Москве, Ленинграде, Киеве, Салавате, Новокуйбышевске, Уфе, Казани, Северодонецке, Дзержинске, Нижнекамске, Курске, Саратове и Тобольске. Опыт моих поездок многообразен, случалось всякое. В основном преобладают положительные впечатления, о них я охотно вспоминаю не только с благодарностью, но и с чувством гордости за проделанную работу.

Наша фирма совместно с двумя крупными японскими предприятиями участвует в одном из пяти известных совместных предприятий «Джумбо» в Западной Сибири в районе Тюмени. После года интенсивной и кропотливой работы в июле 1989 г. мы передали советскому партнеру заключение о возможности реализации проекта. Как и другим проектам, нашему предстоит пройти стадию проверки и получить разрешение соответствующих советских организаций. Мы знаем о дискуссиях, проходивших в Верховном Совете, и о предложениях отсрочить реализацию из-за нехватки финансовых средств,

а главное — по экологическим соображениям. Надо сказать, что после трехдневного ознакомления с борта вертолета с районами Западной Сибири вдоль восточных склонов Уральских гор я хорошо понимаю настроение «зеленых». Заповедные березовые леса и болота, без какой-либо инфраструктуры, необходимой для производства и транспортировки массовой продукции, без людей и только пятью бесснежными месяцами в году не могут стать центром гигантского мультимиллиардного проекта химической промышленности.

Нам хорошо известны достижения советских химиков и технологов, создавших способы производства, которые без скидок можно сравнить с соответствующими достижениями западной технологии как по качеству конечного продукта, так и по реакционным способностям, по потреблению энергии и сырья и по экологическим показателям.

Но уже следующий шаг — использование производственных мощностей — часто наталкивается на границы установленного заранее плана, на нехватку мощностей в машиностроении, отсутствие сырья. Западные лицензии на современную технологию тоже не могут быть использованы из-за конкуренции или высоких цен. Советскому Союзу остро необходимы продукты собственного производства. Здесь-то мы и видим возможность сотрудничества между западными фирмами, занятыми промышленным строительством, и советскими научно-исследовательскими институтами.

В 1984 и 1987 гг. мы подписали два договора о плановых разработках, поставке, монтаже и пуске крупных промышленных комплексов по производству органической кислоты мощностью в 40 тыс. т в год. Договорная сумма составляет миллионы марок, что уже само по себе говорит о масштабах проекта. Сырье — природный газ, которого в СССР достаточно, а в качестве циркуляционного материала предполагается использование метанола.

Целью всех участников договора стала ориентация уже первого предприятия в качестве показательного для использования проектов в третьих странах. Промышленные комплексы такого объема и такой стоимости нельзя продавать только по бумагам; заинтересованные страны хотят своими глазами видеть работающее показательное предприятие и качество конечного продукта; они хотят иметь возможность наглядного обучения своего персонала. А покупатели есть: мы с 1984 г. рассылаем наши предложения, и на сегодняшний день заказов уже более дюжины.

Сроки договорв, которые по западным масштабам и без того были слишком затянуты, предусматривали сдачу первого промышленного комплекса через пять лет, весной 1989 г. Но на сегодняшний день монтажные работы выполнены только на 30—40 %, да и строительство еще не закончено, хотя находится оно не где-то в глуши,

в на Украине. Оборудование второго комплекса уже отправлено в судовых контейнерах и складируется к северу от Ленинграда. К монтажу должны были приступить в январе 1990 г., но до сих пор даже не начаты строительные работы. Затянуты на годы сроки обоих проектов, и убытки, наносимые этим советской экономике, подсчитать просто невозможно.

Какое отношение эта ситуация имеет к германо-советскому сотрудничеству по реализации проектов в третьих странах? Ну хорошо, у потенциальных партнеров нет возможности в ближайшее время осмотреть готовое предприятие и послать туда специалистов для наглядного обучения. Но это — не единственная забота. Заинтересованные заказчики отказываются от технологии, за которую мы как подрядчики по договору несем полную ответственность. Заказчики из Тайваня и Кореи, которые осуществляют свои проекты за 2—2,5 года, просто не верят, что причина выполнения монтажных работ всего на 30—40 % в течение пяти с половиной лет — только внутренние обстоятельства. Они-то приписывают это трудностям в технологии (мол, не то оборудование, неправильно выбрали рабочий материал) — и обращаются к другим поставщикам.

Печальное следствие неосуществимости такой кооперации для советской экономики — потеря нескольких десятков миллионов марок. Эту валюту можно было бы заработать не экспортом советских товаров, так остро необходимых внутри страны, а простой продажей лицензий, поставкой копий документации уже осуществленных проектов. Наряду с экономическим ущербом советская сторона могла бы пожаловаться еще и на то, что мировой рынок капитального строительства химических объектов до сих пор ориентируется только на уже хорошо зарекомендовавшие себя фирмы западных стран, а результаты советских исследований, развитие производства и люди, проявившие себя на этом поприще, остаются в неизвестности. Вот в этом и заключаются трудности нашей кооперации, которых могло бы не быть, которых не должно быть.

Говоря о промышленном сотрудничестве в целом, хочу обсудить еще одну проблему. Ее нужно устранить, если советская экономика хочет успешно конкурировать на мировом рынке промышленного строительства. Наряду с уже упомянутой технологией двух еще не реализованных в СССР проектов, мы, дополнив ее последними научными новинками, взяли на себя право предложить этот проект в третьих странах. Пока заключен договор только с одним восточноевропейским государством на сумму более 100 млн марок. Однако мы нашли и других заказчиков, и им тоже надо не только ознакомиться с проектной документацией, но и осмотреть показательные предприятия в СССР.

И вот здесь-то советской стороне недостает гибкости: почему-то считается, что покупатели обязаны, как бы по природе своей, сами прилетать в Москву за товаром. Вряд ли таким образом можно добиться успеха в продаже советской технологии. Думаю, что советские технологи должны как партнеры наших инженеров-строителей сами ехать к покупателю в любую страну мира и представлять там свои знания и возможности. Однако такого совместного представительства нам удалось добиться всего в одном-единственном случае.

Заказчик хочет видеть образцы, он хочет испытать их в своей лаборатории и сравнить с конкурентной продукцией. Это совершенно нормально в условиях конкурентной борьбы, но СССР создает непонятные проблемы и осложняет экономическое сотрудничество. Если покупатель, зря прождав представителя владельца лицензии, все-таки выражает желание осмотреть предприятие в СССР, провести переговоры на месте и по возможности получить образцы продукции, то обычно согласие и приглашение от советского партнера поступают очень быстро. Однако срок визита назначается только через 4—8 месяцев — в зависимости от того, где находится объект и сколько правительственных учреждений участвует в выдаче разрешения. Некоторые наши заказчики летали в Москву на свой страх и риск. Но в лучшем случае они смогли поговорить с авторами-разработчиками, а вот попасть на объект, к большому своему разочарованию, так и не смогли.

Все эти досадные обстоятельства резко противоречат заявлению советских партнеров по технологии и науке начать в рамках германо-советского сотрудничества завоевание рынка вне СССР и стран СЭВ. Но пока у них нет никакой возможности изменить что-либо в системе долгосрочного планирования, многоступенчатых согласований и разрешений.

Зарубежный бестселлер

ВЫЗОВ

М. Я. ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук,
президент Советского антиядерного общества,
Москва

I. Атомная энергия — это побочное дитя атомной бомбы, и уже поэтому она аморальна, безнравственна.

II. Атомная энергия более опасна, чем атомная бомба, потому что люди считают возможным ее использование в мирной жизни.

III. Атомная энергия составляет лишь 15 % электроэнергии и 5 % общего объема потребляемых в мире энергетических ресурсов, но создает смертельную опасность всем людям Земли.

IV. Авария на АЭС в одной стране (Чернобыль в СССР) приносит беду не только этой, но и многим другим странам.

V. Не менее, чем аварии на АЭС, опасна их безаварийная эксплуатация.

VI. В мире не решены проблемы надежного демонтажа АЭС и захоронения радиоактивных отходов. Поэтому опасности подвергаются не только нынешнее поколение, но и будущее наших детей и внуков.

VII. Усилия ученых всех стран должны быть направлены на разработку безопасной технологии ликвидации существующих АЭС и эффективное освоение экологически безопасных источников энергии.

VIII. Мировая общественность должна добиваться запрещения продажи атомных реакторов и оборудования для АЭС правительствами и предпринимателями одних стран правительствам и предпринимателям других стран.

IX. Необходим международный общественный контроль за деятельностью МАГАТЭ, пропагандирующей атомную энергетику.

X. Все здравые силы должны объединиться для безотлагательного создания всемирного антиядерного общества.

Уважаемый читатель, перед Вами великая книга. Такая рекомендация у многих может вызвать недоумение. Ведь ее авторы не Шекспир и не Бальзак, а практически никому неизвестные Томас Н. Скортиа и Фрэнк М. Робинсон.

Величие их труда состоит в мужественном гуманизме, в социальной защите человечества от самоуничтожения, которым грозит ему атомное безумие. Книга «Гибель „Прометея"» была задумана авторами как научно-фантастическая повесть еще в 1973 г., когда никто и не помышлял о возможности строительства атомных электростанций мощностью в 12 млн кВт. Она описывает гипотетическую ситуацию чудовищной катастрофы на американской атомной станции «Прометей». И тем не менее излагаемая в книге трагедийная ситуация носит вполне реальные черты.

Дело в том, что в ней обобщены сотни относительно малых аварий на атомных станциях всего мира, крупная авария на американской станции «Тримайл Айленд» и беспрецедентная катастрофа на Чернобыльской АЭС. Глубокое профессиональное изучение особенностей атомной энергетики, политических и социальных отношений в обществе, выявление тех зловещих сил, которые заинтересованы в развитии атомной энергетики, позволили авторам создать удивительно правдивое произведение и обнажить смертельную атомную угрозу для всего человечества. Одна из главных причин форсированного развития этого разрушающего направления технического прогресса заключается в том, что в процессе работы атомных станций производится плутоний — основной продукт для создания атомного оружия.

Инициаторами создания атомной энергетики, равно как и атомной бомбы, явились не ученые, не инженеры, не экономисты, а политики, большинство которых, по определению авторов, имеют склонность к продажности, готовы пойти на сделку из корыстных соображений. Их не останавливает то, что развитие атомной энергетики несет смертельную опасность всей современной цивилизации. Более того, они скрывают ее от общественности, распространяя миф о безопасности и благодетельности атомной энергетики. А поддерживают политиков предприниматели, бюрократы и те ученые, у которых атрофирована совесть.

Активной пропагандой благодатности атомной энергетики заняты не только отдельные персонажи книги «Гибель „Прометея"», но и реальные атомщики в Соединенных Штатах, СССР и других странах.

Один из героев книги — крупный правительственный чиновник Кушинг, оправдывая строительство атомной станции такой мощности, утверждает, что одна эта АЭС может

обеспечить электричеством половину Калифорнии. Это равноценно, подчеркивает Кушинг, импорту высококачественной сырой нефти в количестве 144 млн баррелей ежегодно. При цене нефти 20 долларов за баррель 3 млрд долларов — немалый кусок платежного баланса.

Точно так же рассуждают и наши атомщики. Вспомним, в частности, о том, как руководители советского атомного ведомства предлагали на Чернобыльской АЭС установить 12, а иные и 20 атомных реакторов мощностью по тысяче мегаватт каждый. Непроходимый цинизм наших атомщиков продемонстрировал себя в том, что даже после катастрофы на четвертом блоке Чернобыльской АЭС они настаивали на продолжении строительства пятого и шестого блоков на той же площадке.

Недавно Советский Союз посетил президент Американского ядерного общества У. Ловенштейн, который настоятельно рекомендовал и дальше продолжать строительство мощных атомных станций в СССР (НТР: проблемы и решения № 20.89).

Бывший председатель Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР А. Проценко разъясняет нам: «Практически уже не растет добыча нефти. К рубежу веков приостановится рост добычи газа. Экологически приемлемого решения для использования такого топлива, как уголь, в больших масштабах еще не найдено. Опора должна быть на атомную энергетику. Принимаемые сейчас меры по оздоровлению общества оздоровят и атомную энергетику. Альтернатива замедлившемуся росту атомной энергетики одна — ускоренное ее развитие» (Правда. 6.09.88). Но ни американский, ни советский атомщики не говорят о том, что в Соединенных Штатах Америки в последние десять лет были аннулированы сделки на строительство 108 атомных реакторов. Причем этот успех достигнут не без активного влияния на общественное мнение книги «Гибель „Прометея"», которая в США стала подлинным бестселлером. Что же касается рассуждений А. Проценко относительно того, что атомной энергетике нет альтернативы, то позволю себе сообщить читателям: все атомные станции Советского Союза дают лишь 2 % в общий баланс энергетических ресурсов страны и создают при этом смертельную угрозу природе и населению нашего государства.

Особое внимание авторы обращают на способы дезинформации общественности в отношении якобы полной безопасности атомной энергетики. В частности, один из ее апологетов — военный представитель Клостер — демагогически заявляет: «Если вас застигнет радиоактивное заражение, нужно просто тщательно вымыться под душем. Уж душ-то есть у всех».

Немногие ученые и специалисты, например академик П. Л. Капица и автор этих строк, предупреждали об опасности АЭС, особенно в пригородных зонах. Однако академик А. Е. Шейдлин «парировал» эти суждения в «Литературной газете»: «Тут много от эмоций. Атомные станции нашей страны совершенно безопасны для населения окрестных районов. Никакого повода для беспокойства просто не существует» (Медведев Г. Чернобыльская тетрадь // Новый мир. 1989. № 6).

В книге вы встретите весьма впечатляющий эпизод, когда на дирекцию строящейся станции «Прометей» оказывается мощное давление сверху, чтобы осуществить ее пуск раньше намеченного срока. «Нам нужно время на подготовку»,— говорит директор АЭС Паркс. «У нас нет этого времени. Мы должны пустить станцию на полную проектную мощность к началу съезда»,— возражает директору Хилари Брант — вице-президент компании, строящей «Прометей». Имеется в виду съезд партии, на котором президент США должен козырнуть перед соотечественниками вводом в строй чудо-гиганта энергетики.

И снова полная аналогия с нашей практикой. Напомню читателям, как бывший президент Академии наук СССР А. П. Александров в журнале «Коммунист» (№ 1.76) писал: «В канун XXV съезда КПСС пуском второго энергоблока завершено строительство первой очереди крупнейшей в мире Ленинградской атомной станции имени Владимира Ильича Ленина. Каждый блок ее имеет мощность 1 миллион киловатт — ни одна станция в мире не обладает столь мощными реакторами канального типа, как эта. Такие же реакторы строятся и на других атомных электростанциях, в частности **Чернобыльской** (подчеркнуто мной — М. Л.), Курской, Смоленской». И далее: «Атомные электростанции не нуждаются в кислороде и не засоряют атмосферу золой, серой и другими продуктами сгорания. Это наиболее „чистые" станции».

История с атомной станцией «Прометей» заканчивается тем, что один блок введенной досрочно АЭС взорвался и радиоактивное облако накрывает не только всю территорию Калифорнии, но и прекрасный город Лос-Анджелес, неся смерть и страдания миллионам американцев...

Можно было рассчитывать, что после Чернобыльской катастрофы атомная эйфория рассеется. Достаточно того, что в госпиталях и больницах находятся более шестисот тысяч тяжело больных людей, пострадавших от облучения во время ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Как можно быть равнодушным к тому, что в настоящее время около четырех миллионов людей (из них свыше семисот тысяч детей) проживают на зараженной территории и дальнейшая судьба их неизвестна? Можно ли смириться с тем, что свыше 5 млн га плодородных украинских, белорусских и российских земель навсегда выведены из оборота? Что сотни тысяч людей уже выселены со своих родных мест и еще сотни тысяч подлежат выселению?

Неужели атомщиков не остановит и то, что Чернобыльская катастрофа уже принесла нашему обществу свыше 50 млрд руб. ущерба, а дальнейшие потери еще впереди? Территория заражения давно вышла за пределы пресловутой «тридцатикилометровой зоны», обхватила своими смертоносными объятиями многие области Украины, Белоруссии, России и продолжает расширяться. Увы, это не укрощает непроходимый оптимизм наших атомщиков. Президент с большой помпой провозглашенного в апреле 1989 г. Ядерного общества академик Е. П. Велихов заявил, что «атомная энергетика — магистральный путь развития человечества» (Правда. 25.08.89).

К счастью, общественное сознание не разделяет подобного «оптимизма». В последние десять лет в Соединенных Штатах Америки не поступило ни одного заказа на новое строительство АЭС. В Швеции еще в 1980 г. на основе всенародного референдума принято решение правительства о ликвидации всех атомных станций. Последняя из них в этой стране должна быть ликвидирована в 2010 г. Единственная атомная станция, построенная под ключ в Австрии, так и не начала работу, поскольку атомная энергетика в этой стране объявлена вне закона. Решения, запрещающие строительство АЭС, приняты Италией, Бразилией, Мексикой. Такие экономически развитые страны, как Норвегия,

Дания, Новая Зеландия, никогда не имели своей атомной энергетики и не испытывают потребности в ее развитии.

Но вернемся к содержанию романа. Главный герой повествования Грег Паркс говорит своему коллеге, что строительство атомных станций в США — это результат злоупотребления положением. «Да вся наша страна,— отвечает Хилари Брандт,— наглядный пример такого злоупотребления! Посмотри на президента! Посмотри на вице-президента! Если расследованием не займется «Вашингтон пост» или «Таймс», кто в состоянии осуществить его? Иногда удается раскрыть коррупцию в верхнем эшелоне власти. Но кто сумеет разобраться в том, что происходит на ступеньку ниже? А ведь именно там идет настоящая распродажа».

Думаю, суждения Брандта можно отнести и к нашей печальной практике. Персонажи книги, активно выступающие за строительство АЭС, много говорят об их безопасности, уповая на использование компьютерной техники. Скортиа и Робинсон показывают, что это блеф. «Они считали,— говорит Грег Паркс,— что поручив управление станции компьютеру, им удалось устранить даже самую малую вероятность человеческой ошибки. Но вот где-то произошло замыкание крошечного реле или перегорело сопротивление. Или разошелся контакт. Или какой-то безымянный инспектор на электронном заводе пришел на работу с головой, гудящей от похмелья...».

Заявление Паркса, безусловно, не лишено оснований. Вспомним, например, гибель космонавтов из-за неполадок в компьютерных системах. Но ведь при гибели космического корабля теряют жизнь единицы, а при гибели АЭС неизбежна гибель сотен тысяч людей.

Для успокоения общественного мнения атомщики все время говорят о том, что они работают над повышением безопасности атомных реакторов, но категорически умалчивают, что и нормальная безаварийная работа АЭС таит неменьшую опасность.

Реактор мощностью тысяча мегаватт за год производит 20 т смертельно опасных твердых радиоактивных отходов и 100 тыс. кубометров радиоактивной воды. Что с ними делать? Где захоронять? Имеем ли мы право передавать это наследство нашим потомкам? В реакторе четвертого блока Чернобыльской АЭС за короткое время его работы до взрыва было накоплено 420 кг плутония-239. Период его полураспада 24 тысячи лет. Саркофаг же, за-

крывающий разрушенный четвертый блок, рассчитан на два-три десятилетия. Подумаем же, что ждет нас в будущем. Ведь эту опасность таит в себе каждый из действующих и строящихся атомных реакторов.

Нельзя убаюкивать общественность и мифами о безопасных дозах облучения. Один из персонажей книги радиобиолог Лернер говорит: «Такой штуки, как безопасная доза, не бывает... В обмен на любое самое крохотное заражение ты теряешь несколько дней, месяцев, лет жизни».

Об этом хорошо знают и наши специалисты. Но этого не хотят знать официозные ученые-медики, такие, как академик Академии медицинских наук Л. А. Ильин, профессор Института биофизики Минздрава СССР В. А. Книжников, председатель Госкомгидромета СССР член-корреспондент Академии наук СССР Ю. А. Израэль и др. Эти ученые пытаются «доказать», что радиооблучение на уровне 35 бэр на человека за 70 лет его жизни не опасно. Но есть и другие медики и ученые, чьи исследования показывают, что облучение, превышающее 7 бэр, недопустимо. А японские специалисты утверждают, что предел облучения находится на уровне 2—3 бэр за жизнь. Правда, академик Л. А. Ильин считает, что это суждение рядовых ученых и специалистов — лишь «подогретое политиканами настроение толпы» (Правительственный вестник № 15.90).

Завершить представление этой прекрасной книги хочу словами одного из персонажей, работающих на атомной станции «Прометей»: «Господи, прости нас всех!»

Посвящается Роберту Хейнлейну, заявившему тридцать пять лет назад: «Аварии на АЭС — возможны»

ПРОЛОГ

Отрывок из слушаний специального подкомитета Конгресса США по вопросам ядерной энергии — «Авария на АЭС в Карденас-Бей».

СЕНАТОР ХОЙТ: — Мне представляется целесообразным снова вызвать мистера Паркса. Не могли бы вы, мистер Паркс, еще раз рассказать о себе?

МИСТЕР ПАРКС: — Меня зовут Грегори Т. Паркс. Я был генеральным директором атомной электростанции в Карденас-Бей, принадлежавшей «Уэстерн Электрик энд Гэс Компани».

СЕНАТОР ХОЙТ: — Ведь это вы несли ответственность за деятельность комплекса, окончательную подготовку станции и ее пуск?

МИСТЕР ПАРКС: — Совершенно верно, сенатор. Я присутствовал при завершении строительства «Прометея». Разумеется, и я, и подрядчики отвечали перед различными федеральными инспекторами, равно как несли ответственность перед Комитетом по безопасности ядерных реакторов.

СЕНАТОР ХОЙТ: — Значит, у вас создалось мнение о деятельности этих подрядчиков?

МИСТЕР ПАРКС: — Да, сэр.

СЕНАТОР ХОЙТ: — И какое же?

МИСТЕР ПАРКС: — Пожалуй, его можно назвать чувством тихого ужаса.

СЕНАТОР СТОУН: — Это очень серьезное обвинение, мистер Паркс. Вы хотите сказать, что проектирование и строительство комплекса «Прометей» были намного хуже, чем остальных атомных электростанций страны?

---

* Scortia Thomas N. and Robinson Frank M. The Prometheus srisis // Bantam Book/ Doubleday & Company, Inc.

Печатается с сокращениями.

МИСТЕР ПАРКС: — Нет, сэр. Контроль за качеством проектирования и строительства большинства атомных электростанций был совершенно недостаточным. Меня пугает такая небрежность при строительстве новейшего и самого крупного реакторного комплекса в мире.

СЕНАТОР КЛАРКСОН: — По вашему мнению, виной был некачественный проект?

МИСТЕР ПАРКС: — Только отчасти, сенатор. При строительстве «Прометея» нам пришлось иметь дело с поставщиками и инженерами, которые представления не имели о том, что может произойти, если детали не будут полностью соответствовать спецификациям или технические решения не продуманы до конца. Им просто наплевать на все. Эта атмосфера царила на всей станции.

СЕНАТОР СТОУН: — Атмосфера — это такая вещь, которая не поддается точному измерению.

МИСТЕР ПАРКС: — Однако именно это привело к катастрофе в Карденас-Бей — слишком многим было на все наплевать.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

1

Элиот Кушинг расстегнул пристяжной ремень и потянулся. Перелет был коротким, но неприятным. К сожалению, все АЭС, которые ему приходилось посещать, находились далеко от приличных аэропортов, отелей и, в особенности, от приличных ресторанов.

— Грегори Паркс будет ждать нас на аэродроме, Элиот,— сказал Брандт.— Надеюсь, вы еще не забыли директора нашей станции?

— Не помню,— пробормотал Кушинг. Он откинулся на спинку кресла и посмотрел в иллюминатор. Лица Брандта и Уолтона отражались в стекле. На протяжении ближайших дней ему придется иметь с ними дело. Джерролд Уолтон был всего лишь агентом по связям с прессой — его мнение не имело значения. Пожилой, начавший толстеть Хилари Брандт мог оказаться более серьезным препятствием. Брандт занимал пост вице-президента по вопросам атомной энергетики в компании «Уэстерн Электрик энд Гэс». Он все еще считал себя больше инженером, чем политиком. А инженеры часто излишне осторожны. И наоборот, у большинства политиков есть склонность к продажности, готовность пойти на сделку из корыстных соображений — положительная черта, когда требуется подтолкнуть кого-то. Но больше всего неприятностей может причинить Паркс. Работящий, честный, преданный своему делу... По лицу Кушинга скользнула угрюмая улыбка. Неприятное сочетание. Он открыл глаза.

— Расскажи мне, что за человек ваш мистер Паркс,— попросил он.— Я читал его справки, за последние три месяца от него поступали одни жалобы.

Брандт открыл рот, и в это мгновение раздался голос пилота.— Справа виден комплекс. Через минуту мы пролетим прямо над ним.

В наступающих сумерках глубокие тени рельефно вылепили здания АЭС, сверху похожие на предприятия где-нибудь на окраинах Детройта или Кливленда. Ничто не отличало станцию от сотни тысяч ее двойников — разве что загадочное отсутствие окон.

Это, и еще купол — гигантское полушарие, окрашенное в белый цвет, сверкающее отраженным красным светом заходящего солнца. Под почти зеркальным блеском скрывалось около четырех футов бетона, пронизанного массивными прутьями стальной арматуры. Этот

Avenue
Avenue
Avenue
FRENK
Tibets

купол предназначен для того, чтобы не допустить распространения радиации при аварии.

Самый крупный реакторный комплекс в мире,— подумал Кушинг безо всякого ликования.— Четыре реактора по три тысячи мегаватт каждый, итого двенадцать тысяч мегаватт. Самая крупная в мире АЭС. И самая совершенная.

— Вернемся к вашему Парксу,— вежливо напомнил он Брандту.

— Я считаю его лучшим инженером компании,— произнес Брандт, кашлянув.— Получил степень бакалавра в Иллинойсе, магистра в области атомного машиностроения — в Технологическом институте Карнеги. Работает на атомных электростанциях вот уже десять лет. Был заместителем директора на АЭС в Чиппева Фоллс, директором на «Прометее» уже полтора года.

— Я знаком с его биографией,— заметил Кушинг скучающим тоном.— К нам поступают его сообщения. Он недоволен поставщиками, недоволен персоналом АЭС. Недоволен самой станцией и то и дело ставит под сомнение выводы наших контролеров.

— Но ведь нельзя рассчитывать на то, что он будет всем доволен,— нервно возразил Брандт. На лбу у него выступили капельки пота.

— Но нельзя же и постоянно плакаться, что все плохо,— сказал Кушинг.— Вы знаете, черт побери, насколько строже стали наши требования за последние десять лет.— Он нацепил очки и выбрал один из документов.— Он утверждает, что изменения в аварийной системе охлаждения активной зоны не...

— Мы больше не пользуемся этим термином,— вмешался Уолтон. Кушинг снял очки и уставился на него. Ничтожества не нравились ему лишь в тех случаях, когда они переставали быть ничтожествами, хотя Уолтон не вызывал симпатий и по другим причинам. Крупный, склонный к полноте мужчина, он одевался по самой последней молодежной моде в костюмы, которые совсем не соответствовали его почти сорокалетнему возрасту, хотя вполне подходили к его характеру. Брюки выглядели слишком короткими, а рукава — длинными.

Кушинг бросил на Уолтона раздраженный взгляд, сдержался и спокойно спросил:

— Каким термином вы больше не пользуетесь?

— Аварийная система охлаждения активной зоны,— хихикнул возбужденный Уолтон.— Мы говорим теперь «модератор отклонения». Слово «аварийный» беспокоит широкую общественность.

— Понятно,— кивнул Кушинг серьезно.

— Вернемся к Парксу,— сказал он.— У него есть семья?

— Он женат, но всего лишь формально.— Брандт достал платок и вытер им вспотевшее лицо.— Жена не поехала с ним в Карденас-Бей. По-видимому, ей не нравятся маленькие города.

— Целых полтора года. Интересно,— Кушинг сделал пометку в блокноте.— У него есть увлечения?

Снова вмешался Уолтон, старающийся показаться полезным.— Он любитель старинных автомобилей. В прошлый раз я приехал сюда и чуть не заработал грыжу, катаясь вместе с ним по проселочным дорогам на его «Рео».

Гм, может быть, все-таки не напрасно платят деньги этому клоуну,— подумал Кушинг, делая еще одну пометку в блокноте.— Кто его заместитель?

— Том Глидден.

— Всего лишь заместитель? — удивленно поднял брови Кушинг.

На протяжении ряда лет он постоянно встречал Гліддена. Том работал в компании чуть ли не с самого ее основания и заслужил репутацию человека, всячески избегающего ответственности за принятие решений; у него не было врагов, зато не было и настоящих друзей.

— Он работает у нас много лет,— заметил Брандт.

— Да, припоминаю. Вы начинали вместе.— Кушинг кивнул.— А кто идет после Гліддена?

— Марк Эйбрэмс — он моложе Паркса, скорее расчетливый, чем умный.

— Способный?

Глаза Брандта сузились; он пытался разгадать, куда клонит Кушинг.— Пожалуй. Не такой как Паркс, но ведь у него нет и такого опыта.

У Кушинга было, разумеется, собственное досье на Эйбрэмса, но замечания Брандта будут нелишними. Он уложил бумаги в кейс и щелкнул замком.

— Паркс недоволен подготовкой станции; по его мнению, она еще не готова к эксплуатации на полной мощности. Это верно?

— Я бы не сказал, что он недоволен,— осторожно возразил Брандт.— Просто ему хочется отложить пуск на несколько недель.

— А вам известно, что поставлено на карту, Хилари? — Кушинг наклонился вперед и, не ожидая ответа, пристально посмотрел на него.— АЭС способна обеспечить электричеством половину Калифорнии. Это равноценно импорту 144 миллионов баррелей нефти ежегодно. Значит, почти три миллиарда долларов в год — немалый кусок нашего платежного баланса. А сама станция обошлась в пять миллиардов, причем в основном из государственных средств. «Прометей», Хилари,— заметил он наставительно,— это краеугольный камень в системе обеспечения страны энергией, независимой от внешних источников, прототип десятков других АЭС. Он снова откинулся на спинку кресла.— Нам понадобилось восемь лет, чтобы «Прометей» был построен и готов к пуску,— произнес он задумчиво, помолчал, потом заметил: — Этот ваш Паркс — генеральный директор станции. В соответствии с законом он имеет право отложить пуск, если не уверен в полной готовности АЭС.

— По его мнению, пускать станцию сейчас — значит идти на большой риск.— Брандт снова вытер лоб, по которому катились капли пота.

— А как считаете вы? — Кушинг снова наклонился вперед.— Ведь день пуска намечен три месяца тому назад, и вы не возражали, Хилари. Торжественное открытие, речь президента... Съезд состоится на будущей неделе, Хилари, и как будет хорошо, если партия сумеет объявить, что теперь страна больше не зависит от привозной нефти и «Прометей» включен в энергетическую сеть страны.

Лицо Брандта начало краснеть. Кушинг заметил это и отступил.

— Комиссия не имеет права оказывать на нас давление,— заявил Брандт.

— Я и не собирался этого делать,— Кушинг пожал плечами.— Правительство всегда придерживалось точки зрения, что вся ответственность за безопасность атомных электростанций лежит лишь на тех, кто является хозяевами реакторов и руководит их эксплуатацией.— В его голосе прозвучали примирительные нотки.— Предприятия общественного пользования и администрация всегда сотрудничали друг с другом; полагаю, что это сотрудничество станет еще более тесным в будущем.

— Похоже, на берегу под нами что-то происходит,— прозвучал голос пилота.

Самолет разворачивался над океаном, заходя в сторону береговой черты. Вплотную к линии прибоя были заметны огни, похожие на свет автомобильных фар. Брандт тоже бросил взгляд вниз и пробормотал: — Да это просто молодежь собралась на берегу, чтобы поразвлечься.

Перед самолетом внезапно вспыхнула длинная полоска посадочных огней.

— Хилари,— задумчиво спросил Кушинг,— как поведет себя Паркс, когда узнает, что до пуска станции осталось не две недели, а всего лишь три дня?

2

В комнате ощущалось напряжение, как перед грозой. Четыре человека, которым приходилось ежедневно работать вместе, ненавидели друг друга.

— Не понимаю, зачем такая спешка? — сердитый голос Барни Лернера нарушил тишину.

Паркс наклонился, доставая из мусорной корзины измятый листок желтой бумаги, разгладил его на столе и прочитал еще раз.

— Посмотри сам, здесь говорится только, что Кушинг и Брандт прибывают сегодня в семь вечера,— сказал он.— И мне приказано встретить их в аэропорту.

— Когда вы читали телекс первый раз, там говорилось что-то о человеке по имени Уолтон,— заметил Эйбрэмс.— Кто он? — Его голос был спокойным, почти равнодушным.

— Да, Джерри Уолтон,— произнес Паркс, не скрывая презрения.— Так называемый специалист по связи с общественностью.

Марк Эйбрэмс был молод, подтянут и сдержан. Он так и не забыл, что два года проучился в военной академии, прежде чем решил перейти в гражданский университет. Он носил свое прошлое, как военную форму.

— Блестящий специалист,— подумал Паркс,— вот только не хватает опыта. Эйбрэмс будет великолепно исполнять обязанности — пока не наткнется на обстоятельства, где здравый смысл важнее таланта.

— Никто не решается ответить на мой вопрос,— заметил Лернер с усмешкой.— Почему такая спешка? До открытия еще две недели. Не думаете же вы, что вице-президент компании и один из руководителей федерального комитета будут околачиваться здесь две недели, чтобы разрезать ленту? А если они хотят обосноваться у нас, я не собираюсь быть при них сиделкой.

— Тебя никто и не просит, Барни,— спокойно ответил Паркс. Лернер покраснел от гнева. Рыжие волосы, красное лицо, багровая шея — настоящий Красный Человек,— подумал Паркс. Да и в политике — бледно-розовый. Паркс знал из досье Лернера, что тот принимал активное участие в различных студенческих движениях, учась в колледже. Впрочем, тщательно проведенное расследование показало, что его радикальные взгляды никогда не шли дальше обычной риторики. Сплошь и рядом он бывал колючим и неприятным. Паркс давно бы уволил Лернера, если бы он не был таким хорошим начальником отдела контроля качества и приемки. Да и его любовь к Карен не добавляла сердечности в отношения между Парксом и Лернером.

— Не исключено, что это всего лишь обычная инспекционная поездка,— осторожно заметил Глидден.— Вот уже несколько месяцев

начальство не заглядывало к нам, так что подобного визита следовало ожидать.

— А какие об этом ходят слухи, Том? Не может быть, чтобы тебе ничего не было известно,— с издевкой ввернул Лернер.

Глидден покраснел, и Парксу стало жаль его. Если Лернера можно было назвать красным, то к Глиддену лучше всего подходил серый цвет — у него была серая, невзрачная внешность, серое настроение и серое отношение ко всему. Он работал в компании со дня ее основания, давно достиг предела своей компетентности и дальнейшее продвижение было, скорее, благотворительностью со стороны компании, чем вознаграждением за хорошее исполнение обязанностей. И тем не менее Парксу доставляло большее удовольствие говорить с Глидденом, чем с Лернером или Эйбрэмсом. Эйбрэмс представлял собой постоянную угрозу, таящуюся до поры за кулисами, ожидая, когда Паркс совершит роковую ошибку. И если Паркс ошибется, то Лернер не преминет постоянно упоминать об этом.

— Я знаю об этом не больше вас,— неохотно ответил Глидден.— Теперь он сидел, сгорбившись, бесцветный, крупный мужчина, казавшийся грубоватым. Глидден был вынужден постоянно решать дилемму крупных мужчин: если он отвечал на вызов, его обвиняли в злоупотреблении силой, а когда уклонялся, считали трусом.

— Потому что вы с Брандтом друзья-приятели с того самого дня, когда пришли работать на «Уэстерн»,— огрызнулся Лернер.

— Пол Марикал ожидает в приемной, мистер Паркс. Говорит, у него срочное дело.

— Марикал,— устало подумал Паркс,— симулянт номер один. Простуда, насморк, пищевое отравление, головные боли — все мешало ему работать.

Маленький, незаметный человек, он был отличным работником, когда не болел.

— Извините за вторжение мистер Паркс,— сказал Марикал, встревоженно озираясь.— Я по поводу механических ножниц для размельчения топливных стержней. Они не того размера. Если в ближайшее время не получим замену, придется остановить всю линию переработки. От Фултона сообщили, что готовы выслать замену хоть завтра, но за дополнительную плату.

— Разумеется — сначала напортачат, а потом требуют, чтобы им еще и заплатили.

Марикал протянул ему бланк заявки. Парксу захотелось бросить его в мусорную корзину, но он справился с искушением и подписал.

— У вас все в порядке со здоровьем, Пол? — сказал он, вглядываясь в лицо Марикала.— Вы ужасно выглядите.

— Вроде ничего,— ответил Марикал извиняющимся тоном.— И почему-то добавил: — Спасибо, что спросили об этом.

— Брандт, Кушинг и Уолтон,— произнес Паркс, едва закрылась дверь за Марикалом.— Если бы приехал один Брандт, это означало бы что-то связанное с компанией. Брандт и Кушинг — инспекционная поездка. Но их сопровождает Уолтон. Значит, это ни то, ни другое, и я подозреваю, в чем цель их приезда.

Все присутствующие посмотрели на Паркса.

— Мне кажется, они хотят ускорить пуск станции на пару дней.

В кабинете воцарилась мертвая тишина.

— Не может этого быть,— возразил Лернер.— Там и месяца мало на подготовку.

— Это неправда.— возразил Эйбрэмс.— Станция готова к пуску, и мы можем выйти на проектную мощность за сорок восемь часов.

— Совершенно верно. Вот только это несколько рискованно,— произнес Лернер с нескрываемым сарказмом.— При быстром пуске слишком легко снизить запас реактивности.

— У меня есть и другие возражения,— заметил Паркс.— Однако допустим, что нас попросят осуществить пуск как можно быстрее. Будут ли возражения со стороны твоих сотрудников, Барни? И как отнесешься к такому предложению ты сам?

Лернер решительно покачал головой, его лицо побагровело еще больше.— Я пошлю их к черту. Действительно, за последний месяц мы обнаружили сравнительно немного дефектов, но если меня попросят перечислить все неисправности, замеченные до этого, у меня не хватит бумаги. Ты представляешь, что произошло бы, если бы мы не обнаружили это вовремя?

— Но ведь обнаружили,— возразил Эйбрэмс.— Стоит ли поднимать панику из-за этого?

Губы Лернера исказились в презрительной гримасе.— Между мной и вами, Эйбрэмс, разница заключается в том, что я веду подсчет, а вы — нет.

— А вы что думаете, Марк? — спросил Паркс Эйбрэмса.

Эйбрэмс неуверенно оглянулся.

— Мне кажется, что никто не просит нас ускорить пуск станции, так что разговоры на эту тему — всего лишь сотрясение воздуха.

— А твое мнение Том?

Глидден перевел взгляд с одного лица на другое, пытаясь выяснить, чего от него ждут.

— По-моему, можно ускорить пуск на день-два, если все пойдет хорошо.— Его голос звучал примирительно, будто он призывал к благоразумию.— Любитель компромиссов,— с отвращением подумал Паркс,— причем там, где компромиссы недопустимы.

— Как всегда, отвечать за все приходится мне,— сказал Паркс с угрюмой усмешкой и встал.— Так вот, мы не согласимся ускорить пуск даже на один день, и я попрошу отсрочить церемонию открытия еще на пару недель. Мы не готовы к пуску. Станция не продержится и пяти минут на проектной мощности.

В глазах Эйбрэмса мелькнул удовлетворенный блеск, и Паркс мысленно улыбнулся.

— Марк,— сказал он,— и ты, Том.— Он повернулся к Глиддену.— Представьте мне подробные отчеты о всех неприятностях, происшедших до сегодняшнего дня, а также свои соображения о сроке пуска станции. Барни, поручи своему отделу подготовить детальный статистический анализ возможных неисправностей. И не забудь включить все дефекты, найденные группой контролеров. Просмотри доклады, представленные в Комитет по безопасности реакторов. Надеюсь получить от вас подробные и хорошо обоснованные справки. Я включу их в мой отчет руководству фирмы.

Лицо Эйбрэмса помрачнело, в глазах Глиддена отразилась растерянность.

— Барни, ты не поможешь мне проверить систему контроля на балконе реакторного зала? — спросил Паркс, укладывая в портфель документы.

— С этим справится новый компьютер,— заметил Эйбрэмс обиженно.— Я сам проверил его вчера.

7 ЭиОПП № 8, 1990 г.

— И оператора проверили? — сухо поинтересовался Паркс.— Вы что, забыли старую истину: «Вводим дерьмо — получаем дерьмо»? — На лице Эйбрэмса появилось смятение.

Да, я действительно очень устал,— подумал Паркс, выходя из кабинета. Вот уже неделю он проводит здесь почти круглые сутки. Но еще больше его беспокоило, что весь персонал станции находится в таком же положении. Усталость умножает ошибки, а на «Прометее» это может привести к катастрофе.

На мгновение Паркса охватила паника. Колоссальная атомная электростанция, масса проблем — а он всего лишь крошечное человеческое существо...

3

. . . .

4

Паркс подошел к двери лифта и поднял руку к панели. Лернер внимательно посмотрел ему в лицо.

— Ты действительно собираешься потребовать еще две недели на подготовку?

— Мне следовало бы просить еще месяц.— Паркс поколебался, потом продолжил.— Ты понимаешь, конечно, что никто нам этого не разрешит.

— Стадо глупых баранов,— сердито ответил Лернер.

Как легко все для Лернера,— подумал Паркс. Раздражение нарастало.

— Ты знаешь, кто будет читать твой доклад, Барни? Брандт и Кушинг. Но если он не подействует, мы всегда можем арендовать множительный аппарат и напечатать листовки с требованием, чтобы станцию передали народу. Представляешь себе, энергетическая станция номер один — в руках народных масс. Власть — то есть энергия — в руках народа! Видишь, даже этот старый лозунг может пригодиться.

Лернер повернулся к Парксу, потрясенный и рассерженный, не зная, что ответить.— Это удар ниже пояса,— произнес он наконец.— Ты ведь знаком с моим прошлым. Если оно не устраивает тебя, мог не брать меня на работу.

Паркс нажал на кнопку вызова лифта.— Извини меня, Барни. Это все от усталости. Начинаю сдавать. Я знаком с твоим прошлым. Оно не вызвало у меня сомнений. Все бунтари-студенты, с которыми я был знаком, сейчас занимаются страхованием, подкладывают бомбы или делают кожаные пояса. Ты заслуживаешь награды уже хотя бы потому, что отличаешься от них.

В лифте Лернер беспокойно переступал с ноги на ногу. Он хочет что-то сказать,— догадался Паркс.

— Мы с Карен обручились,— внезапно произнес Лернер.

— Поздравляю,— ответил после короткого молчания Паркс.— А как она?

— Спроси у нее,— покраснел Лернер.

Паркс покачал головой.— Если она захочет сказать мне,— заметил он,— то скажет сама. И если она захочет отказаться от меня — это ее право...

На балконе, отделенном от реакторного зала огромным толстым стеклом, не было никого, кроме техника.

— Как дела, Джефриз?

— Все в порядке, сэр. Отрабатываем программу и сравниваем полученные данные с информацией центрального контрольного пункта.

Паркс взглянул через стекло на реакторный зал, расположенный под балконом. Стекло в три дюйма толщиной с высоким содержанием свинца могло предохранить персонал, находящийся на балконе, от любого излучения, кроме мощной гамма-радиации. Впрочем, его не беспокоила эта радиация. Вода, охлаждающая реакторы, и биологическая защита были более чем надежны.

И все-таки реакторный зал представлял собой потенциальную ловушку без предохранительных устройств, контролирующих раскаленные топливные элементы. Сейчас они держали все четыре реактора под нагрузкой в пределах от четверти до половины максимальной, и подобные испытания длились уже более шести месяцев. Обслуживающий персонал старался обнаружить и устранить все даже самые мелкие неисправности и внести необходимые изменения в системы вспомогательного оборудования. В данный момент суммарная радиоактивность в зале как в реакторах, так и в колодцах хранения приближалась к десяти миллиардам кюри, представляя собой фантастическую массу радиоактивных материалов. Без непрерывно циркулирующей воды в колодцах топливные стержни расплавились бы от температуры своего собственного распада.

Реактор «Прометей-1» был собран, крышки второго, третьего и четвертого реакторов были сняты гигантским мостовым краном, передвигающимся по всей длине зала. С высоты балкона Паркс мог заглянуть внутрь любого из трех реакторов, заполненных водой. Над ее поверхностью поднимались струйки пара, и время от времени по ней пробегала рябь — это включались циркуляционные насосы.

— Разрешите мне на минуту принять управление, Джефриз,— попросил Паркс и тут же опустился в еще теплое кресло. Он нажал кнопку «Видео. Реактор-4», затем посмотрел на экраны над головой. На первом из них быстро возникло изображение. Центральная часть экрана была наполнена сборками топливных стержней, окруженных наполовину поднятыми стержнями-поглотителями. Вся внутренняя часть реактора светилась жутким белым излучением.

Мгновение Паркс, не отрываясь, смотрел на экран, завороженный пульсирующим светом, затем нажал кнопку центрального контрольного пункта. Операторы не заметили, что на камере зажегся красный свет, они были слишком заняты работой.

— Ну, как программа, Делано? — спросил Паркс.

Мужчина, сидящий ближе всех к камере, вздрогнул и поднял обеспокоенное лицо, поняв, что помещение центра управления — на экране телекамеры.

— Не так чтобы здорово, Грег. Сегодня мне уже дважды приходилось переходить на ручное управление.

На заднем плане четыре оператора склонились над своими панелями, монотонно выговаривая уровень температуры топливных элементов.

— Внимание,— неожиданно резко произнес один из операторов.— У меня положительная дельта Т в сборке сто пятьдесят.

— Вот опять горячая точка,— произнес Делано с отчаянием в голосе. Теперь он больше не обращал внимания на Паркса и телекамеру.— Автоматическое регулирование?

— Еще не включилось,— ответил другой оператор, волнуясь.

Паркс и Лернер переглянулись.— Ручное управление,— едва слышно пробормотал Паркс.

— Ручное управление, стержни-поглотители на три четверти,— донесся снизу голос Делано.

— Стержни заклинило!

— Внимание, приготовиться к аварийной защите! — Делано понял, что его планы сорвались.

— Боже мой,— подумал Паркс,— введение в действие системы аварийной защиты может повредить топливные сборки, если заклинило стержни. Он поспешно включил экран внутреннего обзора реактора и тут же увидел место, где произошло заклинивание.

— Делано,— крикнул он в микрофон,— в сборке двести — повреждение защитной оболочки! В жутком пульсирующем свете активной реакции было видно, что сборка двести изогнулась в одну сторону. Циркониевая оболочка одного из топливных элементов отделилась от стержня и преградила путь стержню-поглотителю.

— Задвинуть полностью стержни-поглотители в третьем квадранте,— скомандовал Делано.

На глазах Паркса стержни-поглотители выдвинулись из своих гнезд на дне реактора и вошли в квадрант, где началась неконтролируемая реакция. Один из стержней уперся в сборку и остановился. Гидравлический сервомотор заработал на мгновение вхолостую, затем стержень сумел пробиться через покоробившиеся топливные элементы.

— У меня негативная дельта Т,— произнес оператор. Паркс провел рукой по лбу, мокрому от пота.

Да, на этот раз мы были близки к катастрофе,— содрогнулся Паркс.— Слишком близко.

5

В пятистах милях к востоку от Карденас-Бей, далеко за пределами стратосферы, ВЗОР-III — военный зонд орбитальной разведки — пересекал терминатор. Двигаясь со скоростью пятнадцать тысяч миль в час, спутник опережал линию, расположенную далеко внизу и отделявшую темноту в восточной части Соединенных Штатов от сумерек, опускающихся на Западное побережье.

Почти на триста миль ниже и к западу от него, в Денвере, штат Колорадо, в глубоком подземном укрытии из стали и бетона, под раскинувшимся на огромной площади заводом компании «Темплар Эйркрафт Корпорейшн» сидели люди, следившие за сигналами со спутника. Они разговаривали вполголоса, делали какие-то таинственные пометки на листах бумаги и не сводили глаз с нескольких рядов экранов, на которые передавались изображения со спутников ВЗОР.

Теббетс взглянул на изображение на одном из экранов, коснулся кнопки на панели и сказал в нагрудный микрофон: — Вы теряете синхронизацию, номер три.

— Солнечная батарея номер три теряет мощность,— прозвучал голос в наушниках Теббетса.

— По-видимому, она попала в тень; поверните спутник на пять градусов.

Полумрак помещения внезапно нарушил яркий свет открывшейся двери.— Спасибо, дальше я найду дорогу,— сказал кто-то. Раздалось шарканье по резиновому покрытию бетона.

Клостер, войдя, снял голубую фуражку с серебряным кантом и положил ее на соседнее кресло.

— Я не упустил ничего серьезного? — спросил он холодно.

— ВЗОР-III только что пересек линию терминатора. В четыре часа были хорошие снимки танковых маневров на советско-китайской границе в Сибири.

Он почувствовал, что Клостер разочарован.

— Со ВЗОРа-III? — спросил капитан.

— Нет, это был ВЗОР-IV. ВЗОР-III приближается сейчас к западному побережью,— продолжал он.— Облачность там редкая, и визуальные кадры просто великолепны.

— Какова разрешающая способность ваших камер в инфракрасных лучах?

Да, Клостер не так уж прост,— решил Теббетс.— По крайней мере, он кое-что знает.

— Чарли, дай нам инфракрасное изображение,— сказал он в нагрудный микрофон.

Изображение на главном экране исчезло. Вместо него появилось нечто призрачное.

— Множество пятен в северной части — это область высокого давления, смещающаяся на юг через Орегон,— пояснил Теббетс.— Большое яркое пятно южнее Лос-Анджелеса — крупный лесной пожар. Он продолжается вот уже три дня.

— А эти яркие точки вдоль побережья?

— Электростанции — как атомные, так и на ископаемом топливе, металлургические и нефтеперерабатывающие заводы, причем каждый дает разную тепловую картину.

— Сообщение из Карденас-Бей,— прозвучал голос в наушниках.— Только что передали, что интенсивность излучения снижена до третьей степени.

Клостер дернул головой от неожиданности — он тоже услышал это сообщение.

— Неужели вам сообщают об интенсивности инфракрасных излучений?

— Только с атомных станций. «Прометей»— новая атомная электростанция мощностью в двенадцать тысяч мегаватт, расположенная в Карденас-Бей. Вот уже шесть месяцев они готовятся к пуску и информируют нас об интенсивности своего теплового излучения, чтобы мы не спутали их с приближающейся боеголовкой.

На лице Клостера появилось скучающее выражение.— Мне казалось, что у ВЗОРов разрешающая способность выше.

Не ты один,— подумал Теббетс.— У меня есть чем ответить.— Чарли, включи нам визуальное изображение, третье увеличение.

Береговая черта появилась на экране, стремительно приблизилась и стала четкой. На экране виднелись теперь огромные заросли кустарников и отдаленные холмы. ВЗОР находился уже над океаном, и Теббетс распорядился повернуть спутник вокруг оси, чтобы охватить более значительную площадь. Появилось изображение реакторного здания в Карденас-Бей.

— Здания в нижней части экрана — помещения для реакторов,— пояснил Теббетс.— Перерабатывающий завод немного выше. Из соображений безопасности они соединены подземным туннелем.

Клостер делал вид, что его трудно удивить.

— Увеличение седьмой степени, Чарли,— скомандовал Теббетс.

— Мы теряем изображение,— пробормотал голос в наушнике.

На экране появилось море.— Полная разрешающая способность, Чарли. Берег с двумя крошечными точками на нем прыгнул в их сторону. Точки превратились в двух мальчиков. На мгновение один посмотрел прямо в объектив.

Клостер забыл о своем блокноте.— Боже мой! — прошептал он с восхищением.— С высоты в двести миль, и к тому же при плохом освещении! Невероятно!

Изображение мальчиков исчезло с экрана. Вместо него появилась береговая черта и какая-то темная масса, погруженная в песок. Волны переливались через нее, и масса шевелилась.

— Дай-ка нам получше фокус, Чарли.

Даже в сумерках наступающего вечера ошибиться было невозможно. На берегу лежало тело человека.

— Господи, да ведь это же человек! — Клостер подался вперед, захваченный увиденным.

На экране отчетливо виднелись голова, плечо и рука, двигающаяся под напором набегавших и откатывающихся волн. Теббетс потянулся к стоящему рядом телефону.

Клостер схватил его за руку.— Что это вы собираетесь делать?

— Надо сообщить об этом,— удивленно ответил Теббетс.

Внезапно в голосе Клостера появился металл. Впервые за весь вечер Теббетс вспомнил, что он — гражданское лицо, тогда как Клостер — офицер ВВС.

— И не вздумайте даже. ВЗОР — совершенно секретный военный спутник. Вы собираетесь нарушить государственную тайну.

— Но мы ведь не можем...

— Еще как можем, Теббетс,— спокойно заметил Клостер.— Это всего лишь труп, ему некуда спешить.

6

Вечерний воздух был даже слишком прохладным, и Хилари Брандт продрог. Да, возраст напоминает о себе все чаще, особенно холодными ночами,— невесело подумал он. При такой гонке меня ненадолго хватит. Рано или поздно врачи подтвердят это.

— Мне казалось, что этот ваш Паркс встретит нас в аэропорту,— заметил Кушинг. В его голосе было заметно раздражение.

— Мы прилетели на десять минут раньше, чем предполагалось,— ответил Брандт, взглянув на часы.— Паркс никогда не опаздывает.

— Как и полагается хорошему инженеру,— поддразнил его Кушинг.

В это мгновение стрекот вечерних сверчков был заглушен ревом приближающихся автомобилей. Через несколько секунд небольшой фургон подъехал к посадочной площадке. В темноте Брандт не мог определить, что представлял собой другой автомобиль — он остановился за пределами света ламп; было ясно, однако, что он большой и несомненно старинный.

— Погрузим их багаж, Джордж, ладно? — прозвучал из темноты хриплый голос.

Охранник из «Уэстерн Электрик энд Гэс Компани» вынырнул на свет, толкая перед собой тележку, и принялся грузить на нее чемоданы. Еще через пару секунд из темноты вышел Паркс. Ему было чуть больше сорока; высокий рост и широкие плечи атлета смягчались небольшой сутулостью человека, проводившего немало времени за письменным столом. Его нос был слишком велик для узкого длин-

ного лица, а светло-каштановые волосы как всегда в беспорядке. Напряжение последних месяцев не обошло стороной и Паркса. На его лице прибавилось морщин, а в висках — седины.— Станция подтачивает их как жернов, не давая ни минуты передышки,— мелькнуло у Брандта.

Рукопожатие Паркса было, однако, как всегда крепким.— Как поживаешь, Хилари? — сказал он. Паркс ждал, когда Брандт познакомит его с Кушингом.

— Элиот, это директор станции, Грегори Паркс.

Они обменялись рукопожатием, бормоча обыденные вежливые приветствия, одновременно окидывая друг друга оценивающим взглядом. Брандт так и не понял, понравился Паркс Кушингу или нет. Как обычно, лицо Кушинга было непроницаемо. Зато Паркс уже сделал вывод относительно Кушинга: он отнес его к категории бумажных бюрократов и очень скоро даст понять это.

Паркс ласково провел ладонью по капоту машины.

— Это — спортивный седан «Рео Ройял», изготовленный по заказу. Дизайнер — Алексис де Сакнофски. Очень редкая машина, действительно классическая.— Паркс выжидающе посмотрел на Кушинга.

— Наверное, такая машина очень дорого стоит,— неуверенно произнес Кушинг, открыл дверцу и сел на заднее сидение.

— В денежном выражении — пожалуй. Если говорить о любви и внимании, мало кто может позволить себе владеть таким автомобилем,— холодно ответил Паркс.

— У вас нет тряпки? — донесся изнутри дрожащий голос Кушинга.

Паркс с удивлением посмотрел на него, достал ветошь и протянул ему.— А в чем дело? — поинтересовался он.

— Какой-то жир,— сухо ответил Кушинг, с отвращением вытирая руки.— На дверной ручке.

Паркс рассмеялся, и Брандт почувствовал, как напрягся сидящий рядом Кушинг.

— Мне только что прислали набор дверных ручек от настоящего «Рео»,— пояснил Паркс.— Я установил их утром и не успел удалить заводскую смазку.

Наступила неловкая тишина. Брандт подумал о том, что из-за этих ручек Паркс наверняка позабыл о завтраке. Его не оставляла мысль, как сказать Парксу о новом сроке пуска станции.

— А чем занимались здесь до строительства станции? — донесся голос Кушинга с заднего сидения.

— Раньше здесь была рыбацкая деревня. Если не считать баров, ночью здесь как в могиле. Рыбаки встают рано утром, а мы работаем круглые сутки.

Огни делового квартала исчезли позади.

— Каковы отношения между местным населением и теми, кто работает на станции? — спросил Кушинг.

— Хуже некуда, как и следовало ожидать. Рыбаки утверждают, что станция подорвала основу их хозяйства; не исключаю, что они правы,— пожал плечами Паркс.

— Мы уже все проверили,— вмешался Уолтон.— В обвинениях рыбаков ни слова правды.

— Не имеет никакого значения, что мы думаем об их жалобах. Рыбаки уверены, что во всем виновато строительство станции,— раздраженно произнес Паркс.— Время от времени они пикетируют

станцию, и сообщения об этом регулярно появляются в местном еженедельнике.

— Это плохо, очень плохо,— пробормотал, заикаясь, Уолтон.— Пожалуй, придется командировать вам на помощь специалиста по связи с общественностью. Мне кажется, что население города не получает достаточной информации.

— Уолтон,— резко заметил Паркс,— сделайте одолжение и никого не присылайте. В прошлый раз мне едва удалось увезти вашего писаку из-под носа разъяренной толпы. А если вам так уж хочется прислать кого-нибудь, ради Бога, пришлите парня, не слишком стремящегося к обольщению малолетних девочек. Это маленький город...

Они уже почти выехали за черту города, когда Кушинг нарушил тишину.

— Вы любите механизмы, Паркс, верно? — поинтересовался он.

Паркс посмотрел в зеркало заднего обзора.— Мне кажется, что каждый инженер любит механизмы,— ответил он спокойно.— Иначе зачем ему быть инженером? Я не утверждаю, что у машины бывает душа, но не уверен, что у нее нет чувств.

— Во время Второй мировой войны я был офицером связи на флоте,— принялся рассказывать Кушинг.— У нас на корабле был установлен радиолокатор — модели Шугар Джордж, если не ошибаюсь, и всякий раз, когда его заклинивало, мы пинали его. После этого он действовал великолепно.

— Он работал бы еще лучше с графитовой смазкой в подшипниках,— коротко ответил Паркс.

Наступило молчание.— Интересно, когда Кушингу надоест обмениваться колкостями с Парксом,— думал Брандт.

— Видите ли, Паркс, иногда инженер так увлекается какой-то небольшой проблемой, что теряет способность понимать, что происходит,— заметил Кушинг.

На лице Паркса появилась едва заметная улыбка.— Мне нравится другое выражение,— произнес он.— «Из-за нехватки гвоздя пришлось выбросить весь ботинок».

— Разбудите меня, когда приедем в гостиницу,— сказал Кушинг и откинулся на подушки сидения, закрыв глаза.

Перевел с английского И. ПОЧИТАЛИН

(Продолжение следует)

Обращение в Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР, к президенту СССР ГОРБАЧЕВУ М. С.

Советы трудовых коллективов Ассоциации промышленных предприятий Ленинграда, представляющие интересы более 500 тысяч работающих, обращаются к Вам с предложением рассмотреть нашу позицию по вопросам перестройки экономики.

Наши регулярные предложения, направляемые от имени Ассоциации в Верховный Совет СССР, в своих принципиальных вопросах остаются без реализации. В результате Законы об аренде, о земле, о собственности и проект Закона о налогообложении предприятий, а также многочисленные решения правительства не оправдывают ожиданий, не позволяют нормально работать многотысячным коллективам — становому хребту народного хозяйства. Невнимание к интересам сотен миллионов граждан ведет к конфронтации народа и руководства.

Мы предлагаем немного, но это немногое является ключом к активизации экономики:

1. Вся чистая прибыль (образующаяся после расчета по всем обязательствам, включая дивиденды по акциям, уплаты налогов и другим) остается в полном распоряжении предприятия и принадлежит его членам на долевой (согласно трудовому участию) основе.

2. Любое имущество, приобретенное на эту чистую прибыль (производственное, соцкультбытовое и др.) является собственностью членов трудового коллектива на долевой (паевой) основе.

Реализация этих двух положений требует небольшого, но основополагающего уточнения статьи 25 Закона о собственности.

3. Предприятие самостоятельно устанавливает системы и размеры оплаты труда в пределах имеющихся у него финансовых средств. Государственное регулирование этого процесса осуществляется только прогрессивным налогообложением граждан и льготами в налогообложении на инвестиции, финансирование социальных программ и др.

4. Предприятие самостоятельно устанавливает цены на продукцию, соблюдая основные принципы антимонопольных правил. В том числе вся прибыль, полученная от реализации

продукции по ценам, обеспечившим рентабельность выше 40 % к основным фондам, или выше 50 % к полной себестоимости, подлежит прогрессивному налогообложению вплоть до изъятия.

5. Госзаказ в своей обязательной части не должен превышать 65—70 % от базового года и по взаимному согласию всей промышленности страны обеспечивается всеми ресурсами (добровольные договорные госзаказы). Обеспечение осуществляется независимо от распределения лимитов, фондов и каких-либо иных действий государственных органов.

6. Принудительное прикрепление производителей прекращается. На переходный к рыночной экономике период закрепляются прямые связи, сложившиеся на 1990 г. непосредственно с получателями, минуя министерства, посреднические конторы и базы.

7. Налогообложение всех видов предприятий, всех форм и уровней собственности должно быть единым по стране. Льготы и привилегии могут устанавливать Верховный Совет СССР и Верховный Совет республик, а любой Совет — только в пределах своей доли налогообложения. Принудительное взимание иных налогов и отчислений как территориальным, так и союзным ведомствам запрещается.

Заложенные в проекте Закона о налогообложении предприятий принципы и размеры налогообложения ведут к фактическому уничтожению отечественного машино- и приборостроения в сроки не более 3—5 лет.

8. До решения вопроса о равенстве всех предприятий независимо от форм собственности уточнить постановление и Закон об аренде, предоставив право всем без исключения коллективам выходить на аренду, в том числе по специальным спискам, утвержденным Верховным Советом СССР и республик, с полной правопреемственностью и ответственностью государственного предприятия; также следует предусмотреть право выкупа. Арендодателем должно являться государство по общегосударственным правилам и нормативам, а не министерства. Считать недопустимым определение в роли арендодателей отраслевые министерства и ведомства без общих нормативов.

Полный текст Закона о социалистическом предприятии, направленного нами в Верховный Совет СССР, согласованный с ассоциациями, которые уже действуют в стране, предлагаем рассмотреть на правах альтернативного варианта, прежде всего, по статьям принципиального характера.

9. Наши предприятия полностью поддерживают обращение СТК ЛПО «Кировский завод» в Верховный Совет СССР.

Дело перестройки и перехода на рыночные отношения требует решительных и незамедлительных действий в интересах многомиллионных масс трудящихся.

Май 1990 г.

ОТ РЕДАКЦИИ. **Почему все-таки обращение полумиллиона рабочих не обсуждено до сих пор?**

Обращение в Верховный Совет СССР

Обсудив вопросы падения уровня жизни, а также неэффективность правительственных мер, принятых на II Съезде народных депутатов СССР, совет трудового коллектива ПО «Кировский завод» считает необходимым потребовать следующее.

1. Поддерживая переход к рыночным отношениям не позднее 1991 г., считаем совершенно необходимым, учитывая принципиальный характер предстоящих изменений, до принятия соответствующего пакета законодательных актов опубликовать их в печати, провести широкое обсуждение в трудовых коллективах.

2. Считаем недопустимым сохранение администрирования в экономике в любом виде. При этом неприемлемо существование авторитарно-административной структуры управления народным хозяйством как по принципу отраслей (то, что имеет место сейчас в лице министерств и ведомств), так и по принципу территорий. Местничество ничем не лучше ведомственности: и то, и другое несовместимо с рыночной экономикой.

3. Учитывая сложившуюся обстановку, настаиваем на незамедлительном рассмотрении и законодательном оформлении в 1990 г. следующих мер:

3.1. Государственное предприятие получает право распоряжаться своей продукцией. На переходный к рыночной экономике этап право распоряжения распространяется на объемы, превышающие госзаказ. Госзаказ формируется на договорных условиях и обеспечивается сырьем и комплектующими, которые также представляют из себя госзаказ.

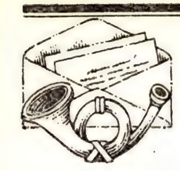
3.2. Предприятие самостоятельно распоряжается заработанной им чистой прибылью.

3.3. Установить единый порядок исчисления и взимания арендной платы при передаче государственных предприятий в аренду. Считать недопустимым определение в роли арендодателей отраслевых министерств и ведомств.

3.4. Предприятие отчисляет установленную часть прибыли в местный, республиканский и союзный бюджеты в соответствии с Законом о едином налогообложении, принудительное взимание иных налогов и отчислений как территориальными, так и союзными ведомствами запрещается.

3.5. Необходимо четкое законодательное разграничивание функций и полномочий органов самоуправления и администрации государственных предприятий, а также определение круга вопросов, которые могут быть решены только коллегиально.

МЕЗЕНЦЕВ,
председатель СТК

Из писем в редакцию

Тепло и эксергия

Непосредственной причиной для написания письма послужила заметка А. Михеля «Тепло в городе» в ЭКО 5.89. Совершенно согласен с мнением по поводу недоразумений из-за неучета потерь сетевой воды применительно к отдельному потребителю.

Это — одна из многих частных причин, приводящих к большим потерям в теплоэнергетике. Хотелось бы рассказать о существующем методе распределения затрат на производство электроэнергии и тепла, который приводит к более значительным потерям.

Исторически сложилось, что значительная часть электричества и тепла вырабатывается в нашей стране совместно — на ТЭЦ (теплоэлектроцентралях). Возможна и раздельная выработка этих продуктов — электричества на КЭС (конденсационных станциях), а тепла — в котельных.

Основной показатель — удельный расход топлива на выработку электричества и тепла — для КЭС и котельных получается просто: расход топлива делится на произведенную электроэнергию и тепло. Сложнее дело с ТЭЦ.

Сейчас произведенные электрическая энергия и тепло приводятся к одинаковым единицам — киловатт-часам или гигакалориям, а израсходованное топливо распределяется пропорционально полученным значениям. Термодинамически это — грубая ошибка. Сравниваются величины, имеющие одинаковую размерность, но различную суть. В дальнейшем на основании исчислений себестоимости формируются тарифы на тепло и электричество.

Ситуация подобна тому, как если бы фермер, вырастивший барана, продавал его мясо по той цене, что и рога с копытами. Разница лишь в том, что на рынке баранину купят, а от рогов покупатель скорее всего откажется. Но в плановом хозяйстве не спрашивают мнения о предлагаемом товаре. Правда, и здесь с появлением зачатков хозяйственной самостоятельности все возвращается на круги своя.

В результате себестроимость электроэнергии ТЭЦ много меньше себестоимости, произведенной КЭС. По данным Союзэнерго, к примеру, в 1987 г. удельный расход топлива на КЭС страны составил в среднем 355,5 г/кВт.ч). Объясняют разницу тем, что тепловой поток, отработанный в турбинах КЭС, направляется в конденсатор и в нем часть тепла безвозвратно теряется, а на ТЭЦ это тепло используется. Однако потенциал такого тепла настолько низок, что его использование не может серьезно изменить показатели работы. С другой стороны, это сказывается именно на экономичности всей станции в целом, но не на удельных расходах топлива и на выработку электричества, этап производства которой уже закончен к моменту начала использования низкотемпературного тепла.

Все дело в том, что затраты на производство электроэнергии на ТЭЦ частично переносятся на тепло, отпускаемое ею. Основной продукцией ТЭЦ считается электричество, тепло уже было как бы побоч-

ным эффектом. Поэтому и утвердилось мнение, что на таких установках вырабатывается электричество, а вдобавок, как бы бесплатно, тепло. Такому подходу очень хорошо соответствует «физический метод» распределения затрат, о котором рассказывалось выше. Беда метода в том, что тепло и электричество на равных.

Несоответствие в действующих ныне тарифах на тепло и электричество чувствует и потребитель. Минэнерго обеспокоено тем, что многие потребители, покупая дешевое электричество, отказываются от тепла, предпочитая строить собственные котельные. Но это — нормальная реакция здравомыслящих хозяйственников, переходящих на элементы хозрасчета. Естественно их желание покупать то, что продается ниже себестоимости, и отказываться от продукта, цена которого завышена. Кроме того, непомерная энергоемкость нашего национального продукта имеет ту же природу — кто будет экономить то, что ничего не стоит?

Можно ли разделить затраты на электричество и тепло при их совместном производстве? По нашему мнению, можно. В термодинамике существует понятие, именуемое эксергией — работа, которая может быть получена от системы при ее переходе из данного состояния в состояние полного равновесия с окружающей средой. Короче, эксергия — это максимальная работоспособность системы. На основе этого понятия в сочетании с элементами системного подхода и экономики был сформирован инженерный метод, получивший название эксергетического. При его помощи задачи, связанные с энергетическими превращениями, могут решаться компактно и наглядно.

Для ТЭЦ расход топлива распределяется пропорционально между теплом и электричеством, но выраженными в эксергетических единицах, а не в энергетических. Учитывают не тепло ТЭЦ, а эксергию этого тепла. Ведь потребителя интересуют не абстрактные киловатт-часы, а возможность получения полезнего действия от них. А это и есть эксергия. Электричество же, как энергия высшего качества, равно эксергии. В результате та часть затрат, которая неоправданно перекладывалась на тепло, будет учитываться в себестоимости электричества.

В заключение хотелось сказать о применении эксергетического метода в экономике. Во многих странах — Японии, США и Швеции — давно уже составляются эксергетические балансы не только отдельных предприятий, но даже регионов и народного хозяйства. С их помощью можно проводить анализ систем, на входе и выходе которых имеются различные виды сырья и продуктов. Все чаще в литературе можно встретить термины «эксергетическое мышление», «эксергетический менеджмент». У нас при Институте энергетических исследований АН СССР создан постоянно действующий семинар, занимающийся составлением эксергетических балансов регионов и отраслей. Быть может, на основе понятия «эксергия» и родится тот самый сквозной показатель, приводящий к общему знаменателю все виды природных ресурсов и производимых человеком продуктов. О таком едином измерителе мечтал В. И. Вернадский.

А. П. АЛЕКСЕЕНКОВ,
пос. Железнодорожный Московской обл.

О ПЕТУХЕ, ЧЕРТЕ И МЕНЕДЖЕРЕ

М. В. СМИРНОВ,
кандидат психологических наук,
директор ленинградского
психологического центра «Леонардо»

В старинной притче говорится о художнике, который знал, что черта рисовать легче, чем петуха,— черта никто не видел и не скажет, что непохоже...

Чем больше шуму создается сегодня вокруг школ менеджеров, тем чаще представляется, что менеджеру отводится в них роль черта из притчи. И в самом деле, почему используется это иноязычное слово, которое и произносится-то не всегда правильно? Только ли потому, что такова мода, или потому, что на обиходных словах «управленец», «руководитель», «организатор» лежит груз нерадужных ассоциаций? А может быть, эта «заграничность» дает возможность выбирать содержание и методы обучения менеджеров, абсолютно не сообразуясь с реалиями, а в рекламе — не скупиться на щедрые обещания?

Сравните рекламные материалы различных школ. Все они смело берутся за определенную плату из наших АУР и ИТР, а также школьников сделать настоящих менеджеров... Сроки и программы обучения, квалификация и профессиональный состав преподавателей зачастую несопоставимы: от двух дней (это не шутка — увы, реальность) до двух лет, с отрывом и без отрыва от производства, в аудиториях и на круизных теплоходах (в рекламе особо отмечается, сколько там ночных баров, саун, кинозалов) и даже заочно (право, не хуже бокса по переписке). А чему только не обещают научить: хозрасчету, внешнеэкономической деятельности, маркетингу и хозяйственному праву, всем премудростям психологии, актерскому и ораторскому искусству, теории и практике управления... И все это в самых неожиданных комбинациях.

Разнообразие должно быть настоящим, когда различия существенны для потребителя, когда последний располагает правдивой информацией и выбирает, что ему сегодня нужнее. Сегод-

ня нет соответствующих информационных служб, а верить саморекламе иных школ, столь однообразно многообещающей и по-петушиному звонкой, оснований маловато.

Дело не в платности подготовки руководителей — профессионализм должен стоить дорого и так же цениться обществом. Можно ли за два дня подготовить менеджера, учитывая исходный уровень деловой культуры у нас в стране? И сколько бы ни брали за такую «подготовку» (рука не поднимается написать известную сумму), и какой бы диплом потом ни выдавали (а в этой школе-двухдневке успевают и это)— все это чистейшее надувательство. Не жалко попавшихся на удочку: если скупой платит дважды, то простак — трижды. Не жаль и погнавшихся за дешевизной, что клюнули на предложение всего за две недели сделать из работников кадровой службы специалистов по отбору, аттестации и обучению руководящего состава всего предприятия. Не правда ли, заманчиво: платишь какие-то 30—40 тыс. руб., и на родном предприятии появляется своя школа менеджеров — учи теперь бесплатно всех подряд. Любому здравомыслящему человеку ясно, что это профанация, но дело в том, что она не безобидна. Например, в программу обучения кадровиков включены психологические методы, в том числе достаточно глубокие личностные тесты, все изучение которых сводится к правилам подсчета шкальных оценок в примитивной (по шпаргалке) интепретации. Между тем использование в обучении психологических тестов требует фундаментального образования, иначе весьма вероятно нанесение психических травм тестируемым — не по злому умыслу, а просто из-за невежества.

Обманчивая легкость перевода на персональные ЭВМ тестов привела многих непрофессионалов к идее продавать комплексы тестов (чаще зарубежных) «по оценке и отбору руководителей». Посидел за клавиатурой, поотвечал на вопросы — и пожалуйста, готова распечатка результатов с приговором — годен или не годен. Но дело в том, что зарубежные тесты не только иноязычны, но и инокультурны. Созданы они для своих конкретных задач и условий применения, так что просто перевести тест на русский язык и научиться считать баллы за ответы мало. Нужна трудоемкая профессионально грамотная адаптация теста, без которой его употребление бессмысленно или даже вредно. Есть и более беззастенчивые молодцы, которые не утруждают себя переводами, а попросту берут уже изданные у нас книги с психодиагностическими методами, копируют их и продают предприятиям. А те покупают за большие деньги, хотя и не имеют специалистов, чтобы всем этим пользоваться.

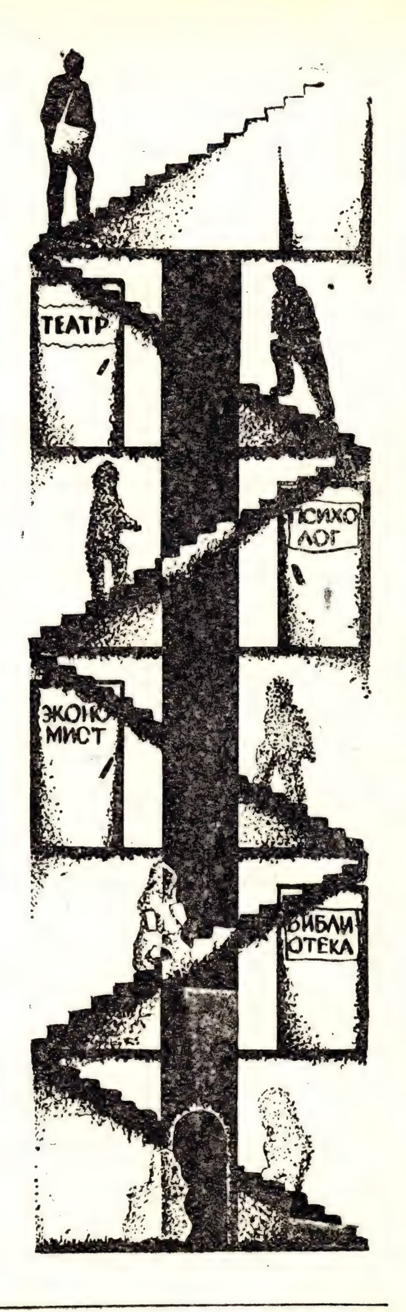
У врачей есть заповедь «не навреди». В неменьшей степени она относится к тем, кто берет на себя право вторгаться в психику человека тестами, тренингом общения или чем-нибудь еще. Безответственность несовместима с профессионализмом, а здесь мы столкнулись с самоуверенным дилетантством, не знающим удержу в стремлении заработать. Впрочем, легче всего обвинить наши школы менеджеров во всех грехах и чего-нибудь решительно от них же потребовать. Например, закрытия или совершенствования на единой методологической... или строжайшего контроля...

Но вспомним притчу о художнике — легче то, за что не несешь ответственности. А кто должен отвечать за отсутствие в нашей действительности корректного представления о том, какие руководители нам нужны, какими должны быть школы их подготовки? Потребители-заказчики, которые чаще всего не в состоянии вразумительно объяснить, чего же им, собственно, надо? Если бы потребитель был разборчивее, все несостоятельные школы менеджеров просто обанкротились бы и прекратили существование. Но пока есть спрос на нечто чертовски туманное и невиданное, будет процветать халтура.

Происходящее со школами менеджеров и вокруг них — закономерное следствие нашей деловой культуры, ответственность за

которую не стоит валить на чужую голову. Так ли ценится сегодня обществом руководитель-профессионал, чтобы достойно платить за его работу и подготовку, чтобы требовать ее высокого качества? Спросите себя: если бы вы узнали о руководителе экстра-класса, которому платят, скажем, 3000 руб. в месяц, вы бы не возмутились, а позавидовали его таланту и коллективу, имеющему такого лидера? Но нам ли не знать, что происходит, когда профессионализм обесценивается. Увы, не так уж парадоксально то, что школы менеджеров, призванные перестроить нашу деловую культуру, сами оказались в ее прокрустовом ложе.

К чему это приводит? Помнится, когда в моде было создание АСУ всем и вся, была популярна шутка о пяти этапах: шумиха, неразбериха, поиск виновных, наказание невиновных, награждение непричастных. История грозит повториться: по сути, со школами менеджеров мы вынашиваем те же иллюзии. Одна из самых живучих — иллюзия готового рецепта («чудотворной таблетки»): предполагается, что достаточно побывать в какой-нибудь (лучше с названием погромче) школе менеджеров, и все недуги деловой жизни мгновенно как рукой снимет. А если же эти наивные претензии не оправдаются, то берегитесь и эта, и все школы, и вся наука вообще...

Простая мысль — обязательность значительных собственных усилий обучаемого в формировании деловых качеств — не принимается как очевидная. И как дополнение к этому — игнорирование педагогического творчества в самом процессе обучения. Мастерство не может вырасти из равнодушного ремесленничества и скучающего школярства...

Иллюзии и дилетантизм плодят несбывшиеся надежды, разочарование, а там и (смотри пять этапов жизни АСУ) возмущение и, конечно, оргвыводы. Опять с водой можно выплеснуть ребенка в досаде на собственную неспособность его отмыть и вырастить.

Наверное, все это мало заботит тех, кто спешит сорвать денежную пену с волны интереса к наукам об управлении. Хотя даже с экономической точки зрения их поведение саморазрушительно: обманутый потребитель не будет платить еще и еще раз, и спрос быстро исчезнет. Впрочем, напрасно рассчитывать на изменение нравственных установок дельцов, спекулирующих на общественной потребности. Выход из положения в том, чтобы потребители-заказчики становились разборчивее в выборе того, чему, как и у кого учиться.

Однозначных рецептов здесь быть не может, но есть четкие признаки, позволяющие определить, не подсовывают ли вам нечто несуразное. Если вы хотите, чтобы вам нарисовали петуха, недурно представлять, как он выглядит.

Начнем с главного. Профессию руководителя нельзя выучить только по книгам и лекциям, как нельзя выучить такт и вежливость, способность понимать и убеждать людей, принимать неординарные и взвешенные решения... Специальные знания нужны, но явно недостаточны, чтобы быть хорошим руководителем, способным к эффективным управленческим действиям. Требуются развитые навыки культуры делового поведения, зрелая личностная позиция. В подготовке руководителей — больше внимания тому, «кто» и «как» учит, чем перечню дисциплин. Далеко не все нынешние преподаватели школ менеджеров могут претендовать на роль проводников подлинной культуры управленческой деятельности. Любая культура передается только от человека человеку, в процессе непосредственного контакта.

Итак, первый признак качества школы — каковы ее педагоги.

Второй — как построены занятия. Игры, практическая работа, равноправное участие в диалоге «учителей» и «учеников», гибкое обучение в зависимости от конкретных потребностей и возможностей аудитории, ориентация на личностное и профессиональное развитие обучаемых, общегуманитарный стержень в синтезе усилий профессионалов

разных специальностей (психологов, управленцев, экономистов и др.), активное привлечение средств искусства (театра, музыки, кино, видео) — этим сегодня отличаются лучшие центры по подготовке руководителей и у нас, и за рубежом.

Так работать труднее, чем просто читать циклы лекций. Но и отдача несравненна! К примеру, совсем недавно наш психологический центр готовил группу кандидатов в депутаты. Их было 25 человек, а «бригада» преподавателей состояла из четырех психологов и трех актеров Ленинградского государственного интерьерного театра. Весь процесс подготовки разрабатывался заново для каждой из двух подгрупп, занятия с которыми велись отдельно. Продолжительность занятий регулировалась только содержанием развертывавшихся игровых коллизий и... вахтером института. И все это вместо одного лектора.

Теперь об авторитетах. Как бы солидно ни выглядели свидетельства об окончании школы менеджеров, как бы на эту бюрократическую приманку ни ловили нас по привычке, будем помнить, что бумага с печатью — ничто, если за ней не стоит зарекомендовавшая себя группа авторитетных профессионалов. Правда, сейчас в моде заимствовать чужой авторитет через создание совместных предприятий, через приглашение зарубежных специалистов по менеджменту. Ну уж если не переводится «любовь с итальянского», то и менеджмент по-японски, по-американски и по-европейски просто так не пересаживается на нашу культурную почву.

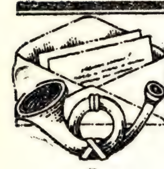
На одном из телемостов американским предпринимателям советские коллеги задали вопрос об отношении к «кооперативам-спекулянтам», которые в одном месте покупают, а в другом много дороже продают. Американцы, поинтересовавшись, насколько бойко идет эта торговля, заявили, что у них в этом бизнесе быстро образовалась бы конкуренция. А у нас от домохозяек до Верховного Совета СССР реакция одна — запретить как ненормальное, уродливое явление. Увы, даже хорошие зарубежные специалисты не настолько понимают, что у нас происходит в деловой жизни, чтобы быть безусловными авторитетами в подготовке руководителей для работы у нас, а не за границей. Пророков нужно искать все же в своем отечестве.

И еще один ориентир для оценки потенций школы менеджеров. Деловая культура не меняется в одночасье по приказу, она способна только развиваться, и не вообще, а через изменения в поведении, в мышлении конкретных людей — к сожалению, не столь быстрые. Поэтому если в рекламе школы вам обещают чудесные превращения, то скорее всего вы имеете дело с чертовщиной.

От редакции. Приглашаем читателей высказаться по теме, затронутой ленинградским психологом. Конечно, интересны положительные и отрицательные факты из работы менеджерских школ.

Но давайте обсудим и другую сторону проблемы. Кандидатам в депутаты очень важно хорошо предстать перед избирателями, но неужели это столь исключительно важно для менеджера?..

Из писем в редакцию

Налог только государству

Считаю абсурдным изъятие прибыли предприятий на содержание вышестоящего аппарата. За счет этих средств они, ничего не производящие, последовательно увеличивают свои оклады.

Предлагаю:

1. Средства вышестоящим организациям не перечислять, кроме как на целевые программы с согласия СТК.

2. Все перечисления направлять только государству, в виде налога с прибыли.

3. Предприятия сами решают (имея на руках проект бюджета района, области, города), куда направить выплаченные государству средства.

В итоге предприятия имеют обязательные денежные отношения только с государством и со своими партнерами. Добровольные — с кем угодно, были бы деньги и целесообразность. Думаю, что при такой постановке дела Минводхозу точно ничего не достанется.

М. А. НИКОЛАЕВ,
Чебоксары

Здоровье - категория экономическая

В наших условиях, когда не купить анальгина, когда теряем новорожденных и матерей из-за отсутствия самого необходимого, антисанитарии и скученности в роддомах, когда заражаем детей СПИДом в больницах, когда... в горле перехватывает от возмущения, глядя на наши реальности, трудно спокойно воспринять идею предлагаемой статьи. Она совсем о других условиях — когда медицина и гигиена настолько развиты, что дополнительные усилия уже дают ничтожно малую прибавку в улучшении показателей здоровья, в снижении смертности. Нам стоит задуматься и над тем, что дефицит внимания, дружелюбия, психологического комфорта отравляет и укорачивает жизнь людей гораздо больше, чем любой другой дефицит на свете... Именно этот вывод делает американский ученый в своем серьезном исследовании.

ЖИТЬ ДРУЖНО, ЗНАЧИТ, ЖИТЬ ДОЛГО*

Леонард А. САГАН

Продолжительность жизни за последние несколько столетий существенно выросла. В 1900 г. американец в среднем жил 45 лет, и каждый пятый ребенок умирал в детстве. Сегодня продолжительность жизни увеличилась, американцы живут в среднем 75 лет, и детская смертность сократилась до 10 смертей на 1000 рождающихся. Как врачи, так и общественное мнение приписывают это современной медицине, поэтому в США вкладывают в нее значительные средства: больше 4 млрд в год, или 11 % валового национального продукта, что больше, чем в любой другой стране. Но при этом уровень хронических заболеваний среди детей все же повышается. Продолжительность жизни растет медленнее, чем во многих странах, например в Японии, где она наиболее высока, хотя страна тратит на здравоохранение всего около 500 дол. на душу населения, в то время как США — 1500.

Очевидно, необходимо более тщательно исследовать взаимосвязь между усилиями здравоохранения и нашим действительным здоровьем. Что же в действительности определяет здоровье людей? Почему мы живем дольше, чем люди, находящиеся на более низких ступенях цивилизации?

Нельзя отрицать ценность многих достижений современной ме-

* Leonard A. Sagan. Family ties (The real reason people are living longer) // The sciences, 1988. March — april.

дицины. Немало сделано, чтобы облегчить страдания, спасти человеческие жизни. Но по большей части терапия не удлиняет жизнь. Более того, любое медицинское вмешательство несет в себе долю риска, будь это хирургическая, фармацевтическая или даже диагностическая процедура.

Появление антибиотиков в медицине обычно рассматривается как поворотная точка в борьбе с инфекциями. Некоторое время антибиотики обладали огромной лечебной силой и могли бы оставаться могучим орудием против инфекции, если бы не их чрезмерное употребление. Их выписывают при простуде и гриппе, хотя нет никакой уверенности, что они помогают. Во многих больницах их дают как витамины. Недавно обнаружено, что 30 % больных получали антибиотики, хотя лишь половина из них обнаруживала признаки инфекции. Пациенты, которым действительно нужны антибиотики, зачастую получают не те, которые нужно, и не в той дозировке.

Одним из последствий чрезмерного увлечения пенициллином и другими «чудо-лекарствами» стало приспособление к ним бактерий. Многие инфекции, легко излечивавшиеся 30 лет назад, сегодня лечению не поддаются; 6 из 100 пациентов приобретают инфекцию в больнице, и это количество растет на 2 % ежегодно.

По всеобщему убеждению, сокращению смертности от инфекционных заболеваний способствует иммунизация. Однако использование вакцин по большей части не приносит явного эффекта. К началу XIX века, когда в Европе стала доступной вакцина, количество смертей от оспы уже сокращалось. С распространением вакцинации смертность продолжала падать, однако то же самое происходило с инфекционными болезнями, против которых не было вакцин.

Сердечно-сосудистые заболевания также представляют сегодня меньшую угрозу, чем в прошлом. Количество людей с поражением коронарной артерии в 1983 г. сократилось на 28 % по сравнению с 1957 г. Количество смертей от этого заболевания в Америке сократилось с 350 на 100 000 человек в 1970 до 250 в 1985 г. Если это — заслуга медицины, то она в самом деле многого добилась. Однако здесь, как и в случае с инфекционными болезнями, связь между профилактикой и лечением, с одной стороны, и здоровьем, с другой, весьма неуловима.

Исследователи разделили группу из почти 13 000 мужчин от 35 до 57 лет на две части. В течение семи лет члены одной из этих групп продолжали наблюдаться у обычных докторов, а вторая приняла участие в терапевтической программе, имеющей целью сокращение риска сердечно-сосудистых заболеваний. Отказ от курения, ограничение холестерина в пище, контроль за кровяным давлением, а в случае необходимости применение лекарств привели к тому, что к концу периода в этой группе сократилось потребление сигарет и холестерина, у них меньше повышалось давление. Однако они прожили ничуть не дольше тех, кто жил сам по себе. Смертность (41,2 на 1000) была даже слегка выше, чем в контрольной группе (40,4). Причины такой неудачи не ясны. Медики предположили, что побочное воздействие лекарств перевесило положительные итоги этой программы.

Если сокращение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний не объясняется профилак-

тикой, то, может быть, новыми, лучшими методами лечения? Сегодня аорто-коронарное шунтирование — одна из самых частых операций в Америке. Около 200 000 американцев в год проходят ее. Однако лишь в одном случае из десяти речь идет о спасении жизни.

Возможно, лечение рака удлинит жизнь? Создается впечатление, что это влияет на смертность: за последние годы существенно увеличилось среднее время между диагностированием злокачественной опухоли и смертью пациента. Доля выживших раковых больных выросла с 38,5 % в 1973 г. до 40,1 % в 1978 г. К сожалению, из этого не обязательно следует, что больные раком стали жить дольше, не говоря уже о том, что химиотерапия и хирургические операции продлевают их жизнь. Многие ученые считают, что более раннее обнаружение рака создает иллюзию увеличивающейся продолжительности жизни.

Национальный институт рака обследовал в 1984 г. взрослых курящих мужчин с большой вероятностью развития рака легких. Их разделили на две группы. Одна проходила рентгеновское обследование лишь раз в год, второй группе часто делали рентгенографию и регулярно обследовали мокроту на наличие раковых клеток. Неудивительно, что среди регулярно обследуемых рак легких диагностировался чаще. Поскольку опухоли обнаруживали и начинали лечить на более ранних стадиях, коэффициенты выживания были впечатляющими. Но количество смертей от рака легких в обеих группах было практически одинаковым.

За последние 50 лет смертность от рака среди пожилых людей в США совсем не сократилась. Относительно редкие случаи рака у детей хорошо поддаются лечению. Но такие ситуации скорее исключение, чем правило. Большая часть методов лечения вводится даже без тщательной проверки их эффективности и принимается врачами и пациентами, которые рады предпринять все, что угодно.

Речь здесь не о том, что не надо лечить рак, а лишь о том, что лечение не оказывает заметного воздействия на общие коэффициенты дожития раковых больных, не говоря уже о продолжительности жизни всего населения. Каким бы успешным ни было лечение рака, оно не может сильно удлинить продолжительность жизни, поскольку сама болезнь не слишком ее сокращает. Рак поражает в основном пожилых. По некоторым оценкам, даже в случае полного излечивания рака продолжительность жизни в США увеличилась бы менее чем на два года (за это столетие она возросла на 25 лет).

Но раз уж современная медицина не может считаться укротительницей инфекционных, сердечно-сосудистых заболеваний и рака, она, по крайней мере, облегчает матерям и детям процесс рождения. Заслуга операции кесарева сечения в быстром снижении смертности рожениц несомненна. Однако, как и многими другими медицинскими процедурами, ею так злоупотребляют, что она уносит столько же жизней, сколько и спасает.

Сейчас уже вполне очевидно, что современная медицина, как бы много она ни сделала для отдельных людей, мало влияет на общее состояние здоровья больших групп населения. В то же время продолжительность жизни за последние два века резко возросла. Чем еще можно было бы объяснить такое изменение? По-

нятно, что санитарное состояние, здоровое питание и хорошее лечение важны, но не вносят ясность в проблему.

Во время промышленной революции, когда перспектива работы привлекла в большие города толпы мигрантов из сельских местностей, во многих из них ухудшилось санитарное состояние. Гниющее мясо, рыба, мусор кучами валялись на улицах Нью-Йорка и Лондона, не было современных туалетов. Поэтому поразительно, что в этот период смертность от инфекционных заболеваний устойчиво снижалась.

Другой загадкой является то, что частота случаев инфекционных заболеваний мало сократилась по сравнению с XIX веком. Уменьшились лишь смертность и увечность в результате этих болезней. В 1940 г., спустя много лет после того, как туберкулез перестал быть главной угрозой здоровью, анализы показывали, что 95 % всех американцев к 45-летнему возрасту были заражены туберкулезной палочкой. Однако подавляющее большинство одолело инфекцию. Даже сегодня повсюду вокруг нас живут микроорганизмы, когда-то возбуждавшие столько болезней и смертей. По большей части они существуют как внутри нас, так и снаружи, не причиняя вреда.

Может быть, лучшее питание усиливает нашу сопротивляемость? Но если ключом к долголетию является еда, то наиболее привилегированные семьи Европы должны были бы жить дольше своих современников, питавшихся хуже. А они умирали молодыми, как и американские переселенцы, для которых угроза голодной смерти не была особой проблемой. Более того, нет уверенности, что изменения в пище, привнесенные цивилизацией, полезны для человека. В США из-за усиленного потребления белого хлеба, булочек, пончиков, алкоголя и мяса откормленных, разжиревших животных от 20 до 25 % взрослых мужчин имеют избыточный вес.

Таким образом, жизнестойкость современных людей нельзя напрямую объяснить улучшениями в медицинском обслуживании, санитарном состоянии и еде. Однако есть другое объяснение возросшей продолжительности жизни. Мы обычно представляем, что доиндустриальные люди меньше страдали от стресса, чем мы. Однако в действительности стрессы простой жизни намного превосходят те, что выпадают на долю замотанных спешкой современных администраторов. Одно дело — беспокоиться по поводу налоговой декларации или сделки, и совсем другое — хоронить ребенка, не знать, хватит ли собранного урожая на зиму, или видеть, как наводнение смывает твой дом.

По многочисленным свидетельствам, чувство бесполезности усилий зачастую сопровождается апатией, депрессией и смертью, например у лабораторных животных, а также у военнопленных. Различные формы социального страхования и медицинской помощи смягчают для нас удары бедствий. Но более важно то, что созданы условия, при которых большинство людей не чувствуют беспомощности. Сегодня мы считаем само собой разумеющимся, что мы хозяева своих судеб, и уже это помогает нам одолевать болезни.

Как это случилось? Каковы источники чувства собственной силы и высокой самооценки?

Ни одно общественное образование не изменилось так сильно, как семья. До конца XVIII века она существовала главным образом как экономическая единица;

браки устраивались с целью сохранения имущества, а дети служили дешевой рабочей силой или защитой от нищеты в старости. Любимым методом воспитания подчинения и послушания даже в королевских семьях была порка. В эпоху просвещения стандарты и цели воспитания детей начали меняться. Философы считали, что дети, если собираются выжить в беспорядочном и непредсказуемом мире, не могут лишь пассивно полагаться на традиционный авторитет. Им нужна разумная рассудительность. Для воспитания такой рассудительности требуется не железная дисциплина, а любовь и опека. Лишь постепенно, с ускорением этих идей стали признавать, что детство — это особая ступень жизни. Связующими силами семьи стали любовь и опека, а не долг и обязанность.

В XIX веке высшие слои общества начали понимать, что дети — не просто семейная прислуга, а люди со своими собственными потребностями. С распространением этой тенденции на другие классы детская смертность среди этих классов также сократилась. Это не простое совпадение, поскольку и до сих пор дети из больших семей больше страдают от инфекций, несчастных случаев и чаще умирают, чем из маленьких семей, независимо от социальной принадлежности. Единственный ребенок из бедной семьи имеет столько же шансов дожить до года, сколько ребенок из богатой, где есть еще четверо или более детей.

Почему это так? Одно из объяснений состоит в том, что дети из малых семей во всех отношениях сильнее, благодаря дополнительной заботе родителей. Исследования последних сорока лет показывают, что дети плохо развиваются и даже умирают, если обеспечены их физические потребности, но отсутствует личный контакт с попечителями. В одном из экспериментов дети, помещенные в детский дом в раннем возрасте, были разделены на две группы. Члены одной из групп оставались в детском доме, а другие были розданы приемным родителям. К концу первого года приемные дети были лучше развиты как умственно, так и физически.

Другие исследования дают еще более поразительные свидетельства. За одной группой детей ухаживали как обычно в детских домах, где зачастую уход физически достаточен, но эмоционально стерильный, а другую поместили под индивидуальную опеку умственно отсталых женщин. Через три года дети из первой группы в среднем потеряли 26 пунктов (наблюдалась еще большая задержка умственного развития), в то время как из второй — повысили на 28 пунктов. Эта разница стала еще заметнее 30 лет спустя. Ни один из детей первой группы не смог получить даже начального образования, и многие остались под опекой государства. В то время как те, за кем ухаживали приемные матери, получили нормальное образование и встали на ноги.

Мы только начинаем понимать механизмы связи между эмоциональным и физическим здоровьем (это дало толчок развитию новой отрасли медицины — психонейроиммунологии). Но какова бы ни была эта связь, любовь и безопасность, которые несет современная семья, определяют хорошее здоровье. В конце концов, неважно, насколько изощренны санитария, питание и медицинское обслуживание; дети, окруженные постоянной любовью и вниманием, растущие в обстановке, воспитывающей самоуверенность и опти-

мизм, а не подчинение и безнадежность — живут дольше. Они крупнее, смышленее, более устойчивы и жизнерадостны.

Поэтому нелепо то, что мы продолжаем беспокоиться о качестве нашей еды и чистоте окружающей нас среды, тратить миллиарды долларов на медицинские процедуры, ценность которых ничем не доказана, и так мало внимания обращаем на ухудшение состояния американской семьи. Уровень разводов в США, хотя и выровнявшийся за последние пять лет, возрос с менее чем 10 % в 50-х годах до более 20 %. Удвоилось за последнее десятилетие количество детей, воспитывающихся в неполных семьях, чему причиной не только разводы. Зловещим является также рост количества беременностей у не состоящих в браке несовершеннолетних подростков. Среди белого населения их доля возросла с 8 % в 1940 г. до 20 в 1970 г. и 30 % в 1980 г. Эта проблема еще острее среди чернокожего населения, 60 % которого рождается вне брака. Для того чтобы показать, насколько это серьезная угроза здоровью, достаточно вспомнить, что уровень детской и внутриутробной смертности среди незаконнорожденных детей вдвое выше, а юные матери в семь раз чаще, чем взрослые женщины, плохо обращаются со своими детьми.

Все это говорит о том, что хорошее здоровье в такой же мере определяется социальными и психологическими факторами, как и физиологическими, и что сохранение семьи важно не столько с моральной, сколько с медицинской точки зрения. До тех пор, пока мы не осознаем всю важность семьи и не найдем способов остановить ухудшение ее состояния, мы будем все больше тратить на медицину и все меньше жить. Мы будем тратить ценные ресурсы на ненужное лечение, игнорируя возможность предотвратить трагедию.

Сокращенный перевод с английского Э. Б. ТАРАН

Post scriptum

Береговой ее гранит

Недавно я в туристической поездке был. По пушкинским местам отправился, за ширпотребом. Спланировал заранее: жене — сапоги, дочке —«варенку», ну, и мне — носки, там, лезвия. А события в стране развиваются стремительно. Когда прибыли в город на Неве — там уже все только «по прописке».

Я к табачному киоску подхожу. «Мужик,— говорю,— дай, пожалуйста, блок сигарет». А он мне: «Читать, что ли, не умеешь? Сигареты только для жителей города». Я говорю: «Мужик, имей совесть, дай блок. Вы тут уже накурились, а к нам в деревню табачных изделий после раскулачивания не завозили». А он мне так вежливо говорит: «Давай два рубля и будешь прописан». Я ему два рубля «сверху» сунул, иду, блоком помахиваю, как коренной житель города Ленинграда. Тут очередь за апельсинами. Рядом тоже большой плакат «Цитрусовые и картошка только для жителей колыбели революции». Я, как ни в чем ни бывало, становлюсь, а когда моя очередь подходит, продавщица так бойко спрашивает: «Где,— говорит,— ваша визитка?» Я ей так непринужденно отвечаю: «Вот, черт, наверное, у табачного киоска оставил, когда сигареты брал». И для пущей убедительности блоком сигарет у нее под носом помахал. Взял апельсины, тащу сетку, надрываюсь. И вижу огромную толпу — сапоги дают. Пока толкался — узнал, есть ли нужный размер, замечаю циркуляцию: те, что из магазина выходят, тем, что возле него толпятся, сапоги продают. Ну, тут все быстро прояснилось. Те, что с пропиской, помогают приезжим отовариться. И вообще, это, говорят, у них новая профессия появилась —«житель города». Работа нервная, трудная, в очередях,

но больше полярников получают. За целый день понасмотрелся достопримечательностей «Петра творенья». Тащусь в гостиницу, покупками увешанный. Вдруг чувствую — кто-то за локоть тянет и говорит: «Товарищ, продайте,— говорит,— апельсинчиков. Вы как житель города еще купите». Повернулся я к нему, хотел сказать то, что надумал за день об этом городе и его жителях, которые почему-то апельсины могут за всю страну лопать. Потом решил не обижать их. Все мы жертвы лотереи — кто-то и в Париже родился. И так ласково ему говорю: «Не могу, мужик, сам здесь по пушкинским местам».

Сергей СТРИЖАК,
Челябинск

СОВЕТЫ БЮРОКРАТА

Закон один для всех, но не для каждого.
В том, чего не хватало, все равно что-то было.
О большой камень спотыкаются реже.
Не откладывай на завтра то, что решил отложить на черный день.
Перестройка: поддакивать тому, от чего раньше отнекивались.
Мечта: превратить День печати в День проставления печати.
Чтобы ликвидировать отставание, достаточно изменить направление.

Евгений ЛАПИН,
Новороссийск

ОПЕЧАТКИ

Коллективный оговор.
Повешенные обязательства.
Товарищеский зуд.
Делячьи нежности.
Выходец с того совета.
Трахагент.
Угарный труд.
Перерастройка.
Пошла в секретный отпуск.
В дворовом теле — дворовый дух.
Соссоревнование.
Тоска почета.
Нет-а-нет.
Высокопоставленный виновник.
Разговор по ушам.
Банкетные данные.

Александр ГАВРИЛОВ,
Рига

Институт президетства.
Запас порочности.
Чистосердечное незнание.
Глашатай пересловки.
Козел улучшения.
Перст ужасующий.
Волшебная парочка.
Законопорческая деятельность.
Трескучий маразм.
Возложение венцов.
Общечиновеческие идеалы.
Цивилизованный комбинатор.

И. И. КОЧЕВЫХ,
Киев

СОДЕРЖАНИЕ 8/90

В следующий номер готовятся:

- Начало книги известного венгерского экономиста Я. Корнаи «Дорога к свободной экономике»
- «Круглый стол» ЭКО «Как защитить слабых и сильных»
- Статья Ю. И. Кашина «Игра в банковскую систему»
- Продолжение романа американских авторов Т. Скортиа, Ф. Робинсона «Гибель „Прометея"» и др.

Комментарий художника В. Кривобокова
к статье М. А. Василева «Наша общая рыбалка»:
- РЫБКИ ЗАХОТЕЛОСЬ...

5–86

ИНДЕКС 71117
ЦЕНА 70 КОП.

ЭКО

8/1990